

АМААЕО

НИЧЕГО ЛИЧНОГО...-6

Шестая часть серии «Ничего личного». Несколько недель прошло после возвращения Амадео из Мексики. Ему все же удалось защитить свою семью, пусть и страшной ценой. Но ничто не проходит бесследно, и давно похороненный кошмар вновь восстал из могилы с кличем: «Принесите мне голову прекрасного принца»...

Амадео

Ничего личного...-6

Безумный принц

— Помоги мне, Ксавьер.

Амадео кусал губы в попытке унять дрожь. В глазах стояли слезы, пальцы, в которых он сжимал стакан, тряслись. Виски выплеснулось на стол, едва не попав на любимую книгу принца, которую когда-то подарил ему Кристоф.

— Я... Ты знаешь, что это не я... что я не такой! — Каждое слово с трудом проталкивалось сквозь едва сдерживаемые рыдания. — Не могу стать зверем, не хочу. Но я с ним не справляюсь, он... он каждую ночь царапается и кусается, боюсь, что он снова вырвется, и... — На раскрытую книгу капнула слеза и впиталась в желтоватую бумагу. — Я не смогу загнать его обратно.

Принц смотрел на него с отчаянием и с тем, что Ксавьер больше всего опасался увидеть — надеждой. Протягивал руку, силясь зацепиться за любой выступ, который остановит кошмарное падение. И тянулся к нему, к Ксавьеру, прося вытащить из темноты прежде, чем достигнет дна.

Амадео попытался поставить стакан на край стола, но ударил об угол, и тот раскололся с громким «дзынь!». Ладонь прочертила узкая полоса, тут же наполнившаяся кровью.

Ксавьер едва слышно чертыхнулся, достал из кармана носовой платок и прижал к руке принца.

— Прекрати себя калечить.

— Каждую ночь я снова и снова убиваю Флавио. — Амадео отсутствующим взглядом смотрел на пропитанную красным белоснежную ткань. — С такой яростью, и в то же время с таким хладнокровием... Меня это пугает. Да что там, я просто в ужасе от самого себя. И все настолько реально... — Он прикусил губу.

— Прежде тебе надо успокоиться. — Ксавьер долил виски в свой стакан и протянул другу. — Выпей.

— Ты не понимаешь! — Амадео так яростно замотал головой, что волосы упали на лицо. — Однажды я не смогу себя сдержать! Эта дрянь... Эта пакость рвется наружу! И первым, кто пострадает, будет Тео, он же не отходит от меня, черт возьми! — Голос упал до шепота. — Я не хочу однажды причинить ему вред куда худший, чем Флавио. Ксавьер, я боюсь до смерти. Боюсь за Тео. И боюсь самого себя.

Ксавьер прижал платок плотнее, и холодные пальцы вцепились в руку в поисках опоры и успокоения. Принц очень редко просил помощи, предпочитая решать проблемы самостоятельно, но Ксавьер как минимум удивился бы, если бы Амадео продолжил жить так, будто ничего не произошло. Это для него избавляться от людей стало делом привычным — в наркобизнесе нет места сантиментам, и иногда приходится играть по-грязному. Но не для друга. Даже самые острые конфликты Амадео всегда предпочитал решать мирным путем, и подобная ситуация оказалась для него в новинку.

— Не бойся, принц. Я помогу.

Вот только как это сделать, Ксавьер не имел ни малейшего понятия. От самого простого решения Амадео отказался: прозной совет директоров о том, что гендиректор «Азар» посещает психоаналитика, немедленно встанет вопрос об отстранении от должности. С помощью детского психолога состояние Тео быстро улучшалось, но самого Амадео мучили

кошмары. Он боялся засыпать. Перед глазами сразу вставали отвратительные картины пыток, которым он подверг Флавио, пыток, которым мог бы подвергнуть, не останови его Ксавьер. Сцены ужасной смерти, кровь, брызжащая в стороны из-под тяжелого молотка, крошащиеся зубы, вытекающие глаза... Амадео просыпался со стоном, подушка промокала от слез.

Однажды он проснулся смеясь.

Сон уходил, но в ушах звенели отголоски смеха. Сердце подскочило к горлу, Амадео задыхался, как от приступа клаустрофобии. Кое-как сел, не включая света, и оглянулся на Тео. Мальчик мирно спал, не подозревая, какие кошмары теснятся в голове у отца.

Боже.

Амадео стрелой метнулся в ванную, где его вырвало.

С этой ночи он перестал спать совсем. Дожидался, пока сын уснет, а затем перебирался в кресло и листал какую-нибудь книгу, не запоминая ни слова из прочитанного. Иногда сон брал свое, но не проходило и нескольких минут, как Амадео в ужасе подскакивал. Днем он умудрялся заснуть за офисным столом или в машине, и за счет этих кратких передышек кое-как удавалось держаться.

Разумеется, такой режим никуда не годился, но он не знал, что с этим делать. Тео боялся засыпать один, а Амадео опасался, что причинит ему вред, сам того не осознавая. Он почти ничего не ел, чем огорчал Розу. Цзинь Тао пытался заставить его принимать успокоительное и снотворное, но Амадео наотрез отказывался, и даже Ксавьеру не удавалось его уговорить. Чертов упертый принц предпочитал мучиться от недосыпа.

Вместо сна Амадео с головой окунулся в работу, и Ксавьер оставил его на время в покое в надежде, что это поможет отвлечься. Приходя в «Азар» рано утром, Чилли обнаруживала босса за столом, заваленным кучей папок. На краю стоял недопитый кофе — к началу рабочего дня он обычно успевал прикончить две или три чашки. И сегодня Амадео точно так же закопался в бумагах и даже не поднял головы, когда Чилли вошла в кабинет.

— Доброе утро. — На рыжих волосах, заплетенных в аккуратную косу, блестели мелкие капли — даже зонт не спасал от ветра. — Опять кукуете тут с самого рассвета?

Амадео кивнул в знак приветствия и снова склонился над документами.

— Все нет.

— Сейчас проверим. — Чилли повернула монитор к себе и защелкала мышкой. — Ваш пропуск пиликнул в четыре тридцать пять. Если желаете свалиться с переутомлением, то определенно заказываете нужные блюда.

— Мне не спалось. — Амадео накручивал прядь волос на палец — эта привычка появилась недавно и позволяла отвлечься от отвратительных мыслей о чужой смерти, но обычно аккуратно уложенные волосы теперь были вечно растрепаны и забыли, что такое расческа.

Чилли взяла чашку и критически осмотрела.

— Судя по кольцам, это уже третья. Как долго вы планируете себя убивать?

— А почему ты спрашиваешь? — рассеянно отозвался Амадео, не расслышав вопроса.

— Хочу побыстрее встать во главе компании, разумеется. Тео еще слишком мал, кто-то должен стать его регентом.

Амадео перестал крутить волосы и недоуменно уставился на нее.

— Что?

Чилли рассмеялась.

— Я шучу. А вы меня даже не слушали. — Она нахмурилась. — А если серьезно, еще неделя такого марафона, и вы не в больницу поедете, а в морг. Возьмите отпуск и выспитесь как следует.

— Мне не нужен отпуск. Я и так слишком долго отдыхал в Мексике. — Амадео потер глаза и откинулся на спинку кресла.

— Это не повод себя гробить. Вы наверняка не удосужились позавтракать, сейчас что-нибудь закажу. — Чилли сняла трубку телефона, но ее остановило мерное сопение — Амадео дремал, уронив голову набок.

Девушка вздохнула и, оставив босса в покое, принялась за обычные дела.

* * *

Поспать не удалось — зазвонил телефон, и Амадео, дернувшись, проснулся. Чилли ответила на звонок и недовольно глянула на часы — прошло всего десять минут.

— Поезжайте домой, — потребовала она, вернув трубку радиотелефона на базу. — Не то в следующий раз заснете на совещании или переговорах.

— Я вовсе не спал.

— Конечно, — фыркнула Чилли. — Просто медленно моргнули. Вам с Тео необходимо хотя бы на несколько дней уехать подальше отсюда, вы же почти его не видите!

Амадео всеми силами постарался скрыть охвативший его ужас. Наедине с Тео где-то далеко отсюда, где никто не сможет защитить мальчика... Одна только мысль об этом невозможна! Но он ничего не сказал. О расправе в аптеке Боунса знал только Ксавьер и телохранители, которым поручили избавиться от тела.

— Я в порядке, — отмахнулся он. — У меня слишком много дел, чтобы отдыхать. Рикардо Торрес должен был вчера прислать договор на аренду, он тебе не попадался?

Чилли взяла лежащий на самом верху неровной стопки документ и положила перед Амадео.

— Торрес изменил сроки — он желает снимать помещение не два года, а пять, чтобы избежать лишней бумажной волокиты при продлении договора. Если вас это устроит, я поставлю его в известность.

— Устроит. — Амадео зашарил руками по столу. — Где, черт побери, зарядка для телефона? Я точно помню, была где-то здесь...

Чилли глянула на штекер, торчащий из мобильника.

— Закажу вам завтрак. — Она искоса глянула на бледное, изможденное лицо босса и темные круги под глазами. — И сделаю еще кофе.

* * *

К концу дня Амадео снова уснул в кресле. Он только что вернулся с совещания, на котором присутствовал чисто формально — уставший мозг отказывался воспринимать информацию, тело хотело только одного — вытянуться в горизонтальном положении и отключиться. Чилли говорила за двоих, оставалось лишь кивать с умным видом. Впрочем, мало кто обратил на это внимание — начальники отделов были поглощены своими

проблемами.

Он ставил подпись на обновленном договоре с Рикардо, но вскоре ручка выпала из пальцев. Кошмар не успел добраться до сознания — минуту спустя Амадео услышал знакомый звук снятия блокировки. Чилли ткнула пальцем в экран его телефона, раздался гудок.

— Кому ты звонишь?

— Не ваше дело, — огрызнулась та, прикладывая телефон к уху.

— Нет, мое! Откуда ты узнала код...

— Господин Санторо, это Чилли Райо. Я вас не отвлекла?

Амадео вскочил и попытался выхватить телефон, но Чилли с легкостью увернулась и, как ни в чем не бывало, продолжила:

— Господин Амадео сегодня решил закончить пораньше, а машины все еще нет. Не могли бы вы забрать его по пути домой?

— Отдай! — прорычал Амадео. Ему почти удалось поймать наглую воровку, но в голове помутилось, и он едва успел схватиться за стол, чтобы не упасть.

— Отлично, спасибо вам огромное. — Чилли нажала кнопку завершения вызова и отдала телефон Амадео. — Сами напросились. Ксавьер Санторо — единственный человек, который способен заставить вас думать о своем здоровье. Если не слушаете ни меня, ни вашего врача...

— Решила пустить в ход тяжелую артиллерию, — вздохнул Амадео. Туман в голове почти рассеялся. — Но я в порядке, правда.

Чилли с сомнением покачала головой.

— Через пару десятков лет вашу мебель можно будет продать на аукционе.

— О чем ты?

— Договор закончился на пятой странице. Вы только что поставили автограф на поверхности стола.

* * *

Ровно в шесть Амадео сел в черный «мерседес» и привычно нажал кнопку стеклоподъемника. С открытыми окнами он всегда чувствовал себя комфортней — черный кожаный салон вызывал клаустрофобию, хотя был довольно просторен.

— Пришел вовремя и не поинтересовался, какое наказание тебя ждет заслушание. — Ксавьер затушил сигарету. — Хороший мальчик.

— Очень смешно, — проворчал Амадео и улыбнулся водителю. — Привет, Йохан.

Тот кивнул в ответ и завел мотор, с беспокойством поглядывая на Амадео в зеркало заднего вида. Его, как и остальных, беспокоило состояние друга — он вместе с Кианом и Джейкобом избавлялся от тела Флавио, и от увиденного его едва не вывернуло на собственные ботинки. Но отношения к Амадео это не изменило ни на йоту — Йохан по-прежнему готов был в огонь и воду броситься, чтобы защитить своего первого настоящего друга.

Дождь лил весь день и даже не подумал утихнуть к вечеру. Холодный ветер швырял в лицо мелкие брызги. Прохожие шлепали по лужам, прячась под зонтами, неаккуратные водители окатывали их водой. Все спешили домой после рабочего дня, а Амадео предпочел

бы сейчас оказаться на другом конце света подалее от людей.

Мужчина, переходящий дорогу перед машиной, поскользнулся и едва не упал. Амадео воочию увидел, как нога ломается, и кость выпирает наружу, прорывая кожу. Всего лишь иллюзия, но настолько реальная, что пришлось зажмуриться, чтобы прогнать ее. Светловолосая девушка вышла из машины и раскрыла синий зонт, подол плаща застрял в двери. Она высвободила его, раздраженная тем, что пришлось снова снимать автомобиль с сигнализации. Амадео же видел не плащ, а шарф, с громким хрустом ломающий девушке шею. Пешехода едва не сбили, но он успел увернуться, Амадео явственно слышал удар металла о тело вместо скрипа тормозов.

Он сходил с ума.

Палец пронзила боль — тонкая прядь врезалась в кожу. Сквозь шум улицы прорвался голос Ксавьера — тот уже несколько минут пытался до него достучаться.

— Прости. — Амадео повернулся к другу и выпустил волосы. — Ты что-то сказал? Я не расслышал.

— Я сказал, при такой погоде расставаться с зонтом не стоит вообще. — Ксавьер хмуро смотрел на него. — Опять сны и навязчивые мысли? Тебе стоит послушать Цзиня Тао и пить его отвратные настои.

Амадео снова уставился в окно, чтобы Ксавьер не увидел выражения его лица.

— Нет. Настои помогут уснуть, но сны никуда не денутся. Я не могу нормально спать, не зная, что натворю, пока не контролирую себя.

— Запирайся на ночь в отдельной комнате. Или проси Цзиня тебя закрыть.

— Тогда Тео не будет спать. Он отказывается ночевать один. Неудивительно, после того ужаса, что пришлось ему пережить.

— И ты нашел выход, который предусматривает отмену любого сна? — Ксавьер вздохнул и убрал пачку сигарет в карман. — Принц, это не поможет. Почему ты не хочешь обратиться за профессиональной помощью? Найти хорошего психотерапевта — не проблема в наше время.

— Я и так знаю причину, какого черта мне там делать? Рассказывать, как пытал человека? Меня сразу же сдадут полиции, и я проведу в психушке остаток жизни.

— Нет тела — нет дела. Никто ничего не докажет.

— Меня мучает не то, что я это скрываю, а то, что перешел границу. Я делал чудовищные вещи с ним, Ксавьер, и сколько бы об этом ни рассказывал, чем бы это ни оправдывал, легче не станет. Я могу сделать это снова, и неизвестно, кто окажется следующей жертвой.

Амадео замолчал и отвернулся к окну. Ксавьер задумчиво чиркал зажигалкой. Ситуация была патовой. Продолжать в том же духе нельзя — рано или поздно организм хрупкого принца не выдержит нагрузки, Ксавьер видел такое не раз. Но что он мог сделать? Насильно засунуть принца в спальный мешок и застегнуть молнию до самого верха?

«Мерседес» подъехал к воротам. Охранник, узнав автомобиль, махнул рукой, но Йохан отрицательно помотал головой — у босса на вечер было назначено две встречи, и времени на то, чтобы сопроводить принца в замок, не оставалось.

— Постарайся не заболеть. — Ксавьер протянул зонт, но что-то мягко толкнуло его в плечо.

Амадео уснул.

Пивнушка в трущобах Мехико не заслуживала даже такого названия. Посыпанный опилками пол, грубо сколоченные деревянные столы и вечно грязные кружки даже самых отчаянных туристов заставляли давать стрекача. Желание это подогревали и кучкующиеся по углам мексиканцы — все как один в потрепанной одежде и с неизменными пушками за поясом. Хмурые колючие взгляды впивались в любого, кто осмеливался открыть дверь, и не отпускали, пока ты находился внутри. Одно лишнее движение, одно подозрение, что ты — не просто заблудившийся турист, и получишь пулю промеж глаз или мачете в горло. Хозяева уже давно привыкли к подобным инцидентам — их какая забота, опилки сменил, и довольно.

Скай затушил окурок в жестяной банке из-под консервов и рассеянно поскреб ногтем бурое пятно на углу столешницы — все, что осталось от очередного искателя приключений. Жуткая дыра, но после исчезновения босса податься некуда. Приходилось перебиваться грязной работенкой, а потом отсиживаться здесь — копы сюда и носу не сунут. Зато всякого отребья — хоть отбавляй, но благодаря ему Скаю еще как-то удавалось заработать на мескаль и жирную задницу грошовой проститутки.

Он достал из пачки сигарету. Осталась всего пара штук — надо бы разжиться куревом. Уже оторвал зад от шаткого табурета, чтобы потребовать у бармена новую пачку, как дверь распахнулась, и внутрь, впустив влажный от дождя воздух, вошли четверо мужчин.

Такие же безликие, как все вокруг, в неопределенного цвета одежде, с выставленными на всеобщее обозрение пистолетами (Скай мимоходом отметил, что оружие в довольно приличном состоянии), они уселись за стол слева от него и, потребовав принести бутылку текилы, негромко о чем-то заговорили. Скай тут же потерял к ним всякий интерес. Такие ребята — уже сколоченная банда, им посторонний не требуется. Максимум, что он получит — ствол в задницу и пожелание пойти прогуляться.

Он взял у бармена сигареты и бутылку мескаля — пиво здесь было отвратное — и снова уселся. Если до вечера никто не появится, придется заняться старым добрым грабежом. Не то чтобы Скаю это сильно нравилось, но что делать, когда жрать охота? Податься в какой-нибудь картель? Было бы это так просто, а вкалывать на плантации, как те бедняги, что на кусок хлеба еле зарабатывают, не хотелось. Лучше уж прохожих в подворотне потрошить, и то прибыльней.

Он задымил очередной сигаретой, как вдруг краем уха выцепил из негромкого бормотания соседей знакомое имя.

— ...Марсело погорел на этой сделке, это все, что нам известно, — говорил сидящий спиной к Скаю. — С кем она была?

— Без понятия. — Мужик с моржовыми усами налил рюмку текилы и залпом выпил. — Его сыновья ничего не знают, давить на них толку нет — они не в курсе бизнеса. Этот *hijo de puta* несколько лет использовал здорового, чтобы втихаря проворачивать свои делишки, а инвалид вообще все время заперт дома.

— Покупатель сообщил подставное имя. Настоящий Витале уже давно кормит червей, хрен знает, как сам Марсело до этого не докопался, с его-то осторожностью, — хмыкнул третий. На щеке, обращенной к Скаю, красовался живописный шрам — линия, перечеркнутая еще двумя. — Совсем, видать, голову потерял из-за того смазливового придурка.

— На кой хрен бы он тогда его продавал? — Второй пожал плечами.

— Строптивый оказался. Безопаснее скинуть, чем залечивать вторую руку.

— В любом случае, надо найти говнюка. Внешность приметная, уж наверняка где-то мелькнул — Марсело послушать, так просто эльф какой-то...

Табурет прочертил четыре дорожки в опилках, и Скай вдруг понял, что сидит в кругу наемников, которые без зазрения совести перережут ему глотку за то, что влез в их дела. Именно об этом красноречиво говорили выражения заледеневших глаз.

— Ты перепутал стол, chamo, — протянул первый, но за показной ленцой явно прозвучала угроза.

— Вовсе нет. — Скай постарался не обращать внимания на затрясшиеся руки. — Я случайно услышал, что вы ищете раба, которого пригрел Флавио.

— А твое какое дело? — рыкнул второй и потянулся к поясу. — Проваливай, пока цел!

— погоди, — остановил его четвертый, сидящий спиной к стене и не проронивший до этого мгновения ни слова. — Пусть говорит. Ты кто?

Скай почувствовал себя уверенней. Возможно, за свой дерзкий поступок и не придется платить головой, но надо по-быстрому убедить их, что он важная птица.

— Я работал на Флавио. Возил ему товар.

— Чем докажешь? — Третий сплюнул прямо на стол, впрочем, грязнее тот не стал.

— Того красавца, о котором вы говорили, доставил ему я. Лично в руки.

Над столом прожужжала муха и плюхнулась в полупустую стопку текилы. Второй убрал руку от пистолета и, двумя пальцами выловив насекомое, опрокинул напиток в глотку.

— Стало быть, знаешь его?

— Не совсем. Имени не спрашивал. — Скай уже чувствовал себя вольготно — мужики явно заинтересовались. — Но могу вам сказать, он точно не обычная шпана.

— То есть?

— Для начала поговорим об оплате. — Он расплылся в щербатой улыбке. — Сколько дадите за информацию?

— Если мы найдем этого *pendejo*, можешь рассчитывать на приличный бонус. О гарантиях лучше молчи. — Четвертый достал перочинный нож и принялся чистить ногти.

Этот тип, похоже, главарь, и с ним шутить — себе дороже. По крайней мере, Скай может рассчитывать хоть на какой-то нал. Вдобавок руки до сих пор чесались начистить красавчику морду — воспоминания, как он унизил Ская перед всей командой, не померкли. В качестве дополнительной платы он потребует как следует врезать засранцу. И на этот раз обязательно по красивой физиономии.

— Когда мы его схватили, я стянул часы и толкнул уже здесь, в Мексике. — Скай поскреб бороду. В пальцы попало какое-то насекомое, и он с отвращением его раздавил. — Думал немного денег срубить, а оказалось, это не какая-нибудь штамповка, а настоящий «Адемар». Я с них нормально поимел.

— Не понимаю, к чему ведешь. — Третий снова сплюнул. — Нам чего до его часов?

— А того, что непростой это типчик. И вы, ребята, лучше бы порыскали в его родном городишке среди богачей, а не шныряли по подворотням. Координаты я дам.

Снова воцарившееся молчание нарушил четвертый.

— Мы уже выяснили у Пабло, куда угнал Марсело Флавио после побега из тюрьмы. Если этот город совпадает с тем, откуда привезли его раба...

Бандиты переглянулись.

— Это реально упрощает дело, — наконец произнес первый, пожевывая губу. — Уж длинноволосого блондина среди богатых и знаменитых трудно будет не заметить.

Скай, как раз хлебнувший мескаля из своей бутылки, поперхнулся от смеха.

— Ребята, вы уж простите, но я вам сделаю еще один сюрприз.

Четверка моментально подобралась, и Скай понял, что крепко взял их за яйца. Он с нарочитой медлительностью сделал еще глоток и глубоко затянулся сигаретой.

— Когда мы его взяли, он не был белокурым голубком. — Он с шипением затушил окурок о поверхность стола. — Он был настоящим вороном.

* * *

Теплую, приятную пелену сна нарушил отдаленный стрекот. Амадео никак не мог вспомнить, где слышал его раньше, и эта навязчивая мысль заставила окончательно проснуться. Впервые за долгое время он чувствовал себя свежим и выспавшимся — ни единый кошмар не явился на посиделки, что удивляло.

Стрекот прекратился, следом послышался тихий плеск. Кто-то включил кофемашину, только и всего. А значит, он снова заснул в офисе — Роза варила кофе сама, и дома этого прибора не было вообще.

— Угораздило же меня, — пробормотал Амадео и понял, что лежит на кровати.

Сонную вялость как ветром сдуло. Он сел и отбросил волосы с лица.

Просторная комната с высоким потолком, широкая кровать. Строгая тумба, поверхность пуста — ни пылинки, ни тем более личных вещей. У стены — большой платяной шкаф с тщательно натертыми зеркальными дверцами, в них Амадео поймал свое отражение: без пиджака, в одной рубашке, наполовину укрытый одеялом. На голове — полнейшее безумие, длинные роскошные волосы спутались так, что потребуется немало времени, чтобы привести их в порядок. Под глазами тени, щеки ввалились. Как давно он последний раз смотрелся в зеркало?

— В самый раз отправляться в психбольницу, примут без медицинского заключения, — невесело констатировал он.

— Не комплексуй, ты все такой же красавец.

Комнату наполнил аромат кофе. Ксавьер стоял в дверях, держа в руках две чашки.

— Как спалось? — Он отдал одну Амадео и присел на край кровати.

— На удивление хорошо. — Амадео сделал глоток. — Где мы? Если это отель, то совершенно точно не сети «Азар».

— Нет, не отель. Ты у меня дома. Добро пожаловать.

Амадео едва не опрокинул чашку на одеяло. За все время их знакомства он ни разу не был у Ксавьера и всерьез подозревал, что тот живет в офисе «Камальон».

— Где?

— У меня дома, — повторил Ксавьер. — Не удивляйся, ты уснул в моей машине.

— Мог бы отправить меня домой.

— Нет. Ты довел себя до изнурения своим сонным бойкотом, и я решил, что пора его прекратить. Я заказал завтрак, будь хорошим мальчиком и пей свой кофе, пока папочка добрый.

Амадео фыркнул. Его всегда смешило, когда Ксавьер разговаривал с ним в таком тоне.

— Добрый папочка, тоже мне... Сколько сейчас времени? — Он с беспокойством глянул на наручные часы. — Семь утра?! Тео наверное глаз не сомкнул!

— Матео эту ночь провел под присмотром Йохана и Киана. — Амадео открыл рот, но Ксавьер не дал ему и шанса. — Я объяснил ему, что ты устал и плохо себя чувствуешь. Он толковый мальчик, согласился поспать один ради здоровья папули. Разумеется, я проконсультировался с психологом, он считает, что Матео к этому вполне готов. Дай сыну возможность бороться самому, принц. — Он допил кофе. — К тому же, тебе помощь требуется куда больше, чем ему.

Амадео угрюмо смотрел в чашку. Он понимал, что Ксавьер прав, но страх и беспокойство за Тео никуда не делись.

— Сегодня мы с тобой идем к специалисту, и это не обсуждается, — продолжал тем временем Ксавьер. — Не хочешь копания в мозгах — пожалуйста, но лекарства тебе необходимы. Посмотри на себя. — Он кивнул на зеркальный шкаф. — Твои волосы ни на что не похожи, а раньше ты ухаживал за ними с большой любовью. Когда в последний раз мыл голову?

— Вчера утром, — буркнул Амадео. — Когда принимал душ.

— И после этого не удосужился их расчесать. — Ксавьер поднялся и, отодвинув дверцу шкафа в сторону, достал полотенце. — Ванная налево по коридору. Чистую одежду скоро привезет Йохан. — На губах мелькнула ехидная усмешка. — В одной рубашке ты отсюда не сбежишь.

* * *

Получасом позже Амадео, кутаясь в халат, сидел на полу у кровати, а Ксавьер осторожно водил расческой по его волосам. Амадео жмурился от забытого удовольствия — давным-давно, в другой жизни отец точно так же расчесывал ему еще влажные после мытья волосы, обязательно упоминая, до чего же они великолепны. С тех пор с ними чего только ни произошло: их остригли, испортили перекисью и краской, а теперь еще появилась эта дурацкая привычка.

— Видел бы это Кристоф. — Ксавьер неодобрительно качал головой. — Ты совершенно перестал за собой следить. Твоя внешность — визитная карточка «Азар», не забывай об этом.

— Я не забываю, — возразил Амадео. — Просто есть вещи...

— Более важные? — перебил Ксавьер. — Загонять себя, как ломовую лошадь? Признаю, я совершил ошибку, позволив тебе с головой уйти в работу. Посчитал, что это поможет, но ошибся.

Амадео начал было накручивать прядь на палец, но наткнулся на зубья расчески. Действительно, дурацкая привычка.

— Прекрати корить себя за то, что произошло, — продолжал Ксавьер. — Многие люди выходят из себя, если с ними произойдет что-то из ряда вон выходящее.

— А многие при этом пытаются людей?

— Нет. Но многие убивают. Ты его не убил, принц, запомни это.

— Но я сделал что-то худшее, чем смерть! Разве не понимаешь? Я же искалечил его! Он мог умереть!

— Но не умер. Киан осмотрел тело, ни одна из травм не была смертельной.

— А в совокупности?

Ксавьер легко ткнул Амадео расческой в щеку.

— Нет. Его убил я. Запомни это раз и навсегда. На сегодня я отменил все свои дела, а в моем бизнесе, как и в любом другом, время — деньги. Если попробуешь сбежать, придется возмещать мне ущерб. Я доходчиво объясняю?

— Куда уж доходчивей. — Амадео закрыл глаза. Странно, но образ окровавленного Флавио на этот раз не пожелал его побеспокоить.

— Тогда просто заткнись, принц, и терпи, пока тебя лечат, — отрезал Ксавьер. — И прекрати крутить волосы.

* * *

К обеду Амадео вернулся домой с полным пакетом лекарств и клятвенным обещанием Ксавьеру не пропускать их прием.

— Если узнаю, что ты спустил их в унитаз, — напоследок сказал друг, — заточение у Флавио и все китайские кары Цзиня покажутся тебе раем.

Амадео зашел в дом, совершенно уверенный в том, что Тео, Киан и Йохан провели бессонную ночь, но приятно ошибся: сын выбежал навстречу, широко улыбаясь. Йохан гордо доложил, что за всю ночь Тео ни разу не проснулся. Амадео тоже на удивление хорошо отдохнул — в квартире Ксавьера он не мог никому причинить вреда, а друг был способен за себя постоять. Поэтому впервые за долгое время он спал крепко и без сновидений — организм брал свое на полную катушку.

Разглядывая себя в зеркале, Амадео вынужден был признать, что Ксавьер прав — за последние недели он изрядно запустил себя. Наспех расчесанные волосы рассыпались по плечам растрепанными прядями. Мануэла предупредила, что волосы придется покрасить еще раз, чтобы закрепить темный пигмент, но он напрочь об этом забыл. Раньше Амадео раз в месяц посещал парикмахера, однако после возвращения из Мексики ни разу не побывал в салоне — слишком был поглощен внутренними проблемами, чтобы обращать внимание на внешность. Как теперь показывало зеркало — зря.

Тео с аппетитом поглощал жаркое и салат, поглядывая на десерт — вишневый пирог, который Роза предусмотрительно поставила на другой край стола, Амадео ограничился чашкой шоколада — Ксавьер с утра насильно впихнул в него столько еды, что он всерьез задумывался об отмене приемов пищи на ближайшие несколько дней. Катая кружку в ладонях, он размышлял, настало ли время для Тео преодолеть еще один страх.

— Мальш, — мягко произнес он, собравшись с духом. — Ксавьер сказал, что мне срочно нужно повидаться с Селеной. Хочешь со мной?

В глазах мальчика мелькнул испуг, губы сжались в тонкую линию, и Амадео решил, что слишком поторопился. Мальчик так и не избавился от своего кошмара — с испугом глядел на любые ножницы, которые имелись в доме, и старался к ним не прикасаться, хотя раньше частенько вырезал фигурки из бумаги и часами просиживал с Кианом за оригами. На голове царил настоящее безобразие, которым наградил его Флавио, но о том, чтобы привести волосы в порядок, и речи не заходило.

— Я вовсе не прошу тебя стричься тоже, — поспешно добавил Амадео. — Простс

составь мне компанию.

Тео немного расслабился и даже улыбнулся.

— Хорошо. Когда поедем?

— Не раньше, чем после обеда, — строго сказала Роза. — На вашей тарелке полно еды, молодой господин, пока не съедите все, никуда не отпускаю.

Тео без особого энтузиазма кивнул и снова взялся за вилку.

* * *

Автомобиль затормозил возле салона, и Тео стиснул кулачки. Он совсем не горел желанием туда идти, но папа сказал, что подстригаться вовсе необязательно. С другой стороны, каждое утро он едва сдерживал слезы, ловя свое отражение в большом зеркале, висевшем в прихожей — от шевелюры, которой Тео так гордился вопреки насмешкам сверстников, не осталось и следа, неровно остриженные пряди торчали в разные стороны. В таком виде нельзя даже мечтать о том, чтобы стать таким же красивым, как папа...

— Пап, — позвал он.

— Да, малыш? — улыбнулся ему Амадео.

— Могу я тебя кое о чем попросить? — Тео уставился на спинку водительского сиденья перед собой, боясь посмотреть на отца. Вдруг он откажет?

Киан, сидящий за рулем, тут же нацепил наушники. Он знал, о чем мальчик хочет поговорить, утром Тео робко посоветовался с ним, но сейчас слушать личный разговор ни к чему.

— Разумеется, малыш. — Амадео приобнял сына за плечи. — Если это в моих силах.

Тео наконец набрался храбрости и посмотрел отцу в глаза.

— Если с тобой снова что-то случится, пусть от меня ничего не скрывают.

Амадео остолбенел. Он ожидал чего угодно, но только не такой просьбы.

— Почему ты об этом просишь?

Тео снова отвел взгляд.

— Я очень испугался, когда тот мужчина украл меня. Я... я не понимал, почему, что я такого сделал! И что хотят сделать со мной. — Голос сорвался, но Тео удержал рвущиеся наружу рыдания. — Но когда он сказал, что это из-за тебя, я испугался еще больше. И на этот раз совсем не за себя, пап. Этот мужчина, он собирался убить тебя, а я... я так глупо попался... Если бы я знал, то был бы осторожней...

Слезы все-таки полились по щекам, и Тео сердито смахнул их ладонью.

— О боже, — прошептал Амадео. — Неужели ты все это время думал... Боже, малыш ты ни в чем не виноват!

Он прижал к себе сына, и тот вцепился в него так сильно, словно тонул.

— Я просто... Просто хочу знать... Пап, я...

Амадео сам едва не плакал. Тео обвинял во всем себя, а он, заиклившись на своих проблемах, не подозревал, что творится в голове у мальчика! Амадео сознательно пытался оградить его от кошмаров, ни он, ни Роза до сих пор не знали, что Амадео ездил в Мексику вовсе не по работе, но этим сделал только хуже. Сыну совсем необязательно знать, какие ужасы творил отец, но если снова что-то произойдет, Тео уже не будет слепо верить сказочке о срочной командировке.

— Хорошо. — Амадео достал из кармана платок и вытер сыну щеки и нос. — Я не обещаю рассказывать тебе все — некоторые вещи будут тебе попросту неинтересны, но если что-то случится, узнаешь первым. Договорились?

Тео просиял. Он до ужаса боялся этого разговора, боялся, что папа откажет, он ведь всего-навсего ребенок, но теперь все страхи улетучились, словно их не бывало. Тео глянул на дверь в салон и внезапно принял еще одно смелое решение.

— Давай пойдем, пап. А то я выгляжу еще ужасней тебя!

Амадео улыбнулся и открыл дверцу машины.

* * *

Как только Тео шагнул на залитый солнцем тротуар, решимость начала таять. Ноги сделались ватными, он остановился, не в силах сделать ни шагу дальше.

Амадео присел перед ним. Ладони легли мальчику на плечи, и страх отступил, но беспокойство осталось: вдруг что-то пойдет не так? Там, в одной комнате с Флавио, когда тот резал ему волосы перед камерой, Тео едва мог видеть из-за застилающих глаза слез. И сейчас те снова наворачивались, готовясь вот-вот вырваться на свободу.

Он прикусил губу и постарался не моргать, пока непрощенные гости не закатятся обратно. Он сам принял это решение и должен идти до конца, чего бы это ни стоило. Вряд ли папа когда-то отказывался от своей цели, и сейчас Тео очень хотел быть похожим на него. Ну или хотя бы иметь чуточку его храбрости.

— Малыш, тебе только приведут волосы в порядок, — мягко проговорил Амадео. Если бы Тео знал, что тот при малейшем его сомнении готов вернуться назад, то наверняка ринулся бы обратно к машине. — Не переживай, коротко не подстригут, только подровняют.

— А они потом будут такие же длинные, как у тебя? — прошептал в ответ Тео. — Правда?

Амадео кивнул.

— Несколько лет назад они были еще короче, чем у тебя сейчас. — Он не стал упоминать, при каких обстоятельствах их лишился. — И посмотри, какие теперь.

— Длинные. — Сын, успокоившись, улыбнулся и взял его за руку.

Амадео толкнул стеклянную дверь, и колокольчик мелодично прозвенел. В салоне играла тихая музыка, яркий свет горел только над креслами, отражаясь в зеркалах. Невысокая девушка с коротко стриженными темными волосами приветливо улыбнулась.

— Добро пожаловать, господа Солитарио! Проходите, не стесняйтесь!

— Здравствуй, Селена. — Амадео приветливо улыбнулся. — Давно не виделись.

Тео замер в дверях, боясь сделать шаг. Он все еще не был уверен, что сможет выдержать лязг ножниц над ухом и не сбежать. Вот будет позор! Но папа расстроится, если он откажется. Поэтому Тео крепче стиснул папину ладонь и перешагнул порог.

— Здравствуйте! — громче, чем обычно, произнес он и выдавил улыбку.

Амадео ободряюще сжал его пальцы, и Тео почувствовал себя немного уверенней.

— Ну что, кто будет первым? — Селена отодвинула кресло в приглашающем жесте.

Тео опустил на диванчик и раскрыл принесенную с собой книгу.

— Я немножко тут посижу. Можно?

— Конечно-конечно! — Селена хлопнула в ладоши. — Значит, первым будет папа... —

Она засустилась вокруг Амадео. — Я уж думала, вы обо мне забыли, выбиваетесь из графика! Боже, что вы делали с волосами все это время?! Зачем понадобилось их крас...

Амадео едва заметно качнул головой и сквозь зеркало указал взглядом на уткнувшегося в стакан с соком Тео. Вторая девушка по имени Клаудиа поставила перед ним вазочку с конфетами и без умолку что-то тараторила. Мальчик улыбался, но взгляд то и дело скользил к отцу.

— Еще и обесцветили! — зло шипела Селена. — Захотелось сменить имидж, в вашем-то возрасте?

Амадео с трудом сдержался, чтобы истерически не расхохотаться. Да, Флавио явно не учел, что в тридцать лет по-бунтарски красить перекисью волосы поздновато.

— Повезло, что до этого вы за ними ухаживали, иначе сейчас от них ничего, кроме соломы, не осталось бы! — продолжала фыркать девушка. — Они вообще выглядят так, будто вы их неделю не расчесывали, я вас прямо не узнаю!

— Но ты ведь сумеешь привести их порядок? — Амадео хитро прищурился. — Или мне поискать другого мастера?

— Только попробуйте! — Селена погрозила ему расческой. — Выкрашу в зеленый цвет! Или малиновый!

Слушая трескотню Селены и приглушенное бормотание Клаудии, которая развлекала Тео, Амадео позволил себе ненадолго расслабиться.

* * *

— Готово! — наконец возвестила Селена, театральным жестом снимая накидку. — Теперь вы похожи на человека, а не на лохматую русалку.

Амадео поднялся, разглядывая себя. Волосы снова стали темными и гладкими, как зеркало, и он с видимым удовольствием провел по ним ладонью.

— Спасибо, Селена, ты золото.

— Господин Солитарио-младший! — позвала она. — Ваша очередь!

Улыбка, сиявшая на губах Тео, поблекла. Мальчик неуверенно поднялся и аккуратно поставил пустой стакан на столик. Он отчаянно тянул время.

Амадео терпеливо ждал. Если Тео откажется — что ж, ничего не попишешь, он слишком поторопился. Но мальчик вдруг, уверенно подняв подбородок, шагнул к креслу и забрался в него. Личико застыло, губы плотно сжаты, в глазах плескался страх, но он упрямо вцепился в подлокотники, всем видом показывая, что никто и ничто не выгонит его оттуда.

Амадео не сдержал улыбки, и Тео, увидев его в зеркале, растянул губы в ответ.

— Сейчас мы приведем вас в порядок, — щебетала Селена. — Не переживайте, у меня легкая рука, ваши волосы скоро станут длиннее, чем у Рапунцель!

Сидя в кресле, Тео заметно нервничал и с нескрываемым страхом глядел на осыпающиеся на пол кончики волос, но в конце концов все оказалось не так ужасно, как он думал. Помогла неумолчная трескотня Селены и ободряющая улыбка папы.

Амадео опустился на диванчик и раскрыл книжку, которую захватил с собой Тео на случай, если придется долго ждать. Он немало удивился, обнаружив, что это «Тим Талер, или Проданный смех». Первая книга, которую подарил ему Кристоф. Ирония судьбы, как прошлое настигает в самый неожиданный момент...

Колокольчик над дверью звякнул.

— Может, не надо? — занудел мальчишеский голос. — Они еще мало выросли и выглядят прилично... Если их причесать.

— Вот именно, если их причесать, молодой человек.

Интонация до того напомнила Амадео Кристофа, что он поднял глаза от книги и с интересом взглянул на парочку.

У дверей стояли невысокий, но статный пожилой мужчина в сером костюме-тройке и мальчик лет десяти. У последнего был такой скорбный вид, будто его ведут на казнь, а не на стрижку.

— Разве позволительно мужчине быть таким растрепанным? Клаудиа, красавица, приведите в порядок мое маленькое безобразие.

Клаудиа с готовностью отодвинула кресло, приглашая мальчика сесть.

— Разумеется, господин. Покороче?

Мальчишка тяжело вздохнул, выражая всю мировую скорбь.

— Налысо.

Амадео не удержался от улыбки.

— Ох, не утрируйте, сеньор, и не делайте монстра из своего отца. Просто покороче. — Мужчина улыбнулся уголками глаз и присел на диван рядом с Амадео. — Всего раз побрил его. Никак не может мне простить.

Амадео рассмеялся.

— Видимо, повод был серьезный, раз вы пошли на такие меры. — Он вложил закладку между страниц и закрыл книгу. — Зато мой сын решил перегнуть меня по длине волос. Моим словам, какая это порой морока, не верит.

— Ну что вы! — Собеседник с восторгом смотрел на него. — Эта морока меркнет и бледнеет в сравнении с полученным результатом. Потрясающие волосы!

— У меня тоже будут такие! — отозвался со своего места Тео. Мысль о том, что скоро и на него будут обращать внимание так же, как на папу, мигом прогнала весь оставшийся страх.

— Вы говорите, как мой отец, спасибо. — Амадео протянул мужчине руку. — Амадео.

— Грегорио. — Тот ответил на рукопожатие. Ладонь оказалась такой же мягкой и теплой, как и голос.

Смяв накидку, мальчишка запустил руку в карман джинсов, вытащил конфету и протянул Тео.

— Держи. Вкусная, правда.

Тео вопросительно взглянул на отца, дождался кивка и взял предложенное лакомство.

— Спасибо. Я Тео, а ты?

— Паоло. Приятно познакомиться! — Он перегнулся через подлокотник, пожал протянутую руку и едва не вывалился из кресла.

— Осторожно! — предупредила Клаудиа. — Вы едва не остались без уха, молодой человек!

— Тогда пришлось бы покупать парик, — ворчливо отозвался тот, а Тео захихикал.

— У вас бойкий мальчишка, — заметил Амадео. — При вашем воспитании это сыграет только в плюс.

— А у вас очень утонченный мальчик. Какие же все-таки разные бывают дети. — Грегорио улыбнулся, с любовью глядя на Паоло. — Мой поздний подарочек на старость.

— Вы совсем не выглядите старым. — Амадео широко улыбнулся. — Больше тридцати пяти я бы вам не дал.

Тот засмеялся и легонько ткнул Амадео в бок.

— Экий вы льстец. Не младше вас выгляжу точно. Паоло, прекрати вертеться! У этого ребенка моторчик на вечном двигателе...

— У меня чешется нос, что я сделаю!

— А представь, что ты в джунглях, связан туземцами по рукам и ногам, а на нос сел большой интересный жук, — не задумываясь, сказал Амадео.

Паоло мгновенно замер, скосив глаза к переносице. Его отец раскатиисто расхохотался, и Тео тоже заулыбался.

— Пап, ты так делал, когда я был совсем маленький!

— Но помогло же. — Амадео указал на Паоло. — Клаудиа, стригите быстрее, пока жук не улетел.

Та защелкала ножницами, с трудом сдерживая смех.

— Надо же, следует запомнить! — Отсмеявшись, Грегорио вытер выступившие слезы. — Молодые отцы сейчас знают о воспитании куда больше, следующее поколение всегда умнее... Сколько вашему мальчику? Вы очень похожи.

Тео горделиво выпрямился в кресле. Он обожал, когда его сравнивали с папой.

— Тео семь. Вот-вот пойдет в школу. А Паоло?

— Мне восемь! — отозвался тот. — И я уже в школе! О! Вот этим я освобожусь от пут туземцев!

— Паоло! — одернул отец. — Поставь ножницы на место, нельзя трогать чужие вещи!

Амадео снова рассмеялся. За последние месяцы он не смеялся ни разу, и теперь сам удивлялся тому, что с ним происходит. Ему нравился этот мужчина, рядом с ним он ощущал необыкновенное тепло, которое, казалось, навсегда исчезло восемь лет назад. И впервые за прошедшие недели он напрочь забыл о Флавио.

— Находчивый парень. — Он понизил голос. — Спасибо вам. Видите ли, Тео не мой родной сын, и он очень радуется, когда говорят о нашей схожести.

— Как неродной? — изумился Грегорио. — Я вам не верю, вы действительно как две капли воды! А как же так получилось?

Вопрос должен был прозвучать бестактно, однако Амадео с готовностью ответил, не ощущая никакой неловкости.

— Я забрал Тео у одного человека, который отвратительно с ним обращался. Не смог оставить на произвол судьбы. Такие люди заслуживают самого худшего наказания.

— И правда. — Грегорио нервно потер колени, и Амадео отметил этот жест. Кажется, он чем-то расстроил собеседника. — Какой кошмар, даже представить сложно... Но очень приятно осознавать, что есть такие люди, как вы. Мне легче от этого.

В карих глазах, устремленных на Паоло, Амадео, сам того не желая, прочел страшную трагедию. Но смолчал, не желая подтверждать догадку — незачем беречь старые раны, тем более он только что познакомился с этим человеком, и столь личный вопрос будет неуместен.

Он молчал, не зная, как возобновить разговор, но тут Селена и Клаудиа одновременно сняли с мальчишек накидки. Паоло бодрым кузнечиком прыгнул с кресла, едва не повалив грудой флаконов.

— Спасибо! — Он, раскинув руки, понесся к отцу. — Наконец-то туземцы отпустили

меня, пап!

— Вот и славно, такой непоседа не мог вечно оставаться у них в плену. Посмотри, как хорошо и аккуратно! — Грегорио с нежностью провел ладонью по волосам сына. — Ты у меня такой красивый молодой человек!

— Пап, тебе нравится? — Тео критически рассматривал себя в зеркало. — Не слишком коротко?

— Нет, малыш, тебе очень идет. — Амадео наклонился и шепотом добавил: — Ты очень храбрый, я тобой горжусь.

Сын расцвел от удовольствия.

— Спасибо вам за компанию и приятный разговор. — Грегорио протянул Амадео руку, и тот тепло ее пожал.

— Это вам спасибо. Мне было с вами очень... — Карман требовательно засигналил, и Амадео, извинившись, достал телефон.

Когда он закончил разговор, отец с сыном уже ушли. И только сев в машину, Амадео вспомнил, что не попросил номер человека, который заставил его на время забыть об ужасах последних событий.

— Что с тобой, пап? — спросил Тео, пытаясь разглядеть себя в зеркало заднего вида.

— Жалею, что не узнал, как связаться с господином Грегорио, — вздохнул Амадео. — Он мне понравился.

— Позвони в салон и спроси, — отозвался сын. — Они с Паоло туда не впервые приходят.

Амадео рассмеялся и чмокнул Тео в щеку.

— Мой маленький гений. Хорошо, завтра же все узнаю.

Но спустя час его заставили напрочь забыть о новом знакомом.

* * *

— Отлично выглядишь, — прокомментировал Ксавьер. — Хоть сейчас на обложку журнала.

— Какого? «Великие испанские инквизиторы»? — огрызнулся Амадео, завязывая волосы на затылке. В отличие от Ксавьера, который в любую погоду щеголял в строгих костюмах, он надел светлую рубашку с коротким рукавом и легкие брюки — жара стояла несусветная, а ее он ненавидел больше всего на свете. — Почему ты не на работе?

— Проезжал мимо и решил проверить, как у вас дела. — Ксавьер кивнул на гонящего на роликовых коньках Тео. — Вижу, Матео тоже привел себя в порядок. Храбрый мальчик.

— Да. — Амадео с нежностью смотрел на сына.

В будний день народу в парке было немного, но Киан зорко следил за мальчиком, ни на минуту не выпуская из виду, да и сам Тео не стремился уезжать далеко. На первый взгляд, опасаться здесь было некого: группа подростков упражнялась со скейтами неподалеку; двое велосипедистов ехали по велодорожке; на бортике фонтана сидел парень в цветастой рубашке и яростно спорил с мужчиной постарше в шортах на подтяжках.

— А я сказал, еще одно мороженое! Я съел всего два, а два на покойника, нужно три!

— Нет, больше никакого мороженого, иначе горло заболит!

Тео невольно хихикнул: такой большой, а ведет себя, как ребенок! Интересно, тот

мужчина его папа?..

Он не успел додумать мысль до конца — в глазах полыхнул белый свет, а сам он шлепнулся на землю.

— Ой! — всполошился невысокий рыжий парнишка с россыпью веснушек на пухлых щеках. — Прости, пожалуйста, я тебя не заметил!

— Ничего. — Тео потирал лоб. — Я в порядке, правда.

Паренек протянул руку и помог подняться. В широко раскрытых голубых глазах застыло беспокойство, веснушки на побледневшем лице вспыхнули ярче.

— Может, тебе в больницу? КТ, МРТ, рентген...

— Ой-ой. — Тео замотал головой от потока незнакомых слов. — Не надо в больницу, это просто шишка...

— Тогда приложи холод, — раздался совсем рядом чей-то голос.

Парень, который недавно требовал мороженое, с широкой белозубой улыбкой протягивал шоколадный рожок. Темные волосы были собраны в смешной хвостик на макушке, карие глаза лучились смехом.

«Все-таки уговорил на еще одно мороженое», — подумал Тео и попятился, с трудом удерживая равновесие.

— Простите. Мне нельзя ничего брать у незнакомых.

— Слышал? — Парень ткнул рыжего мальчишку в бок. — И я тебе то же твержу. Подсунут однажды бомбочку вместо жвачки — останешься без зубов.

Тео все никак не мог развернуться — от столкновения он оказался на выложенной брусчаткой дорожке, и колеса постоянно за нее цеплялись. Его начала бить мелкая дрожь. Он уткнулся в кого-то спиной и едва не вскрикнул, но к большому облегчению это оказался Киан.

— Кто вы? — настороженно спросил телохранитель, заслоня мальчика. Рука привычно скользнула под футболку, где в специально подогнанной кобуре находился пистолет.

Парень поднял обе руки с зажатыми в пальцах рожками, и мороженое тут же начало таять под яркими лучами солнца.

— Эй, не надо, мы ничего такого и не думали... ТОНИ, СТОП!!!

Тео все-таки повалился на землю, а Киан едва не уронил пистолет, но все же удержал и нацелил в лоб громиле. Тот застыл в нелепой позе, балансируя на одной ноге, затем, словно в замедленной съемке, отступил и встал солдатиком, вытянув руки по швам.

— Тони! — Парень подпрыгнул и дал ему подзатыльник мороженым. В руке остался только вафельный рожок. — Сколько раз говорил не бросаться на людей без приказа! Плохой, плохой дядька! Простите его. — Он виновато повернулся к Киану, который все еще держал Тони на мушке. — Совсем от рук отбился, паразит. У нас вовсе не было намерения вас пугать или причинять какой-либо вред. А, вот и папочка! — Он расплылся в улыбке и помахал уцелевшим мороженым, коричневые капли заплюхали на землю.

При виде пестрой компании Ксавьер изо всех сил постарался не скривиться. И какой мексиканский черт притащил сюда этого клоуна?

— Здравствуйте, Мигель, — сдержанно сказал он. — Каким ветром вас занесло в нашу гавань?

— Да вы поэт! — Тот передал мороженое рыжему мальчишке. — Держи, Рори, можешь съесть за меня. Вы уж нас извините, похоже, мы слегка перепугали ребятенка.

Амадео поднял ошарашенного Тео с земли.

— Не то слово, Мигель, вашего голоса испугаются даже сирены. Не бойся, малыш, это друг. Киан, можешь убрать оружие.

Тот с неохотой подчинился. Эта странная компания совершенно сбила его с толку, но опасности он не чувствовал. Разве что от Тони, который пожирал глазами гамбургер, напечатанный на его футболке.

— Знаю, что приезжать в гости без приглашения — дурной тон...

— Еще какой, — буркнул Ксавьер под нос, и Амадео улыбнулся. Мигель был единственным человеком на планете, который выводил расчетливого и хладнокровного Ксавьера Санторо из равновесия.

— ...но дело срочное, — продолжил Мигель. — Мне незамедлительно нужно сравнить горячий шоколад Мануэлы с божественным напитком тети Розы.

— И ради этого вы ехали из Мексики? — саркастически усмехнулся Ксавьер, но осекся, увидев выражение глаз Мигеля. Он никогда не признался бы даже себе, что его пугает резкий переход от ребенка с чупа-чупсом к человеку, который видел в этой жизни достаточно, чтобы раз и навсегда избавиться от подростковых иллюзий. Чтобы скрыть нервозность, Ксавьер сунул в рот сигарету и чиркнул зажигалкой.

— Сегодня утром, — Мигель вертел на пальце огромные солнцезащитные очки в ярко-желтой оправе, — я получил сообщение, адресованное всем картелям.

— Какое же?

Мигель убедился, что Тео и Киан заняты знакомством с Рори, и подошел ближе. Несмотря на жару, Амадео прошиб холодный пот — сейчас Гарсиа совершенно не походил на застрывшего в детстве раздолбая.

— «Принесите нам голову прекрасного принца».

Отчаянные меры

Дождь барабанил по цветам, сбивая лепестки на мокрую брусчатку. Крыши выстроившихся во дворе автомобилей блестели, натянутый от солнца тент в огромном патио насквозь промок.

Рауль поморщился и плотно закрыл окно. Самый ужасный сезон в Мексике — чертовое лето. Постоянные дожди заливают все вокруг, а когда наконец выглядывает солнце, воздух наполняется удушающей влажностью. Он бы ни за что не приехал сюда в это время года, но убийство брата вынудило.

Пару месяцев назад с Энрике жестоко расправились свои же люди. Это тянуло на настоящий бунт, и Рауль, собрав немногочисленных, но верных соратников, немедленно вылетел в Мехико, намереваясь устроить предателям кровавую баню, но...

Оказалось, что Энрике давно сидел под колпаком у управления по борьбе с наркотиками, более того — снабжал их информацией о местах проведения сделок. Рауль поверить не мог: брат терпеть не мог представителей власти и никогда не упускал случая уколоть их побольнее. Чтобы он продался? Такое просто невозможно! Однако тщательная проверка все подтвердила: Энрике Гальярдо действительно работал на федералов, за что и получил пулю промеж глаз в своем собственном кабинете.

В конечном счете, Рауль не очень расстроился из-за гибели брата. Его все равно убрали бы, не свои, так чужие, надеяться на УБН и их программу защиты было глупо. Братец сам вырыл себе могилу, связавшись с ними. Рауль не скорбел, напротив — считал его круглым идиотом и жалел, что не прикончил собственными руками. Поставить под удар всю семью и бизнес, который и так претерпевал не лучшие времена! И теперь именно Раулю предстоит вытягивать картель со дна выгребной ямы — доверия у других заметно поубавилось, и мало кто соглашался на сделки, опасаясь преследования со стороны властей.

— Ну спасибо, Энрике, — пробормотал он. — Подкинул ты мне задачку.

Самое сложное в наркобизнесе — восстановить репутацию, но благодаря идиотам, предавшим его брата, это сейчас казалось невыполнимой задачей. После убийства босса картель решил провести самостоятельную карательную операцию и устранить Ксавьера Санторо — тот приехал для тайной встречи с Энрике. Недалекие головорезы сделали единственный, по их мнению, верный вывод — наркодилер был сообщником предателя, а значит, его тоже требуется убрать. Иначе зачем делать из приезда коллеги такую тайну?

— Идиоты.

Рауль потянулся за бутылкой текилы. Уж насколько он ненавидел Мексику, но этот напиток так и не смог разлюбить — он воскрешал приятные воспоминания, которые еще остались об этой стране: Лучиано, Катарина и беззаботные солнечные дни, которые не мог омрачить даже Энрике со своим картелем. Брат вдалбливал в голову Рауля премудрости управления бизнесом, но тот не горел желанием становиться его заместителем. Но пришлось, и, как ни крути, уроки брата пошли на пользу.

Своим нетерпением тупоголовые бандиты создали неразрешимую проблему: бизнес загибался, и спасти его могло лишь плодотворное сотрудничество. Но никто не желал иметь дела с «картелем стукачей», как их прозвали после того, как вся правда выплыла наружу. Как ни старался Рауль все скрыть, ничего не вышло.

— Придурки чертовы! — в который раз выругался он. — Если б вы так не поспешили, сейчас мы бы процветали!

В кабинет заглянул Хесус Гальярдо. Рауль терпеть его не мог. Хесус был их с братом родственником по черт знает какой линии, но больше ничего общего — маленького роста, облысевший раньше времени, но с чертовски обаятельной улыбкой, за счет которой ему перепадали птички из ночных клубов. Именно этот идиот приказал открыть охоту на Санторо, за что Рауль по приезду здорово его взгрел. И сейчас Хесус прекрасно знал, в чем причина дурного настроения босса и наверняка заглянул специально, чтобы разозлить еще больше.

— Звал? — без единой нотки подобострастия поинтересовался он, ковыряя в зубах сложенным кусочком бумаги — отвратительная привычка, которую Рауль не выносил. Впрочем, в этом мужике ему не нравилось решительно все.

— Ксавьер Санторо был идеальным кандидатом! — взревел Рауль. — Идеальным, чтобы выбраться из этой задницы! А ты, кретин, все испортил!

Он схватил пепельницу и швырнул в Хесуса. Тот не сделал попытки увернуться, зная, что все равно не долетит — несколько лет назад Рауль серьезно повредил руку и все еще не мог привыкнуть к тому, что ведущая теперь — левая.

Промах еще больше разозлил Рауля.

— Пошел прочь, — бросил он Хесусу.

— Рад бы да не могу. — Дальний родственник по ошибке считал, что фамилия позволяет ему вести себя фамильярно с начальством. — Пришло сообщение, адресованное всем картелям.

— От кого?

Хесус сладко улыбнулся, и Раулю захотелось достать пистолет из ящика стола и пустить пулю прямо в мелкозубую улыбку.

— От группировки Марсело Флавио.

Рауля затошнило. Он знал о работорговце понаслышке, но о сфере его деятельности был осведомлен прекрасно — Энрике частенько пользовался его услугами для поиска работников на плантациях марихуаны, на чем и погорел: Флавио сдал его связи с УБН всему преступному миру. Несколько недель назад Марсело Флавио пропал — поговаривали, что он бежал за границу и был убит, но доказательств так и не нашли.

— Что им нужно?

— «Принесите нам голову прекрасного принца».

Рауль вздрогнул так, что это не укрылось от глаз Хесуса. Но нет, всего лишь совпадение, таких прозвищ пруд пруди. Это не может быть Лучиано. Он уже два года обретается на кладбище Долорес.

— Что это, дьявол их раздери, значит?

— Они объявили охоту на убийцу своего босса, — объяснил Хесус. — Подозревают раба, который был в услужении у Флавио как раз перед его исчезновением.

— А сами справиться не могут?

— Если бы могли, вряд ли просили бы помощи.

Логично. После пропажи начальника группировка разбилась на мелкие банды, которые расплозились кто куда. Флавио никого не подпускал достаточно близко, чтобы можно было назначить заместителя. Только вот картелям сейчас не до того, чтобы искать какого-то жалкого раба — Мексику раздирает война, каждый стремится урвать кусок пожирнее и

похоронить конкурентов. Отношения между ними обострились как раз из-за Флавио, который подставлял глав одного за другим так же, как сделал это с Энрике. И его подручные действительно думают, что все ринутся искать этого «прекрасного принца»? Если он действительно убил Флавио, Рауль первым пожмет ему руку.

Он потер лоб. Из-за духоты начинала болеть голова, но открывать окно не хотелось — чертов дождь и не думал прекращаться.

— Пошли их к чертям. — Хесус уже шел к двери, когда Рауль окликнул его. — А впрочем, потребуй у них все, что они накопили на того парня.

— Зачем? — Хесус насторожился. Неожиданный интерес босса ему не понравился.

— Мне стало любопытно. — Рауль все же распахнул окно и поежился от хлынувшего в комнату мокрого воздуха. — Кому пришла в голову безумная мысль убить самого Флавио? Шевелись, ты знаешь, что я ненавижу ждать.

Хесус перетупил с ноги на ногу и скрылся за дверью, точно крыса шмыгнула в нору. Рауль же уставился на небо — облака поредели, где-то блеснуло солнце.

— Убит прекрасным принцем, — прошептал он. — Однако.

* * *

— Вы помните Рамона?

Мигель удобно устроился в кресле, закинув ноги на подлокотник. Роза неодобрительно поцокала языком, но сделать замечание гостю не решилась и ушла, оставив на журнальном столике поднос с чашками. Ксавьер взял кофе, желая оказаться как можно дальше отсюда — он так и не смог привыкнуть к своеобразной манере Мигеля общаться с людьми. Тео со всей братией мигелевых телохранителей играл во дворе, в гостиной находились только они трое.

— Разумеется, помню. — Амадео предложил Мигелю шоколад, и тот резво схватил чашку. — Ваш шпион в логове Флавио, который здорово помог мне, раздобыв телефон.

— Он мертв.

Амадео поперхнулся шоколадом.

— Простите?..

— Два дня назад его подбросили на крыльцо виллы Торресов. Видимо, посчитали, что он уже умер, но он продержался еще немного. Настоящий мужик.

Амадео и даже Ксавьер теперь не сводили с Мигеля глаз. Тот помешивал свой шоколад, выпятив губу, как ребенок, который старается не заплакать.

— Кто? — спросил Амадео севшим голосом. В висках застучало, и он поставил чашку на стол, чтобы не расплескать напиток. Рамон, который из кожи вон лез, чтобы вытащить семью из нищеты. Рамон, трещащий без умолку и всегда готовый подхватить хорошую шутку. Рамон, который добыл ему телефон, не требуя никакой благодарности... Убит? С ужасом Амадео понял, что на краю сознания шевельнулось что-то темное, отдаленно похожее на то, что захлестнуло его во время расправы над Флавио. Взгляд непроизвольно скользнул к пакету с таблетками на каминной полке. Ксавьер прав — если они помогут подавить тьму, придется их принимать.

— Даже гадать не надо, — ответил Мигель. — Рамон сказал только одно слово, а потом впал в забытье и... с концами. — Он отставил чашку и сцепил пальцы перед собой. — Мануэла не успела вызвать «скорую помощь», а он уже отправился пить мескаль с ангелами.

Но это детали.

— Что он сказал? — Амадео уже знал ответ. В висках застучало громче.

— Арманд.

В голове загрохотал кузнечный молот, и Амадео до боли стиснул кулаки. Мигель прав, даже угадывать не нужно, кто разыскивал его и зачем.

— Диего и Рикардо, — выдавил он. — Им нельзя...

— Они в безопасности, я об этом позаботился. — К Мигелю вернулось его обычное оживление. — Мануэла с ними. Рикардо нашел меня за пару часов до того, как к ним на крыльцо упал Рамон, и сообщил, что кто-то расспрашивал о вас. Полиция не знала о вашем существовании, так что это не дядюшки-детективы, расследующие пропажу отчима.

— Почему он не позвонил мне?

— Боялся прослушки. Нелишняя предосторожность. Потому я сразу после гибели Рамона вылетел сюда. — Мигель извлек из кармана шортов пачку «M&M» s» и закинул горсть драже в рот. — Рикардо порывался лететь сам, но Диего убедил его, что так он лишь навлечет на вас подозрение. А меня никто не знает.

Амадео лихорадочно размышлял. Значит, на него открыли охоту, и причина тому может быть одна — расправа над Флавио. Рамон наверняка не сообщил его настоящее имя, но Амадео всерьез опасался за остальных обитателей виллы — они запросто могли повторить судьбу охранника. Никаких иллюзий насчет «сказал то, что требуется — отпустили» он не строил.

— Охрану нужно усилить, — впервые за все время подал голос Ксавьер. — Я распоряжусь. И ни шагу без сопровождения, принц, я не собираюсь отскребать твои мозги с асфальта.

— Мигель, вы уверены, что братья Торресы и Мануэла в безопасности?

Тот и не подумал обидеться.

— Конечно. Их никто не станет искать — себе дороже. Если бы банда Флавио собиралась их прижать, сделала бы это сразу, а не истязала бедного охранника. — Мигель грустно потряс пустой пачкой над раскрытой ладонью.

Амадео едва подавил тошноту. Рамона пытали, мучили, издевались, клещами вытаскивали имя. Его, Амадео! Все из-за того, что он прикончил клятого работорговца, который более чем заслуживал смерти!

— Принц, — окликнул его Ксавьер. — Принц! Разожми ладонь. Немедленно.

Только сейчас Амадео почувствовал жжение — он крепко стиснул горячую чашку, и кожа уже покраснела. Дернул руку к себе, шоколад брызнул на пол.

— Ой-ей. — Мигель подхватил чашку прежде, чем та упала. — Тетя Роза будет ругаться, но ничего, валите все на меня. Амадео, никто никогда не докажет, что вы имеете какое-то отношение к исчезновению Флавио. У его людей есть только предположения. Но для них главное — найти виноватого, и им окажется не только сеньор Витале, — он указал на Ксавьера, — но и раб по имени Арманд.

— Почему не я? — Ксавьер крутил в свободной руке незажженную сигарету. — По логике, именно я купил Амадео за чемодан кокаина, я подставил Флавио, и меня они должны разыскивать в первую очередь.

— А я и не сказал, что вас оставят в покое. На вашем месте я бы тоже поостерегся, сеньор Санторо. И за это мне следует попросить прощения — вы так вляпались по моей милости.

Ксавьер чуть было не согласился вслух, однако это было бы несправедливо — никто не мог предвидеть, чем обернется план по освобождению Амадео и устранению Флавио с бизнес-арены.

— Тем не менее, Амадео не убивал Флавио. Это сделал я.

— Скажете это тем, кто придет за ним. — Мигель смял пустую пачку и сунул в карман. — В любом случае, будьте бдительны. По сравнению с этими людьми Жаклин Коллинз — маленькая девочка.

Ксавьер подался вперед, стальные глаза сощурились.

— Откуда вы...

Мигель приложил палец к губам, чем еще больше стал похож на проказливого мальчишку.

— Я знаю много, — с самым таинственным видом изрек он, тряся руками над головой, как мексиканский колдун, — но помню мало. Если я или мои молодцы вам понадобятся, ищите в «Азарино». — Он подмигнул Амадео. — Номер зарегистрирован на имя Пабло Эскобара.

Ксавьер буркнул под нос что-то, отдаленно напоминающее «гений чертов». Мигель ушел, не забыв напоследок похвалить горячий шоколад, чем наконец растопил сердце Розы. Амадео этого не заметил. Он накручивал прядь на палец, беспрестанно повторяя про себя: «Рамон мертв. Мертв из-за меня».

Ксавьер схватил его за запястье и заставил выпустить волосы.

— Прекрати. Ты не виноват в том, что произошло.

Амадео зло глянул на него.

— Нет? Рамона убили из-за меня! Они искали меня, Ксавьер, и ты еще говоришь, что я тут ни при чем?

— С тем же успехом можешь обвинять себя в смерти Кристофа.

Амадео вздрогнул, как от пощечины.

— Что?

— Ты не виноват, что твой брат — больной ублюдок, который поднял руку на отца. И не виноват, что Флавио — такой же больной ублюдок, покалечивший пасынка и похитивший твоего ребенка. В любой войне жертвы неизбежны, и вместо того, чтобы топить себя в чувстве вины и гадать, мог ли ты спасти погибших, сосредоточься на том, как защитить тех, кто еще жив.

Амадео молчал. Он понимал, что Ксавьер прав — закопавшись в прошлом, можно запросто потерять настоящее, тем более в такой острой ситуации. Рамона уже не вернуть, но этот кошмар надо остановить.

— Сделай мне одолжение. — Он поднялся и составил чашки на поднос. — Позвони Ребекке и запроси подробную информацию о группировке Флавио. Если кто-то из них появится в городе, мы должны знать.

Ксавьер кивнул и поднялся, застегивая пиджак.

— Что насчет Матео? Мальчик только-только оправился.

— Я вижу только один вариант. — Амадео отодвинул штору. Тео носился по двору, играя в догонялки с рыжим Рори. — Отправить его к Диего и Рикардо. Мигель сказал, что они в безопасности, и я ему верю.

Ксавьер нахмурился. Весь его рационализм восставал против Мигеля, но он не мог не признавать, что тот действительно надежен, несмотря на эксцентричность. Мальчика вряд

ли станут искать, но если он останется здесь, то может случайно попасть под удар.

— Знаешь, о чем Тео попросил меня сегодня утром? — Амадео отпустил шторы, и та с мягким шелестом закрыла окно. — Держать его в курсе того, что происходит, чтобы он был осторожнее. Он винит себя в том, что попался Флавио, представляешь?

— Это он совершенно точно унаследовал от тебя. — Ксавьер стиснул его плечо. — Ты только и делаешь, что обвиняешь себя во всех смертных грехах. Но если Матео считает, что так ему будет спокойней, то хотя бы объясни в общих чертах, почему он должен уехать.

— Осталось только подобрать правильные синонимы к словам «Твоего отца хотят убить». — Амадео вздохнул и снова повернулся к окну.

* * *

Амадео длинно и замысловато выругался и швырнул ручку на стол. Та врезалась пером в договор и проткнула бумагу насквозь.

— Никогда бы не подумал, что ты знаешь такие слова, — прокомментировал Ричард Крамер, входя в кабинет.

— Прошу прощения. — Амадео потер переносицу. — Непростой день. Вы принесли финансовый отчет?

— Да. — Крамер положил документ на стол. — Должен сказать, мы не просто на плаву, а пытаемся прыгнуть в небеса. Твое исчезновение пару месяцев назад должно было привести к падению цен на акции, однако сработал обратный эффект. Почаще устраивай себе неожиданный отпуск.

Обязательно предупреджу мексиканские картели, чтобы похищали меня раз в полгода, усмехнулся про себя Амадео.

Тео уже неделю как уехал, и без него, Дэвида и Розы дом казался ужасающе огромным и пустым. Каждый вечер Амадео созванивался с сыном с «левого» телефона, чтобы нельзя было отследить звонок. Мальчик не спрашивал, к чему такие предосторожности, как не интересовался, разобрался ли папа со своими проблемами. Ему было достаточно того, что тот объяснил необходимость столь быстрого отъезда. Диего рассказывал, что Тео спит и ест хорошо, а значит, причин для беспокойства нет. Мануэла и Роза, добродушно переругиваясь, по очереди хозяйничали на кухне, Дэвид подружился с Рамиресом. Мигель строго-настрого запретил раскрывать место их пребывания, и Амадео был этому только рад — значит, никто не найдет его семью и друзей, и можно сосредоточиться на насущных проблемах.

— Завтра я сделаю доклад на совете директоров. — Крамер поднялся, одергивая пиджак. — Вижу, ты постепенно поправляешься.

— О чем вы? — Амадео выпустил прядь волос — задумавшись, он снова вернулся к навязчивой привычке.

— На тебя смотреть было страшно, — признался Крамер. — Только между нами, в совете даже ходили шепотки насчет того, чтобы временно отстранить тебя от должности — очень уж болезненно ты выглядел. Но благодари мисс Райо — она мигом пресекла любые поползновения в эту сторону.

Амадео улыбнулся. Да он уже по гроб жизни должен Чилли за то, что она для него делала. Какую смелость надо иметь, чтобы выгораживать его перед советом директоров!

— Обязательно отблагодарю. Мне действительно лучше, Ричард, не стоит беспокоиться.

Когда Крамер ушел, Амадео взял испорченный договор, спустил его в шредер и попросил Киана подготовить новый экземпляр. Благодаря таблеткам он наконец начал высыпаться, вдобавок Цзинь насильно вливал в него успокоительные настои. В отсутствие Розы врач взял на себя управление домом, и вся охрана ходила по струнке, опасаясь острых игл в какое-нибудь особенно болезненное место. Уезжать Цзинь категорически отказался, аргументируя тем, что доставать пули из многострадального тела принца будет некому.

— К вам посетитель, — негромко доложил Киан. — Рауль Гальярдо.

Гальярдо? Фамилия показалась смутно знакомой, но Амадео не нашел его в списке запланированных посетителей.

— Что ему нужно?

— Обговорить сотрудничество с мексиканской компанией.

Так вот кто это. Неприятности Ксавьера в Мексике начались с убийства некоего Гальярдо, главы мексиканского наркокартеля. И теперь его преемник приехал сюда ради встречи с ним? На Амадео накатила паника, и он сунул руку в ящик стола, где лежал пузырек с таблетками.

Киан ждал ответа. Опасаться нечего, верный телохранитель обшлет посетителя с головы до ног — после случая с Викторией Киан стал настоящим параноиком во всем, что касалось посетителей босса. Но Амадео не мог успокоиться — сердце колотилось, как бешеное, ладони вспотели, и пузырек выскользнул из пальцев. Он трясущимися руками схватил его, вытряхнул две таблетки и проглотил.

— Пригласи через пять минут.

Киан молча кивнул и исчез.

В ожидании, пока таблетки подействуют, Амадео откинулся на спинку кресла и закрыл глаза. Что нужно Гальярдо? Сомнительно, чтобы он приехал обсудить сотрудничество — бизнес Амадео не связан с наркотиками. Неужели каким-то образом Гальярдо узнал, кто убил Флавио и собирается устранить его? В здании «Азар» больше охраны, чем в армии Лихтенштейна, он не уйдет отсюда живым. Тем более Киан наверняка обыскал его во всех доступных местах. Тогда что?

Какой смысл гадать? Амадео выпрямился и убрал руку от волос — скверная привычка снова дала о себе знать.

В кабинет вошел высокий человек. На вид ему было около тридцати пяти. Черные волосы тщательно уложены, светлый льняной костюм отглажен. Карие глаза лениво осмотрели кабинет.

— Неплохо, — протянул Рауль Гальярдо. — Мне о таких хоромах только мечтать.

Амадео проигнорировал сомнительный комплимент.

— Присаживайтесь. — Он указал на стул напротив. — Чем обязан?

— Ничем. — Рауль по-хозяйски закинул ногу на ногу, поморщившись — стул с прямой, неудобной спинкой не способствовал долгому отдыху. — Возможно, вам известна моя фамилия, в Мексике картель Гальярдо — один из самых влиятельных.

— Не припомню, чтобы слышал ее раньше. — Таблетки уже начали действовать, и Амадео чувствовал себя уверенней. — Что привело вас ко мне? Мой бизнес не имеет отношения к наркотрафику.

— Бизнес — нет, но вы лично — да. — Рауль вынул из кармана позолоченный портсигар. От Амадео не укрылась едва заметная гримаса — портсигар тут же перекочевал в левую руку. — Точнее, Ксавьер Санторо. Не притворяйтесь, что не знали о его деятельности,

о вашей дружбе легенды ходят.

Амадео не нравился тон Рауля. Что главе картеля нужно от него?

— Сейчас вы все поймете, — будто прочитав его мысли, ответил Рауль. — Видите ли, мы с сеньором Санторо расстались не на самой дружеской ноте — сразу после убийства моего брата его тоже попытались устранить. Смею заверить, ничего личного, только бизнес, вам должно быть известно, как это бывает. — Он хохотнул. — Или предпочитаете избавляться только от личных врагов, сеньор Солитарио?

Амадео не шевельнулся, но внутри все оборвалось. Значит, он был прав: Гальярдо — один из тех, кто явился на зов группировки Флавио.

— У всех есть враги, господин Гальярдо. — Он собрал бумаги, радуясь, что руки не дрожат. — Уверен, у вас их не меньше, чем у меня. Может быть, вы предпочитаете устранять их, но это не мои методы.

— Вы за здоровую конкуренцию? — Рауль раскрыл портсигар. — Курите? Могу предложить сигару?

— Нет. — Амадео уже начал утомлять этот разговор. — У меня назначено еще три встречи, господин Гальярдо, и я бы предпочел, чтобы вы перешли к делу. Чего вы от меня хотите?

Рауль с щелчком захлопнул портсигар и наклонился вперед.

— Я хочу, чтобы вы уговорили Ксавьера Санторо принять мое предложение о сотрудничестве.

Амадео удивился. Неужели он ошибся, и Гальярдо прибыл сюда вовсе не из-за Флавио? Ох уж эта паранойя...

— Простите, я, кажется, неверно расслышал. Уговорить Ксавьера на сотрудничество? — Он скрестил руки на груди, на губах появилась снисходительная улыбка. — Назовите хоть одну причину, по которой я должен это сделать.

Рауль поднялся и оперся руками о стол.

— Марсело Флавио.

Амадео снова обдало ледяным душем. Он с трудом собрал остатки спокойствия, чтобы ничем не выдать волнения.

— Кто это?

Рауль несколько секунд буравил его взглядом, затем со смехом выпрямился.

— А вы крепкий орешек. Убили человека, не моргнув глазом, и делаете вид, будто ничего не произошло. Но хочу вас предупредить — Гальярдо всегда получают, что хотят. Можете поинтересоваться у ваших предшественников, что лучше — помочь вам уговорить вашего друга или заставить вас это сделать.

Амадео успокоился. В первое мгновение на него накатила самая настоящая паника, но теперь он видел — стоящий перед ним человек впустую бахвалится, не имея на руках никаких реальных доказательств его причастности к убийству Флавио.

— А вам не помешало бы поинтересоваться у ваших предшественников, стоит ли угрожать Солитарио. Если еще раз посмеете это сделать, господин Гальярдо, к списку ваших личных врагов добавится и моя фамилия. Вынужден закончить нашу встречу — сожалею, что вам пришлось потратить на меня свое драгоценное время.

Рауль рассмеялся.

— Я надеялся на мирное решение. Однако вы такой же, как все — еще никто не соглашался сразу. Вам придется подумать, Амадео Солитарио, хорошенько подумать —

каждый вечер читать сыну сказки перед сном или, лежа на узкой койке, дожидаться, когда надзиратели объявят отбой. Вы уже сидели за убийство. Неужели понравилось настолько, что готовы рискнуть своей свободой?

— Киан, проводи гостя к выходу, — сказал Амадео в коммутатор, не отводя взгляда от Рауля. — И пригласи господина Мартинеса.

К его чести, Рауль не стал настаивать и, не сказав больше ни слова, вышел из кабинета следом за телохранителем.

Амадео откинулся на спинку кресла. Этот Гальярдо изрядно заставил его понервничать, но он ничего не докажет. Как там говорил Ксавьер? Нет тела — нет дела, и теперь все зависит от его самообладания.

Раз нашел Гальярдо — найдут и другие. Тот был первой ласточкой, но вместо того, чтобы сразу сдать его группировке Флавио, решил сыграть по-грязному. Заключить договор с Ксавьером в обмен на молчание! Что за наивность!

— Добрый день, господин Мартинес. — Он с улыбкой пожал руку королю букмекеров и усилием воли заставил себя забыть о Рауле Гальярдо до конца встречи. — Хотите чего-нибудь выпить?

* * *

— Как-то неразумно со стороны этого парня отказываться. — Хесус ловко вертел в пальцах спиннер, зная, как это бесит Рауля — когда-то тот любил эти штуковины, но после травмы руки даже близко к ним не подходил. — Ты сказал ему, что он загремит в тюрьму, если не пойдет на сделку?

— Считаешь, ему можно так просто угрожать? — огрызнулся Рауль. Вино слегка ослабило головную боль, которая накатила еще в офисе Солитарио, но не изгнало совсем. — У этого мужика крупнейшая компания, он заведует огромной сетью казино и гостиниц, и такой гигант должен повестись на жалкий блеф? Амадео Солитарио — не самая легкая фигура в этой партии, а про Ксавьера Санторо и говорить нечего. У нас слишком мало оснований, чтобы требовать от них стать нашими «друзьями».

— Почему же? — Хесус прохаживался туда-сюда по гостиничному номеру — чтобы не мозолить глаза Солитарио, они с Раулем сняли комнату в захудалом мотельчике, где даже кондиционер отказывался работать как следует. Могли бы позволить себе и более престижное жилье, но Рауль заикнулся на экономии. — Группировка Флавио недвусмысленно указала на этого человека. Насчет его партнера были сомнения, но Пабло, с которым Флавио общался накануне своего отъезда, додумался залезть в историю своего гугл-хрома и нашел фотки обоих. Совместные фотки! Здесь только один вывод, брат — эти два богатея и есть наш крупный улов.

Рауль поморщился — он терпеть не мог, когда Хесус называл его братом.

— После смерти Энрике бизнес переживает не лучшие времена, ты сам видишь, — продолжал тот. — Подмять под себя такую крупную фигуру как Амадео Солитарио и заставить через него подчиняться Ксавьера Санторо — как раз то, что нам нужно. Придется перейти на совсем уж незаконные методы. Ты встречался с ним. Есть что-нибудь на примете? Чем можно его прижать?

Рауль подумал о фотографии, которую заметил на столе в кабинете — симпатичный

мальчик лет семи-восьми обхватил шею Амадео, оба смеются. Яркий, пышущий счастьем снимок. Самый очевидный вариант и самый болезненный.

— Нет, — соврал он. — У меня вообще создается впечатление, что этого человека кроме работы ничего не интересует. Было бы иначе, он бы не смог удержать такую громадину как «Азар» в руках.

Сказав это, Рауль понял, что допустил промах. Выражение лица Хесуса изменилось. Он перестал хмурить брови и улыбнулся, обнажив мелкие белые зубы.

— Правда? — Он, не переставая улыбаться, поскреб подбородок обкусанным ногтем. — А я вот, пока тебя не было, немного покопал. У него дружная семья: домоправительница, которая воспитывала его с детства, здоровенный амбал — начальник охраны — вместо папочки. И конечно, — он сладко улыбнулся, — маленький сынишка. Если с Флавио не прокатило, всегда можно перейти на угрозы семейству. Неприятно будет, если с мальчишкой что-то случится, и все в таком духе...

— Мы не будем трогать семью! — рявкнул Рауль, грохнув кулаком по трехногому столику. Тот подпрыгнул, недопитая бутылка со стуком опрокинулась, вино полилось на облезлый ковер. — Ты забыл главную заповедь — не вмешивать в наши дела тех, кто не имеет отношения к бизнесу?!

Хесус, не ожидавший вспышки ярости, отступил. Спиннер, прокрутившись в пальцах, брякнулся на пол, и Рауль озверел еще больше.

— Забыл, чем все закончилось в прошлый раз?! — заорал он, нимало не заботясь о том, что сквозь картонные стены его услышат соседи. — Или тебе плевать, как плевать на всех и вся, кроме собственной персоны?! Я больше никому не позволю пострадать из-за своих дел, разве что тебе, un pedazo de mierda!

Хесус едва успел выскочить за дверь. Бутылка разлетелась на осколки, ударившись о стену рядом — на этот раз Рауль бросал левой.

* * *

— Значит, Рауль Гальярдо.

Амадео хмуро кивнул. За окном черного «мерседеса» проносились городские пейзажи, залитые вечерним солнцем — несмотря на наступившую осень, погода не спешила ухудшаться. Ксавьер курил и копался в ноутбуке, Йохан насвистывал «La isla bonita» Мадонны — двумя минутами ранее ее передавали по радио. Прекрасный остров, на котором, как Амадео надеялся, Мигель прячет его семью, чтобы никто не смог до нее добраться.

К концу дня голова совсем не хотела соображать, но навязчивые мысли не спешили уходить. Вновь и вновь Амадео прокручивал встречу с Раулем Гальярдо, каждый раз подмечая какие-то нюансы. Самодовольный вид, но взгляд и наполовину не такой уверенный. Легкая гримаса, когда Рауль достал портсигар. Что-то не так с рукой? Неловкая, даже шаблонная угроза — тогда она здорово разозлила Амадео, но сейчас звучала так, будто выдрана из дешевого романа. Рауль совсем не походил на человека, наслаждающегося доставшейся по наследству властью, скорее, пытался натянуть одежду старшего брата, всем видом показывая, как в ней хорошо и удобно, и совсем нигде не жмет, а брюки тем временем уже лопаются по швам.

— Плохой из него актер.

— Что? — Ксавьер посмотрел на него сквозь завесу табачного дыма.

— Ничего. — Амадео сморщил нос и помахал ладонью. — Бросай курить, до добра не доведет.

— Приму к сведению, доктор. И раз уж ты сделал мне замечание, держи в ответ: ты снова крутишь волосы.

Амадео мгновенно отдернул руку — слишком резко, как мальчишка, которого застали за курением, выбрасывает сигарету. Врач диагностировал это как симптом обсессивно-компульсивного расстройства и советовал удерживаться от подобных действий, и теперь Ксавьер частенько делал ему замечания.

— Сведений о твоём Рауле немного. Придется снова обращаться к Ребекке. — Ксавьер усмехнулся и захлопнул ноутбук. — Эта дамочка начала заламывать цену будь здоров.

— Для тебя постоянная скидка, — рассеянно отозвался Амадео. — Как считаешь, этого Гальярдо стоит остерегаться?

— Я собирался работать с его братом. В его надежности, как видишь, ошибся. — Ксавьер затушил сигарету. — Один гнилой кирпич рушит все здание их картеля, и если Рауль хотя бы немного благоразумен, не станет лаять на единственного, кто может его спасти.

— Конечно нет. Ведь он не пошел к тебе. — Амадео скрестил руки на груди и глянул на циферблат — до звонка Тео оставался целый час. — А предпочел пригрозить мне. Я не собираюсь идти на уступку, иначе сам же распишусь в убийстве Флавио, но что он в таком случае будет делать? Я вижу только один вариант, и он мне совсем не нравится.

Мигель в красках расписал плачевное положение картеля на мексиканском рынке: утрата доверия, отсутствие новых сделок, отказ старых партнеров от сотрудничества; более того, открытая враждебность других картелей, и как следствие — постоянные вооруженные стычки и даже саботаж. Сейчас только выгодное сотрудничество может спасти картель, и если Рауль решит идти до конца, а не попытаться счастья в другом месте, то Амадео нужно остерегаться в первую очередь. Рауль уже не придет к нему в офис с белым флагом, а примчится на джипе с автоматом под мышкой и силой вынудит Ксавьера заключить с ним контракт.

С другой стороны, что помешало ему поступить так сразу вместо того, чтобы миндальничать? Какой смысл заявлять о себе, зная, что тем самым ставит себя в невыгодное положение? Предупрежден — значит, вооружен.

Из задумчивости его вывел голос Йохана:

— Пристегнитесь и закройте окно.

— В чем дело? — Амадео нажал кнопку и потянулся к ремню безопасности. Только сейчас до него дошло, что едут они куда быстрее, чем разрешено в черте города.

— Хвост, — ответил за Йохана Ксавьер. — И явно не слезка.

Амадео оглянулся: за ними гнался джип-«чероки» старой модели. Выглядел он не ахти — корпус проела ржавчина, черная краска облупилась, но скорость он набирал уверенно, угрожающе рыча двигателем. Только бы там не оказалось людей с автоматами, успел подумать Амадео, как его бросило вперед — Йохан резко затормозил, и громадина проскочила мимо.

— Эти психи убить нас хотят, — пробормотал он, разворачивая «мерседес». — Держитесь, удирать все равно приде...

Мощный удар сотряс машину сразу с двух сторон — преследователи не ограничились

одним автомобилем. Амадео бросило вбок, он врезался головой в бронированное стекло и, теряя сознание, успел услышать, как впереди вскрикнул Йохан.

Одетые в пыльную одежду люди распахнули дверцу и, разрезав ремень безопасности, выволокли Амадео наружу.

— Принц! Принц! — кричал Ксавьер, силясь справиться с застежкой своего ремня, но ее намертво заклинило. — Какого дьявола...

Дверца с его стороны распахнулась, в грудь ткнулось дуло пистолета.

— Передай Марсело Флавио привет, — сказал кто-то по-испански и выстрелил дважды.

* * *

Рауль лениво щелкал пультом — в этой дыре, черт побери, не найти даже приличного сериала, а кабельного захудалый мотель не предоставлял. Интернет тоже ловил кое-как — из-за бетонных многоэтажек, стиснувших приземистое здание, даже мобильник то и дело терял связь. Что за дыра!

Рауль в раздражении отшвырнул пульт. Еще и Хесус куда-то запропастился — вышел купить еды, и уже полтора часа ни слуху, ни духу. В этом квартале немудрено заблудиться, а при мерзком характере Хесус себе еще и приключений на зад отыщет. Не то чтобы Рауль о нем беспокоился, но они сюда приехали вдвоем и без охраны, чтобы не привлекать внимание, и остаться на вражеской территории совсем одному однозначно не хотелось.

Ты, видно, совсем из ума выжил, раз вместо телохранителя взял с собой только Хесуса, подумалось ему. Рауль усмехнулся. Несмотря на неказистую внешность, Хесус был отлично тренирован и при необходимости смог бы постоять и за себя, и за Рауля. Ножа в спину Рауль от него не ждал — Хесус тот еще засранец, но теплое место потерять не хочет. Самому ему ни за что не стать главой картеля, даже если Рауля не станет, вот и лижет ботинки, чтобы не пнули.

Рауль растянулся на узкой кровати, глядя в потрескавшийся потолок. Надо бы перед отъездом заглянуть к старому другу, узнать, как дела. Уже почти год не виделись...

Он в который раз поразился самоконтролю Амадео Солитарио. Рауль фактически припер его к стенке именем Марсело Флавио, а у того даже глаз не дернулся! Либо Солитарио и правда ни при чем, и люди Флавио ошиблись, либо он совершеннейший психопат. Убивает людей, а сам ведет совершенно нормальное существование, обнимает перед сном сынишку, ведет светскую жизнь... А почему нет? Большинство тех, кто сидит на вершине, так и живут, его лучший друг Ксавьер Санторо наверняка не раз пачкал руки в крови. С чего бы и Солитарио не быть таким же?

Но Рауля грыз червячок сомнения. Хесус нарыл достаточно информации об Амадео, и Рауль только диву давался — такую биографию хоть как сценарий сериала используй! Приемный ребенок, которого Кристоф Солитарио воспитывал как родного; громкий арест, обвинение в убийстве своего благодетеля, четыре года тюрьмы; затем — генеральный директор «Азар»; сводный брат — родной сын Солитарио покончил с собой... Подобно своему отцу, Амадео пригрел бездомного мальчишку — именно его фото Рауль видел в кабинете. Акции «Азар» находились в статусе «голубых фишек» уже несколько лет, несмотря на то, что в прошлом году компания перенесла жесточайший кризис. Как, черт побери, Солитарио это удалось? Как Рауль ни старался, он не мог собрать цельный портрет.

Он успел задремать, когда в комнату с топотом влетел Хесус. Бросив объемистый пакет с едой на хлипкий столик, он скинул ботинки и плюхнулся на кровать.

— Чертовы трущобы, — нудил он. — Пока найдешь, откуда вышел, все вокруг успеет перестроиться, что за дерьмо...

— А ты, видимо, хотел, чтобы мы поселились прямо под носом у Солитарио? — сонно протянул Рауль, шаря по кровати в поисках пульта. — В этом городе не так-то легко найти гостиницу, которая ему не принадлежит.

Хесус фыркнул, но промолчал. Рауль наконец нашел пульт и хотел было выключить телевизор, но глаз выхватил в бегущей строке знакомое имя.

— Чего? — недовольно проворчал Хесус, когда Рауль прибавил звук, но, вспомнив о субординации, заткнулся и отвернулся к стене.

Во весь экран красовался покореженный черный автомобиль. Рядом стояли машины «скорой помощи» и полиции, все вокруг было огорожено желтыми лентами. Камера успела выхватить чье-то тело на носилках, и тут же полицейский закрыл объектив ладонью.

— Быть не может, — едва слышно ахнул Рауль. — Не может этого быть!

В следующее мгновение он вылетел из номера и помчался на крышу. Там ловила сотовая связь.

* * *

Где-то капала вода.

Тихий равномерный стук успокаивал, но Амадео знал, что совсем скоро он начнет действовать на нервы. Еще повезло, что холодные капли падали не на него — он хорошо изучил эту пытку, когда издевался над Флавио.

Голова пульсировала тупой болью, во рту стоял привкус крови. Амадео попытался открыть глаза — левый покрылся спекшейся коркой. Значит, он знатно разбил голову. Попытался протереть глаз, но не смог — руки были связаны над головой, а сам он едва касался ногами пола.

Он вспомнил аварию и крик Йохана. Потом — темнота. Кто-то притащил его сюда и подвесил, как мясную тушу. А Ксавьер? Что с ним? Если это люди Флавио, они наверняка не оставили сеньора Витале в покое — как-никак он тоже способствовал аресту их босса.

В голове ослепительно полыхнуло, и Амадео обвис на стягивающих запястья путах.

— Надо же, наш принц очнулся, — просвистел над ухом знакомый голос. Амадео даже не пытался вспомнить, где его слышал — все поглотила яркая боль.

— Ты его так долбанул, что он сейчас снова вырубится, — ответил кто-то.

— Ничего, он крепкий. Видал я, на что этот сабгон способен. — Звук плевка, по щеке потекла чья-то слюна.

Боль чуть поутихла, и Амадео приоткрыл правый глаз.

— Ты, — прохрипел он. — Прости, забыл твое имя.

На самом деле оно всплыло сразу же, как только Амадео увидел всклокоченную бороденку — Скай, который невзлюбил его с первого же дня и изо всех сил старался преподать урок, но вместо этого лишь опозорился перед товарищами. И сейчас его физиономию перекосило от ярости.

— Принцам ни к чему имена черни, да? — прошипел он и отвесил Амадео еще одну

оплеуху. — Ничего, буду бить, пока не вспомнишь.

— Слышь, — подал голос кто-то позади Ская. — А мы точно того взяли? Кажись, он тебя не узнает.

Громкий хохот. Как минимум трое. Амадео зажмурился от посыпавшегося на него града ударов — и угораздило же так попасть!

— Уж я-то не ошибусь, я эту девичью моську везде узнаю. — Скай схватил Амадео за подбородок. — Видали красоточку? В любом борделе звездой станет!

— А ты и не прочь стать первым клиентом! — Снова хохот.

Один из похитителей встал рядом со Скаем. Суровый, но усталый взгляд, пыльная одежда. В кобуре на поясе — пистолет.

— Почему ты так уверен, что мужик тот? Схвати мы левого — проблем не оберемся, с его-то связями.

— Погляди, Берни. — Скай рванул рубашку Амадео, пуговицы заскакали по полу. — Эту красоту я лично ему набил. Узнаешь партак?

Собеседник присвистнул.

— А-а-а, клеймо Флавио. Ну тогда точно наш клиент. — Он красноречиво хрустнул костяшками пальцев. — А ты еще раз назовешь меня Берни, челюсть вышибу. Я Бернардо.

Амадео проклинал себя последними словами, что не свел чертову татуировку. Сколько раз собирался, и все время в последний момент что-то мешало. В результате он про нее попросту забыл.

— Ладно, с ним разберемся как следует. Что там со вторым?

— Готов, — ответил кто-то. — Долго не мучился, мир его праху. В отличие от этого — с ним мы развлечемся на славу.

Амадео похолодел. О ком они говорят?

Заметив его смятение, Скай расхохотался и потрепал Амадео по щеке.

— Дружок твой, Санторо, не придет тебя спасать, и не надейся. Ты уж извини, но он сейчас жарится в Аду, а пульки в нем только знай потрескивают. Как попкорн.

Амадео не верил ушам. Ксавьер? Мертв? Невозможно, нет! Да этого человека и атомная бомба не возьмет!

— Принесу тебе завтра некролог, считаешь, — продолжал издеваться Скай. — А хочешь — вырежу и в рамочку вставлю. Повешу вот на эту стенку, прямо напротив. Чтобы не забыва...

Он с тихим чавканьем согнулся пополам — Амадео врезал ему ногой в живот.

— Заткнись, гнида, — ровным, тихим голосом сказал он. — Еще одно слово о Ксавьере, и я выпущу тебе кишки, намотаю на вентилятор и включу самую быструю скорость.

Скай хватал ртом воздух, выпучив налитые кровью глаза. Стоящий рядом Бернардо благоразумно отошел на несколько шагов.

— Вообще Скай не соврал, — осторожно сказал он. — Твоего дружка действительно хлопнули. Ну а как ты хотел? И рыбку съесть, и лицо не потерять? Ничего личного, парень, на месть мы имеем право.

Амадео не ответил. Его охватило оцепенение, он безвольно обвис на веревках. Ксавьер, его лучший друг, его брат — мертв.

Ребекка закончила разговор, но телефон тут же зазвонил снова. Едва не раздавив трубку от злости, она рывкнула:

— Я сказала — нет! Никакого эксклюзива, козел ты толсторогий!

Проходящая мимо медсестра погрозила пальцем.

— Вы в больнице, мисс, ведите себя тише.

Ребекка махнула ей рукой, мол, поняла, и зашипела, как змея:

— Никакого эксклюзива, Роб, только попробуй, и я сделаю так, что ни в одном масс-медиа ты больше работы не найдешь. Не мечтай уехать в другую страну — я тебя и там достану. И убери чертовых фотографов из вестибюля!

Едва подавив желание зарычать, она сунула телефон в сумочку, не обращая внимания на непрекращающуюся вибрацию, и совсем не грациозно плюхнулась на кушетку. Вот тебе, бабушка, и сюрприз к выходным.

Два часа назад Ребекка сидела в кабинете и черкала черным маркером по статье, которую олух Кейв собирался пускать в печать. Каждый раз одни и те же ошибки, каждый раз слишком много провокационной информации, этот идиот вообще не соображает, что делает. И как он смог проползти так высоко по служебной лестнице? Понизить, либо уволить, надоело разгребать за ним кучи навоза, которые скомпрометированные им политики и звезды вываливали на издательство после публикации его материалов. Однажды он даже умудрился насесть на Санторо! Большой глупости точно не мог придумать — Ребекка ни за какие коврижки не выпустила бы что-то, обличающее своего благодетеля.

Она встала и потянулась. Взгляд упал на часы — черт, уже почти девять! А она собиралась встретиться в баре с Амадео и Ксавьером и передать им все, что накопила на Рауля Гальярдо. Любопытный тип этот Рауль...

Засветился экран телефона. Она едва не сбросила звонок, но в последний момент решила ответить, пообещав себе, что после сразу же переведет аппарат в беззвучный режим.

— Я уйду домой, Марко! — рывкнула она. — Все дела завт...

И тут Марко, ее помощник, сделал то, чего никогда себе не позволял. Он ее перебил.

— Авария, мисс Ребекка. По предварительным данным Ксавьер Санторо мертв.

Впервые за всю свою долгую карьеру она потеряла дар речи. А затем, задвинув потрясение куда подальше, отдала распоряжение никого не подпускать к этому происшествию. Она сама разберется.

Марко ошибся. Когда Ребекка прибыла в больницу, ей сообщили, что Санторо жив и на операции, но никаких гарантий, ничего. Две пули прямо в грудь — шутка ли?

В ожидании Ребекка мерила шагами коридор. Телефон раскалился от постоянных звонков, но чем себя еще занять, она не знала. Йохан Торн, водитель Санторо, также находился без сознания. Ребекка безуспешно пыталась дозвониться до Амадео, но тот как в воду канул.

— Черт побери, принц, если ты снова отправился загорать, я с тебя шкуру спущу, — пробормотала она.

Репортаж гремел на весь город — этого Ребекка предотвратить не смогла. Ей удалось заткнуть рты особо ретивым, поэтому в новостях передавали лишь общую информацию — авария, двое пострадавших в критическом состоянии. Про пули в груди никому не удалось пронюхать. Если бы принц был в пределах досягаемости, то наверняка услышал бы о происшествии и примчался сюда куда быстрее Ребекки. Ей совсем не хотелось думать, что Амадео тоже был в машине.

— Мало тебе было Мексики, чертов принц, — прошипела она. — Да Санторс принципиально выживет, чтобы наказать тебя за то, что опять влип в неприятности.

Как бы она ни старалась храбриться, желудок сводило при мысли о том, чем все может обернуться. Ребекка никому бы не призналась, что боится. Она научилась не привязываться к людям — в ее деятельности это только мешало, но сейчас она действительно боялась, что Ксавьер умрет, а Амадео убьют похитители — в том, что его схватили не ради выкупа, она не сомневалась.

— Ребекка?

С души словно камень упал. Она резко развернулась на каблуках, изобразив самое свирепое выражение, какое только смогла придумать.

— Чертов принц, где тебя носи...

Перед ней стоял темноволосый мужчина. Карие глаза смотрели настороженно, пальцы нервно теребили телефон. При виде выражения ее лица он отшатнулся и едва не упал.

— Прос... Простите, если напугал...

— Скорее уж я вас. Чего вам, Гальярдо?

В глазах промелькнуло удивление.

— Так вы меня знаете?

— Рауль Гальярдо, тридцать четыре года, не женат, детей нет, в настоящий момент занимает пост главы картеля. Чего вы еще хотели от человека, который торгует информацией? — Ребекка скрестила руки на груди и требовательно уставилась на Рауля. — Что вам здесь надо? Пришли убедиться, что все прошло гладко?

— О чем вы? — вскинулся Рауль. — Это не моих рук дело!

— Ну да, а я — Жанна Д» Арк. — Она схватила его за запястье и потащила за собой, не обращая внимания на вырвавшийся у Рауля стон. — Если хоть один из твоих мордovorотов меня тронет — вырву руку с корнем.

— У меня нет... никаких мордovorотов. — Рауль еле поспевал за ней, скривившись от боли. — Я пришел один!

Ребекка стрельнула глазами по сторонам. Действительно, никто за ними не бежал. Она толкнула Рауля к стене и уперла руки в бока.

— Я тебя слушаю.

Рауль потер руку, одернул рубашку и оглянулся на горящую надпись «Идет операция».

— Он жив, да? Сильно пострадал?

— А как думаешь, от пары выстрелов в грудь сильно можно пострадать?

— Выстрелов?

Ребекка почти минуту изучала его отвисшую челюсть.

— Не пойму, либо ты идиот и правда ничего не знаешь, либо отлично прикидываешься. Надеюсь, не такой идиот, чтобы не догадаться, что аварию подстроили.

— Это я понял, — сердито отозвался Рауль, приглаживая волосы. — Я не знал, что в него стреляли!

— И никто не знает. Я запретила распространять эту информацию. — Ребекка сунула в рот сигарету и полезла за зажигалкой.

— Тут больница, — укоризненно напомнил ей Рауль.

— Да пошел ты. — Она швырнула сигарету в сумочку. — Ладно, допустим, ты ни при чем. Чего пришел?

— Не могу найти Амадео Солитарио. Из офиса он уже ушел, а дома не появлялся

Машина на стоянке возле «Азар»...

Ребекка что-то тихо пробормотала.

— Что?

— Ничего. Я матерюсь. Если хочешь, чтобы повторила погромче, так и быть...

— Не надо. — Рауль снова оглянулся на светящуюся табличку. — Значит, он мог быть вместе с Санторо?

— Скорей всего, так и было, — нехотя признала Ребекка. — Только тебе-то что за дело?

Радоваться должен, шантажист хренов.

— Закончили. — Рауль пошагал к операционной. Ребекка бросилась следом.

* * *

Ледяная вода окатила тело с головы до ног, и Амадео на мгновение потерял способность дышать. Он едва мотнул головой, чтобы стряхнуть воду с волос — на большее его не хватило.

— Проснулся, — коротко бросил кто-то, и его вздернули на ноги.

Так продолжалось уже несколько дней. На ночь его милостиво отвязывали и запирали в небольшой камере, где он мечтал, чтобы скорее наступило утро — приступы клаустрофобии безжалостно наседали, не давая продохнуть. Днем же снова подвешивали на веревках, и Скай давал волю своей садистской натуре — вся спина Амадео теперь была испещрена длинными рубцами от хлыста. Дальше его фантазия не шла. Амадео молча терпел издевательства — разум совершенно окаменел. Сейчас он хладнокровно сунул бы в рот Скаю динамитную шашку, а потом перебил всю группировку Флавио, одного за другим. Без колебаний. Без сожалений. Эти твари убили Ксавьера и не заслуживают ни малейшего снисхождения.

Ская молчание пленника выводило из себя. Он с усердием работал хлыстом, но красавчик даже ни разу не вскрикнул!

— Вот сабон, — выругался он, выдохшись в очередной раз. — Лучше тебе орать, пока можешь, потому что скоро силенок не хватит.

Он обошел Амадео и дернул его за волосы назад, заставляя поднять лицо. Рукоять хлыста уперлась в подбородок.

— Слышал, что я сказал? Покричи для меня, и я оставлю тебя в покое на пару дней. Подожду, пока немного оклемаешься, а потом снова начну хлестать. Выбирай: забить тебя до смерти сразу или помедленней?

Амадео смотрел сквозь него пустым взглядом, и Скаю стало не по себе. Он помнил ту неудержимую злость и ярость, которые так и полыхали из глаз треклятого принца, когда его только привезли сюда, куда же сейчас все делось? Смерть дружка так подействовала? Тогда он должен рыдать в голос, откуда это пугающее равнодушие? Скай не выносил плачущих мужиков, лить слезы — бабское дело, но хоть какую-то эмоцию по поводу погибшего друга он должен явить! Давным-давно, в начале своей карьеры Скай потерял кореша, с которым они вместе еще пешком под стол ходили — тот подорвался на mine прямо на его глазах. Так Ская трясло, как старую проститутку, еще несколько дней, он нажрался текилой, как свинья, лишь бы забыть кровавые ошметки, летящие прямо в лицо! Почему этот принц так спокоен?

Амадео смотрел на него, а видел живописно разбрызганные по стене позади мозги,

огромную дыру посреди лба и вытекшие глаза. На губах появилась слабая, едва заметная улыбка, и Скай похолодел. Он еще может улыбаться?

— Че ты ржешь? — выдавил он. — Смешно тебе?

— Я убью тебя, — тихо, но отчетливо выговорил Амадео.

Скай отскочил и врезался спиной в стену так сильно, что несколько секунд не мог нормально вдохнуть. Кутивший за дверью бандит ворвался в подвал, на ходу сдергивая с плеча автомат: он решил, что пленник снова напал на Скаю, но, увидев бессильно висящего на веревках Амадео, хмыкнул и забросил ремень обратно.

— Че ты корчишься? — бросил он Скаю. — Закончил?

Тот наконец отдышался и, скрутив хлыст, поковылял к выходу.

— Пусть висит, — просипел он. — Я им позже займусь.

Амадео проводил его ничего не выражающим взглядом. На губах по-прежнему блуждала безумная улыбка.

3 Союзники поневоле

Чернота. Красная вспышка. За ней — вторая, и снова все погрузилось в темноту.

Опять красный всполох, следом еще один. Темнота.

Невыносимая тяжесть, будто кто-то уселся сверху. Еще немного, и она раздавит грудную клетку.

Судорожный вдох и ослепительно белый свет. Такой яркий, что хотелось зажмуриться, но не получалось.

— ...вьер!..

Кто-то зовет. Уже не впервые, он слышал голос и раньше, там, в темноте, но не мог ответить. Принц?

— Ксавьер!

Нет, не принц. Женский голос.

— Да хватит притворяться, я видела, что ты проснулся!

Он хотел усмехнуться — раньше она никогда не разговаривала с ним в таком тоне — но не смог. Дышать было невероятно тяжело, не получалось произнести ни звука.

— Не разговаривай. — Ребекка склонилась над ним, светлая прядь, выбившись из небрежной прически, защекотала щеку. — Тебя прооперировали. Считаю, в рубашке родился. — Она подняла голову и с усталой усмешкой посмотрела на кого-то, кого Ксавьер не видел. — Говорила я, какие-то жалкие пули его не возьмут.

В поле зрения появился Йохан. Вид у него был ужасный — под глазами темнели синяки, левая рука висела на перевязи, другой он держал костыль. Какого черта произошло, хотел спросить Ксавьер, но Ребекка предупреждающе погрозила пальцем.

— Я сказала, молчи. Вы попали в аварию, в тебя стреляли. Своего водителя сам видишь — ничего смертельного.

— А принц? — одними губами спросил Ксавьер.

Ребекка хмуро уставилась в стену. Йохан опустил голову и стиснул костыль.

— Что с принцем?

Никто его не услышал — голос по-прежнему отказывался повиноваться. Ксавьер с трудом поднял руку и ткнул Ребекку. Та нехотя повернулась.

— Что с принцем? — беззвучно повторил он.

— Исчез, — призналась она. — В машине его не было.

Ксавьер уронил руку и мысленно произнес самое длинное ругательство, которое знал. Он вспомнил ржавый джип, преследующий их, попытку уйти от погони. Страшный удар с двух сторон. Вспомнил, как Амадео выволокли из машины, как в него самого выстрелили. Дьявол. Как ни старался уберечь принца, ничего не вышло.

— Сюда приходил Рауль Гальярдо, — продолжила Ребекка. — Не знаю, насколько он во всем этом замешан, но разберусь. А ты не вздумай вскакивать с кровати и бежать на поиски. Мертвым ты Амадео ничем не поможешь.

Оставшись один, Ксавьер уставился в потолок. При одной мысли о том, где сейчас принц, и что с ним делают, его охватывала дикая ярость. Он сорвал бы с себя все трубки и провода и помчался искать друга, но хладнокровие и в этот раз не изменило ему. Лучшее, чего он может добиться — раны откроются, и он застрянет здесь надолго. И тогда Амадео

уже никто не спасет.

При условии, что он все еще жив.

Усилием воли Ксавьер заставил себя не думать об этом. Принц должен быть жив. Многих обманывала его аристократическая внешность, но он уже не раз доказал, что куда сильнее, чем кажется.

— Только попробуй умереть, я сам тебя убью, — беззвучно произнес Ксавьер и провалился в сон.

* * *

— Ты всерьез считаешь, что его не увезли в Мексику? — Хесус собирал вещи в рюкзак. — На месте ублюдков Флавио я бы так и поступил — здесь скрываться слишком опасно.

— Еще опасней пересекать границу с таким-то грузом. — Рауль осторожно выглянул на улицу через дырявые жалюзи. — И нет смысла везти его через половину земного шара только для того, чтобы убить.

— Они могли бы грохнуть его в машине, как Санторо, — проворчал Хесус. — Зачем возиться?

— Может, он все еще жив. — Рауль отошел от окна и закинул на плечо дорожную сумку. — Езжай в аэропорт. У меня осталось одно дело.

Как и следовало ожидать, Хесус мгновенно окрысился.

— Какое?

— Тебя не касается. Я приеду вовремя, на рейс не опоздаю, не переживай.

— А если опоздаешь? Если я вернусь без главы картеля, меня вздернут на первом же столбе!

— Да ничего со мной не случится. — Рауль махнул рукой и скривился. — Жил же я как-то тридцать четыре года без похищений. Меня и в лицо толком никто не знает, я только-только вступил в должность.

— Знаешь, что ты придурок? — Хесус сунул в рот жвачку и взял рюкзак. — Вообще не осознаешь, какая на тебе теперь ответственность?

— Я ее не просил! — взорвался Рауль. — Никто не просил моего брата связываться с УБН! Какого черта я должен расплачиваться за его косяки? Живо вали в аэропорт, это приказ! Не вернусь — так тому и быть, найдете, кем меня заменить!

Хесус хмыкнул, но спорить дальше не стал. Протопал по полу так, будто собирался проломить его насквозь, и вышел из номера.

Дождавшись, когда его такси скроется из виду, Рауль направился к запасному выходу. Даже если Хесус решит за ним проследить, ничего не выйдет — за долгие годы Рауль научился справляться со слежкой. Брат постоянно держал его в поле зрения, и приходилось идти на всевозможные ухищрения, чтобы скрыться от вездесущего ока. Рауль улыбнулся, вспомнив, как они с Катариной и Лучиано удрали в Тихуану на выходные. Энрике орал так, что его любимая антикварная ваза едва не рухнула с полки.

Добравшись до центрального парка, Рауль снова проверил, не маячит ли где-нибудь Хесус. Ничего и никого подозрительного. Может, он и правда решил наконец подчиниться, уж насколько противным был этот тип, но Энрике всегда слушался безоговорочно. Еще раз

осмотревшись, Рауль направился к автобусной остановке.

Выйдя из парка, он увидел великолепное здание. Серебристые изящные буквы складывались в слово «Азарино». Отделанная с безупречным вкусом, гостиница выглядела одновременно и роскошно, и по-домашнему уютно. Раулю захотелось узнать, какие там номера, но ему моментально стало стыдно — он все еще не мог признаться себе, что при встрече вел себя совершенно по-идиотски. Амадео ему понравился, он совершенно не походил на того монстра, которого Рауль себе вообразил. Он прошел мимо, стараясь заглушить голос совести.

Автобус проехал мимо больницы, и Рауль с тоской посмотрел на огромное здание. Он был здесь вчера, но каких же усилий сейчас стоило не выскочить на остановке и не броситься внутрь сломя голову! Нет, нет и нет. У него нет времени. Скоро он придет сюда снова, и тогда первым делом прибежит в больницу. Но не сегодня. Катарине придется немного подождать.

Суэта центра города давно осталась позади, высотных зданий становилось все меньше, пока они не исчезли совсем. По обеим сторонам дороги теперь выстроились коттеджи с черепичными крышами, окруженные аккуратно подстриженными газонами и заборами из штакетника. Рауль вышел на ближайшей остановке, решив остаток пути проделать пешком — ему нравился пригород, здесь было тихо и спокойно, в отличие от шумного и опасного Мехико, где ты мог словить пулю просто потому, что проходил мимо. Ему ли не знать. Он машинально потер предплечье и сунул руку в карман за портсигаром.

Золотая зажигалка «Зиппо» — подарок брата — почему-то отказалась работать. Кремень высекал искру, и только. Досадливо фыркнув, Рауль свернул к придорожному магазинчику, размышляя о том, что всего лишь оттягивает неизбежное. Он бросил взгляд на левое запястье — до самолета еще три часа. Если ему так стыдно показаться на глаза, зачем он вообще сюда приехал?

— Спички, пожалуйста, — бросил он девушке-кассиру, все еще пребывая глубоко в своих мыслях.

Она положила на прилавок коробок, и только тут Рауль заметил, что взгляд ее то и дело скользит куда-то влево. Он посмотрел туда же и обомлел — двое мексиканцев складывали в корзину продукты.

Он узнал их — Ребекка показала ему фото бандитов из шайки Флавио, которые напали на автомобиль Санторо. В голове беспорядочно закрутились мысли: он был прав, что Амадео не увезли в Мексику, а значит, его держат где-то поблизости; эти двое намереваются пробыть тут еще какое-то время, судя по полной корзинке; значит ли это, что Солитарио жив, или они планируют еще какую-то диверсию?

Молча расплатившись, Рауль отступил за стенд с чипсами. Он сам не понимал, что собирается делать. Разум вопил, чтобы он убирался отсюда как можно быстрее, сел на самолет, летел в Мексику и навсегда забыл об этой истории, но крохотный червячок стыда и сомнения продолжал свое губительное дело.

Черт побери, он же ничего не сделал! Не связывался с этими бандитами, за ним не следили, они нашли Солитарио самостоятельно! Тогда откуда сейчас этот стыд и ощущение, что совершает непоправимую ошибку?

Негромко переговариваясь, бандиты подошли к кассе. Рауль спрятался за стендом, усиленно делая вид, что выбирает, чем похрустеть.

— Сколько нам еще торчать в этой дыре? — спросил один по-испански, почесывая зад.

Девушка за прилавком брезгливо поморщилась, за что удостоилась похабной ухмылки.

— Пока этот новенький хмырь не натешится. Потом за дело возьмется Бернардо, он долго церемониться не будет — вышибет мозги да спустит на дно океана.

— Чего сразу так не сделал? Больно нужно протирать тут штаны!

— Бернардо обещал Скаю вознаграждение за наводку, вот тот его и получает. Еще, думаю, пару деньков поиграется, а потом ему надоест. Видал, сегодня утром Скай чуть не обделался со страху!

Первый широко ухмыльнулся.

— Ага! Что ни говори, а принцесска далеко не нежная фиалка. Я думал, он сразу пощады запросит, а погляди ж ты...

Собрав покупки в пакеты, бандиты вышли из магазина. Опрометью бросившись к окну, Рауль успел заметить, как они скрываются за поворотом. Пришли пешком! Значит, Амадео Солитарио держат где-то неподалеку.

— И что, ради всего святого, ты творишь?! — прошипел он под нос и выскользнул за дверь.

* * *

Когда заскрипела дверь, Амадео инстинктивно вжался в угол, одновременно чувствуя облегчение — сейчас его наконец выведут из этой тесной каморки. Перспектива снова быть избитым не прельщала, но все лучше, чем умирать от страха.

К его удивлению, Ская поблизости не было. Бандит по имени Панчо, с живописным шрамом на щеке, вывел его наружу и толкнул на пол.

— Посиди пока здесь. И чтоб без фокусов! — Он красноречиво продемонстрировал висящий на плече автомат. — Карло и Луис вернутся и упакуют тебя, как колбасу.

Амадео кивнул, украдкой скользнув взглядом по оружию. На предохранителе. Ничего удивительного — он настолько ослаб за несколько дней без еды, что держать его все время на мушке не было смысла. В одиночку ему не одолеть даже этого щуплого мексиканца.

Тот ходил взад-вперед, то и дело привставая на цыпочки и выглядывая в окно. Значит, все же подвал, но сидя на полу, Амадео не мог разглядеть, что снаружи, и до сих пор понятия не имел, где находится. Панчо, Карло и Луис, Бернардо и Скай — больше никого Амадео здесь не видел. Выходит, их всего пятеро. Двое ушли, еще двое наверняка спят наверху — дверь каморки охраняли посменно, и ночью он точно слышал противный голос Ская.

Он отстраненно следил за Панчо, который всерьез вознамерился намотать несколько километров в ожидании сообщников. В руке он вертел бутылку с водой, к которой периодически прикладывался. Амадео обнаружил, что не в силах отвести глаз от перекачивающейся вверх-вниз жидкости — воды ему не давали уже два дня и даже прекратили ледяной утренний душ.

Панчо в очередной раз прошел мимо и споткнулся о скобу, торчащую из пола. Не думая, что делает, Амадео схватил автомат за ствол и дернул на себя, придав бандиту дополнительное ускорение. Тот нелепо взмахнул руками и запутался в ремне, а Амадео прыгнул на него и впечатал носом в бетонный пол.

Тот попытался перекатиться, но Амадео резким движением снял автомат с

предохранителя и ткнул стволом между лопаток.

— Шевельнешься — сделаю из тебя решето.

Чтобы подняться, пришлось как следует упереть автомат в спину бандита — ноги еле держали, спина горела от ударов хлыста, голова кружилась от голода. Панчо хрипел и ругался по-испански, и Амадео запихнул ему в рот лоскут рубашки, чтобы не перебудил остальных. Затем схватил бутылку и несколькими большими глотками опустошил ее, едва не уронив автомат.

Наскоро обыскав тюремщика, он нашел пару наручников и сковал тому руки за спиной, оставив валяться лицом в пол. Затем, опираясь на автомат, как на костыль, взобрался по лестнице наверх. Каждая ступенька давалась невероятным трудом, тело не слушалось, разум вопил от ужаса, приказывая повернуть назад, но холодная ярость гнала вперед. Эти мрази убили Ксавьера. Он еще поквитается с ними, но в таком состоянии это невозможно. Сначала выберется, а затем изловит каждого поодиночке и порежет на ленточки.

Яркое солнце на мгновение ослепило его. Амадео ошарашенно заморгал — он ожидал увидеть едва ли не пустыню, но никак не тихий пригород. Он стоял на неухоженном заброшенном дворике, но дальше вдоль дороги виднелись аккуратные дома, выкрашенные белой краской. Ярko блестела черепица, зеленели газоны, издалеka слышался детский смех.

Самым простым решением было бы постучаться в ближайший дом и вызвать полицию, вот только дружки-мексиканцы скоро вернутся и, не найдя его на месте, начнут обыскивать дома. Могут пострадать люди, а этого нельзя допустить.

В голове мелькнула хладнокровная мысль затаиться и перестрелять ублюдков, когда те заявятся, но Амадео быстро прогнал ее. Автомобиля он не видел, но его вполне могли загнать в гараж. Амадео не стал проверять — все равно ключей у Панчо не нашлось. Придется отыскать укромное место и затаиться до ночи, а потом двигать в сторону города — там похитители его уже не достанут. Хорошо, что его не вывезли в Мексику, как он поначалу опасался.

Неподалеку слышались голоса — кто-то хрипло гоготал на всю улицу. Амадео поспешил перелезть через невысокий забор, едва не зацепившись ремнем автомата, и затаился у иссохших кустов. Убежища надолго не хватит — как только бандиты войдут, придется бежать.

Благодарение богам, они не стали сразу спускаться в подвал, а зашли в дом. У Амадео не было сил затащить связанного Панчо в тесную каморку, поэтому обнаружат его довольно быстро, нельзя терять ни секунды.

Но только он собрался рвануть через открытую местность, как следом за Карло и Луисом показался еще один человек. Амадео застыл, сжимая в руках автомат.

Это был Рауль Гальярдо.

* * *

В отличие от своих предшественников, Рауль шел медленно, внимательно осматриваясь вокруг, и Амадео замер, боясь пошевелиться. Солнце немилосердно жгло обнаженные плечи и открытые раны, пот заливал глаза, но он боялся выпустить рукоять автомата. Если его заметят, придется стрелять...

Рауль поравнялся с иссохшей, когда-то живой изгородью, где прятался Амадео, и снова

осмотрелся. Взгляд остановился на кустах, глаза расширились, но не успел он произнести и слова, как Амадео наставил на него оружие.

— Тихо, — прохрипел он. — Один звук — и я тебя убью.

Рауль покорно поднял руки, не зная, радоваться или ужасаться. От холеного красавчика, с которым он беседовал в офисе «Азар», не осталось и следа — волосы висели грязными сосульками, на плечах и лбу запеклась кровь, глаза сверкали холодным, злым блеском.

— Ляг на землю, — скомандовал Амадео. — Тебя видно из дома. И только попробуй позвать на помощь.

— Кого — их? — Рауль недоуменно покачал головой. — Ты ошибся, я не с ними.

— А здесь оказался по чистой случайности, — саркастически заметил Амадео. — На землю, сказал.

Рауль предпочел не спорить. После ранения два года назад у него всякий раз подгибались ноги при виде огнестрельного оружия. Хорош глава картеля, нечего сказать...

Он успел встать на одно колено, когда из дома послышался вскрик. Амадео развернулся и выпустил очередь по ногам высыпающих бандитов. Он не собирался никого убивать, но его вдруг осенило: выстрелы — единственное, что могло заставить местных жителей вызвать полицию. Если удастся потянуть время...

Скай заверещал: остальные успели отскочить, а ему не повезло — пуля прошила ногу. Амадео выпрямился во весь рост, держа мексиканцев на мушке.

— Не двигаться. Никому.

Те замерли, злобно глядя на него, Скай громко матерился, катаясь по земле и хватаясь за ногу, остальные трое молчали. Амадео отступил, не опуская автомата.

— Убери волыну, парень, — раскатисто произнес Бернардо. — Знаешь же, что всех не переубиваешь.

— Могу попытаться. — Амадео продолжал отступать, стараясь не зацепиться ногой за какой-нибудь корень.

Тот презрительно сплюнул.

— Кишка тонка.

— Хочешь проверить? — Амадео кивнул на корчащегося Ская. — Его я пристрелю без зазрения совести.

Рауль во все глаза наблюдал за внезапным преобразованием изнеженного принца, когда внимание привлек всполох света у двери, ведущей, по всей видимости, в подвал. Мексиканец с разбитым в кровь носом поднял револьвер, на запястье сверкнул браслет наручников.

Рауль не успел подумать о том, что делает, и бросился наперерез. Амадео круто развернулся к нему, сжимая автомат, но выстрелить не успел и, охнув, повалился на землю.

Револьвер грохнул дважды.

* * *

— Краше в гроб кладут, — прокомментировала Ребекка. — Есть такая штука как отдых, неплохо бы тебе к ней пристраститься.

— Держи свое мнение при себе, — отрезал Ксавьер. — Я жду информацию.

Ребекка села на стул рядом с кроватью и достала смартфон. Ксавьер молча ждал, уже привычно отгородившись от ноющей боли в груди. Если бы не обезболивающее и

снотворное, он бы не сомкнул глаз — принц как в воду канул, точно так же, как несколько месяцев назад.

— Сегодня днем в пригороде некий Адам Гроссман вызвал полицию из-за стрельбы. Он сам — бывший силовик, поэтому с уверенностью сказал, что дали очередь из автомата. За ним последовало два одиночных выстрела. Приехавшая полиция обнаружила в подвале давно пустующего дома... — Ребекка замаялась. Будь перед ней кто другой, она не замедлила бы поделиться шокирующими новостями. И если бы это не касалось принца. — Веревки и пятна крови на полу.

Ксавьер хмуро таращился в стену.

— Дальше.

— А дальше ничего. Следов шайки обнаружить не удалось, угнали в неизвестном направлении.

Ксавьер привычным движением потянулся к нагрудному карману, но курить в палате не разрешалось, и сигарет он не видел уже несколько дней. Дьявол! Над Амадео измывались по полной программе, а он застрял здесь и ни черта не может сделать! Он приказал своим людям прочесывать город частым гребнем, но никаких следов. Вообще никаких. А теперь еще оборвалась единственная ниточка — Рауль Гальярдо тоже исчез, вероятнее всего, вернулся в Мексику. Ребекка была убеждена, что Гальярдо не имеет к похищению никакого отношения, но Ксавьер готов был использовать любые возможности и любых свидетелей, чтобы отыскать принца.

Этот паршивец должен быть жив. Если бы его убили в этом чертовом пригороде, то не стали бы увозить труп с собой — к чему лишние хлопоты?

— Звони Мигелю, — приказал он Ребекке. — Пусть притащит сюда Гальярдо. Мне нужны ответы, любые ответы.

— Этому психу? — Ребекка протянула ему телефон. — Будь любезен сделать это сам.

Злость едва не перехлестнула через край, но Ксавьер все же вырвал трубку из ее пальцев и набрал номер.

— Гарсиа, — отрывисто сказал он. — Нужна ваша помощь. Рауль Галья...

— Пропал без вести. — Голос Мигеля был донельзя серьезным. — В Мексику он не возвращался, я узнавал. Его помощник ждал в аэропорту, но он так и не появился.

Ксавьер закрыл глаза и сосчитал до десяти.

— Что-нибудь еще удалось выяснить?

— В шайке пять человек. Всех остальных, оставшихся от банды Флавио, я пересчитал, половина тусит в Тихуане, оставшиеся рассыпались в окрестностях Мехико, Веракруса и Синалоа, ищут хлебные места. Не хватает лишь этих пятерых.

Ксавьер знать не хотел, каким образом Мигель проводил переписку.

— Все данные на них перешлите Ребекке Кэмпбелл, и немедле...

— Сделал это еще вчера.

Ксавьер зыркнул на Ребекку. Та кивнула.

— Может, вы мне еще на картах погадаете, жив Амадео или нет? — Ксавьер устало закрыл глаза и откинулся на подушку.

— Нет нужды, он жив. Иначе его труп уже обнаружили бы — дружки Флавио выставили бы его на всеобщее обозрение как факт свершившейся мести. Им наверняка что-то от него нужно — и это дает нам время.

— Но что? — Ксавьер стиснул телефон так, что пальцы побелели. — Какого черта им

от него понадобилось, если не месть?

Но Мигель уже бросил трубку.

— Этот поганец просто невыносим! — прорычал Ксавьер и швырнул трубку на одеяло.

Ребекка предпочла не уточнять, кто именно. Вместо этого подобрала телефон и углубилась в изучение последних новостей.

Вдруг с ее губ сорвалось громкое, совершенно лишенное цензуры выражение. Ксавьер открыл глаза и уставился на нее.

— В чем дело?

— Убью этого придурка собственными руками! — шипела она. — Роберт, скотина! —

Она сунула под нос Ксавьеру телефон. — Новость о твоём убийстве уже неактуальна. Теперь ты официально жив.

Ксавьер хмуро пробежал глазами статью. Ребекка не стала сообщать общественности о его состоянии, но пронырливый репортер, несмотря на угрозу увольнения, все же протолкнул в номер эксклюзивный материал о покушении и, что еще хуже, об исчезновении Амадео, а также о жутких находках в подвале пригородного дома.

— Убедись, что материал не выйдет за пределы города, — приказал Ксавьер бесшумно возникшему на пороге Киану. — Если нужно, поотрубай этому репортеру руки, ноги, даже нос и язык, чтобы он больше не смог ничего опубликовать.

— Слушаюсь. — Юноша поклонился и исчез так же, как и появился.

Ксавьер в который раз бессильно ударил кулаком по кровати, и тут зазвонил телефон. На экране высветилось имя Рикардо Торреса, и Ксавьер негромко зарычал, зная, что разговаривать придется не с ним. Мальчишка попросил, чтобы от него ничего не скрывали. Как же! Без подробностей обойдется вполне. Отец жив, это все, что ему надо знать. Вот только — жив ли?

* * *

Рауль пришел в себя от резкого скачка. По тряске сразу догадался, что находится в кузове машины, но что происходит? Куда его везу...

Ослепительная боль пронзила левое плечо, и он глухо застонал. Попытался дотронуться до него, но не смог — руки оказались связаны за спиной. Почему, он так и не сообразил, слишком было больно.

— Приехали, — сказал кто-то по-испански.

В кузов хлынул свет, и Рауль, едва-едва осмелившийся приоткрыть глаза, снова зажмурился. Его грубо вздернули на ноги, и он опять едва не потерял сознание от боли.

— Не сдох еще? — Кто-то похлопал его по щеке. — Отлично. Может, сгодишься.

Рауль не мог даже шевелить ногами, но этого не требовалось — его швырнули, как мешок с мусором, и он сосчитал ступеньки, которых оказалось, по счастью, не так много. Брякнувшись на пол, не сдержал вскрика — плечо готово было взорваться.

— Не скули. — Другой голос. — Повезет, если не помрешь, придурок.

Где-то наверху с грохотом захлопнулась дверь. Рауль скрючился, дожидаясь, пока утихнет боль, но она все не отпускала, напротив, раскатывалась волнами по телу, прибывая, как вода во время прилива. Что это? Перелом?

Связанных за спиной рук кто-то коснулся, и Рауль вздрогнул.

— Тише, не кричи. — Он едва расслышал сиплый, задыхающийся голос. Его обладателю словно сдавили горло гарротой. — Я попробую распутать веревку.

Рауль послушно замер. А он уж было подумал на крысу, которую привлекла свежая кровь. Сейчас он уже ощущал прилипшую к телу рубашку, чувствовал металлический запах. Там, в мирном пригороде, о стрельбе наверное только по телевизору слышали.

— Меня что, ранили? — спросил он, боясь услышать ответ.

— Да, — ответил собеседник. Веревка дергалась все сильнее. Да он в панике, вдруг понял Рауль. Так он еще больше все запугает!

— погоди! — Он отдернул руки. — Нельзя, в твоём состоянии ты сделаешь только хуже!

Из темноты раздался тихий смешок, и Рауля мороз продрал по коже.

— Только поэтому я еще не запаниковал. Дай попробую еще раз, иначе я отключусь, и тогда ты истечешь кровью.

От неожиданности Рауль послушно опустил руки на пол, и по запястьям вновь заскользили ледяные пальцы. Что это значит? Солитарио тоже ранен? Непохоже, этот хрупкий принц уже наверняка умер бы.

— Что с тобой? — спросил Рауль. Разговор помогал отвлечься от неутрахающей боли. — Тебя подстрелили?

— Нет. — Голос Амадео был на удивление спокойным, но таким же сиплым. — Клаустрофобия.

Рауль похолодел. И как он умудряется что-то делать в таком состоянии? Об этой фобии Рауль знал не понаслышке — Лучиано ей страдал, и стоило ему оказаться даже в лифте, моментально начинал паниковать и задыхаться. А здесь крошечная тьма, и неизвестно, насколько велико помещение...

— Могу спеть, чтобы тебя успокоить. Не поверишь, это правда помогает.

Амадео издал тот же смешок.

— Попробуй. Вряд ли станет хуже.

Рауль помолчал, затем затаил испанскую колыбельную. Голос то и дело срывался, но претензий от слушателя не поступало. Вскоре панические рывки стали слабее, теперь Амадео тщательней ощупывал веревку в поисках спасительной петли и не замечал, что песня пошла уже по четвертому кругу.

Наконец веревка ослабла настолько, что Рауль смог вытащить запястья. Сев, охнул и схватился за плечо, между пальцев заструилась кровь. Дьявол, ну почему с ним всегда происходит то, чего он чертовски боится?

— Прости, — донесся из темноты слишком спокойный для клаустрофоба голос. — Это из-за меня тебя ранили.

— Сам полез. — Рауль наконец-то нащупал стену и прислонился к ней спиной. — Я слышал два выстрела, во мне что, две пули?

— Одна прошла мимо. Извини, что тревожу, но не мог бы ты развязать мне руки?

Рауль едва не рухнул на земляной пол. Так Солитарио проделывал этот фокус со связанными руками? Впрочем, Раулю сейчас приходилось не легче — по-прежнему не было видно ни зги. Тем не менее, каким-то чудом ему все же удалось развязать узлы.

— Спасибо. — Амадео прислонился к стене рядом. — Тебе нужно обработать рану, особенно если пуля осталась там.

— Знаю. — Рауль обшарил карманы — коробок спичек все еще был при нем. — По

крайней мере, можем оценить масштаб катастрофы.

Маленький огонек на мгновение ослепил, оставив пятна на сетчатке, и Рауль заморгал в попытке прогнать их. Амадео уже аккуратно разрывал рукав рубашки.

— Что там? — Рауль не выдерживал молчания. Может, это тоже какая-то фобия? — Все плохо?

— Вижу выходное отверстие, — сообщил Амадео. — Это хорошо, но кровь надо остановить. Снимай рубашку.

Рауль бросил спичку на пол и, морщась от боли, содрал с себя одежду.

— Зажги еще, — потребовал Амадео. — У тебя есть сигареты?

— Если эти звери не забрали. — Рауль похлопал по карманам — пачка оказалась на месте. — Ты разве куришь?

— Не курю. Подожди одну и дай мне.

— Не понимаю, зачем, ты же сказал, что не... — Рауль шарахнулся в сторону так, что врезался в стену рядом — каморка оказалась весьма скромных размеров. — Не вздумай!

— У тебя есть другой вариант? — Спокойствию Амадео мог бы позавидовать Будда. Никогда бы не подумал, что этот человек страдает клаустрофобией, подумал Рауль. Но дать прижечь себя сигаретой?! Вот уж дудки!

— Я же дал тебе рубашку! Зажми ей!

— Нас везли сюда в ржавом джипе. А здесь ты протер собой весь пол. Хочешь получить инфекцию от грязной повязки?

Совершеннейший псих! Но по плечу продолжала течь кровь. Если пули внутри нет, хуже не будет.

— Сейчас. — Рауль дрожащими руками чиркнул спичкой, и по подвалу поплыл табачный аромат.

Тотчас же сигарету у него забрали. Амадео потребовал зажечь огонь и с бесстрастным лицом прижал к ране горящий кончик.

У Рауля глаза едва не вылезли из орбит. Вот уж верно говорят: хочешь забыть о боли, создай себе другую! В ноздри ударил запах горелого мяса, и его едва не вывернуло.

— Если тебе от этого будет легче, меня тоже вот-вот стошнит, — ровным голосом сообщил Амадео. — И не только от запаха. Еще сигарету, надо прижечь и выходное отверстие.

Рауль подчинился, но руки тряслись так, что он сломал три спички, прежде чем Амадео забрал у него коробок.

— Я сам.

Пытка длилась вечность, но наконец Амадео бросил сигарету на пол и прислонился плечом к стене. Рауль в изнеможении уткнулся головой в угол, хватая ртом воздух.

— Кто бы мог подумать, что генеральный директор огромной компании такой садист, — простонал он.

Амадео вздрогнул и, не удостоив его ответом, опустил голову на скрещенные руки.

Несколько часов прошли в молчании. Единственный раз Рауль впотьмах отыскал дверь и потребовал у тюремщиков свечу. От маленького мерцающего огонька камера казалась еще теснее, но без света хотелось выть волком. Амадео сидел у стены, стараясь не касаться израненной спиной шершавой поверхности, и не произнес за это время ни слова. Лишь иногда он съеживался, тело начинала бить мелкая дрожь, а дыхание становилось прерывистым. В такие моменты Рауль принимался негромко петь — и вскоре приступ

утихал.

Сам же Рауль мучился от боли — рану дергало не переставая. Он и не думал, что настолько позабыл кошмарную, обжигающую боль, от которой никуда не деться. Повезло, что пуля прошла навывлет и не застряла в кости — с двумя покалеченными руками ему путь только на кладбище...

Чтобы как-то отвлечься, он опустился на пол напротив Амадео.

— Я не собирался тебя шантажировать.

Амадео поднял голову и уставился на Рауля измученным взглядом. В зрачках отразилось пламя свечи.

Он не знал, сколько прошло времени. Приступы клаустрофобии то накатывали, то отступали, когда Рауль начинал петь. Но когда возвращалась способность ясно мыслить, Амадео не мог думать ни о чем, кроме гибели Ксавьера. Картины вендетты проносились в голове, одна страшнее другой, и он даже не пытался их прогнать, на периферии сознания подмечая, что наслаждается этими пустыми мечтами.

Почему же пустыми? Когда он выберется отсюда, они определенно станут реальностью. За смерть друга он отыграется сполна, пока от убийц не останется только кровавое пятно на земле. О том, как для начала сбежать от банды разъяренных мексиканцев, он даже не думал.

— Сейчас это неважно, — глухо ответил он и Раулю, и своим мыслям.

Равнодушие Амадео Солитарио пугало до чертиков. Рауль помнил, каким впервые увидел этого человека: усталым, тщательно скрывающим нервозность, но живым — и ужасался тому, каким он стал сейчас. Робот, бездушное существо, которое выполняет элементарные функции, но никогда не сможет постичь ничего человеческого.

Рауль усилием заставил себя продолжать разговор. Плечо дергало от боли, хотелось свернуться калачиком и заснуть, но если он замолчит, Амадео снова утонет в болоте клаустрофобии. Известный метод лечения путем погружения в недружественную среду с ним не срабатывал, наоборот, только все усугублял.

— Важно, — затараторил он. — Мне нужен хороший партнер, без него весь бизнес полетит кувырком, и только поэтому я решился на этот идиотский поступок. В шантаже не было необходимости, я пришел лишь попросить о помощи твоего...

Внезапно до него дошло. Амадео сверлил его все тем же равнодушным взглядом, отстраненно накручивая прядь волос на палец, и Рауль едва не надавал себе по щекам. Какой же он идиот! Так смотрят люди, которые потеряли что-то дорогое, что-то, утрату чего невозможно вынести. В их душах осталась пустота, которую ничем не заполнить, и первым делом она отражается в глазах. Как там было? Зеркало души?

Рауль не сдержал истеричный смешок, но выражение лица Амадео не изменилось ни на йоту. Ничего, сейчас он встряхнет ледяного принца как следует!

— Твой друг, Ксавьер Санторо... — начал он и едва не шарахнулся прочь — глаза Амадео наполнила такая лютая ненависть, что язык у Рауля начал заплетаться. — погоди... Не смотри так... Я лишь хотел сказать...

— Моего друга Ксавьера Санторо хладнокровно застрелили в его собственном автомобиле посреди улицы, — ровным голосом ответил Амадео. — Ты это хотел сказать? Нет нужды, Скай не преминул мне сообщить.

— Все нет. — Рауль уже отдышался. — Дай наконец договорить! Твой друг жив. Слышишь? Ксавьер Санторо жив!

Поначалу он подумал, что смысл его слов до Амадео не дошел — тот продолжал сидеть,

глядя на Рауля стеклянными глазами. Затем ресницы дрогнули, едва заметно, и Рауль решил, что в неверном свете ему просто показалось.

— Жив? — переспросил Амадео. В горле встал ком, мешая этому удивительному, дарящему надежду слову протолкнуться наружу. — Жив?

Рауль мысленно перекрестился и возблагодарил деву Марию. А также отругал себя за глупость — мог бы и раньше догадаться! Откуда Солитарио знать, что произошло после похищения! Уж от этой мексиканской шайки хороших новостей точно не дождешься.

— Да. Я был в больнице после того, как Санторо привезли туда. Каким-то чудом он выжил.

— Но... — Амадео почувствовал слабость во всем теле, не имеющую ничего общего с недоеданием и клаустрофобией. Как будто огромная пружина в груди все это время сворачивалась змеей туже и туже и наконец расслабилась. — Но Скай... Газета...

— Не верь всему, что пишут. — Рауль готов был скакать по камере, как сумасшедший, и орать во все горло. — Я говорил с Ребеккой Кэмпбелл. Она специально не пустила материал об этом в номер, чтобы сбить с толку похитителей. Поэтому, пожалуйста, убери этот кошмарный взор, он меня пугает!

Но Амадео его не слышал. Он смотрел на подрагивающий огонек свечи, а на губах играла улыбка, не имеющая ничего общего с безумием.

* * *

— Нет, Матео, я уверен, что он жив, — в который раз повторил Ксавьер в телефон. — Если бы что-то случилось, мы бы уже об этом знали.

— Уверены? — Судя по голосу, мальчишка с трудом сдерживал слезы. В прошлый раз он разрыдался и бросил трубку, не попрощавшись.

— Да, уверен. — Ксавьер попытался придать голосу больше бодрости — грудь снова начала ныть, и игнорировать с каждой минутой становилось все труднее. — С твоим папой все в порядке. Если за него хотят получить выкуп, нет резона причинять ему вред.

— Хорошо. — Кажется, мальчика это немного успокоило. — Вы не возражаете, если я позвоню еще? Попозже?

— Конечно. — Несмотря на боль, Ксавьер не сдержал усмешки. Еще и разрешения просит! Ох, принц, только попробуй оставить такого мальчишку сиротой...

— Как дела? — раздался в трубке резкий голос, и Ксавьер узнал Рикардо. Несмотря на то, что у близнецов были одинаковые голоса, Диего всегда разговаривал мягко, а Рикардо рывкал, как разъяренный лев.

— Пока никаких новостей, — ответил Ксавьер. — Принц как в воду канул. Надеюсь, Матео не слышал подробностей его похищения?

— Нет, у нас тут полный информационный вакуум, — отозвался Рикардо. — Он и с похищении-то узнал только потому, что Арманд перестал звонить. И потом, он это... я слышал, он сам попросил сообщить ему, если что-то случится...

— Больше необходимого ему знать не следует, — отрезал Ксавьер. — Надеюсь, ты это понимаешь.

— Конечно. Держите нас в курсе.

Прощавшись, Ксавьер бросил телефон на кровать и уставился в потолок. Вся чертова

страна ищет Амадео Солитарио. Как ни пыталась Ребекка избежать шумихи, ничего не вышло — хватило пары строчек в газете, чтобы поднялась волна. Похитители забились еще глубже, и теперь никакими коврижками их на белый свет не вытянуть. Надежда найти принца живым таяла с каждой минутой, и хуже всего было то, что Ксавьер ничего не мог с этим сделать!

Раздался стук в дверь, и после ответа Ксавьера в комнату вошел Цзинь. В руках он держал столик, заставленный тарелками. Ксавьер открыл рот, чтобы сказать, что не голоден, но врач так посмотрел на него, что он счел за лучшее промолчать.

Уже два дня он находился в особняке Солитарио. Цзинь Тао взял на себя обязанности его лечащего врача, и в первый же день Ксавьер понял, что спорить с ним — себе дороже. Конечно, он нанимал его для присмотра за капризным принцем, но предположить не мог, что сам окажется в положении пациента. И теперь признавал: этот человек поставит на ноги кого угодно, хоть мертвеца. Главное — слушаться.

— Ужин. — Цзинь водрузил столик на кровать. — В ваших интересах съесть все и не артачиться.

Ксавьер коротко кивнул и принялся за еду. Проверять, действительно ли Цзинь Тао может одним уколом иглы отправить в нокаут, не хотелось. Среди охраны об этом китайце ходили разнообразные страшилки, и его вполне можно было выдвигать на награду в номинации «Ночной кошмар года».

Дождавшись, когда Ксавьер закончит, Цзинь убрал столик и аккуратно снял повязку.

— Неплохо, — пробормотал он. — Заживает, как на собаке, и поверьте, это комплимент. Боль еще беспокоит? Советую не врать.

— Да, — честно ответил Ксавьер, вняв голосу разума. Это наверняка означало, что вставать ему снова запретят, но Цзинь Тао его удивил.

— Поднимайтесь.

Преодолевая тяжесть в груди, Ксавьер встал на ноги и замер, пошатываясь — за столько дней, проведенных без движения, все мышцы одеревенели. Цзинь Тао обошел его кругом и одобрительно поцокал языком.

— Великолепно. С сегодняшнего дня отлеживать бока больше не придется. Но покидать территорию особняка я вам пока не позволю. Если будете вести себя хорошо, дня через два...

— Теперь понятно, почему Амадео постоянно на тебя жалуется. — Ксавьер, осторожно наклонившись, взял брюки со спинки стула и обшарил карманы, но сигарет там не оказалось.

— Ах да. — Лисьи глаза Цзиня весело сощурились. — Курить вы бросили, и это не обсуждается. Вам тридцать шесть, пора начинать заботиться о своем здоровье. Разве две пули в груди вас в этом не убедили?

Ксавьер зло бросил брюки обратно.

— В следующий раз всех нанятых для Амадео врачей буду прогонять через шкалу измерения садизма, — проворчал он.

Через полчаса он вышел во двор. Уже стемнело, в саду зажглись фонари, освещая все вокруг мягким, теплым светом. То и дело мимо проходила охрана — территорию особняка патрулировали круглосуточно, и даже мыши едва ли удалось бы сюда проникнуть.

Ксавьер подумал было стрелкнуть сигарету у кого-то из охраны, но отказался от этой мысли. Как ни хотелось сопротивляться, но Цзинь был прав, да и Амадео частенько журил

его за то, что много курит.

— Торговец ядом своей продукцией себя не убивает, — усмехнулся он.

В кустах раздался тихий шорох, и рука метнулась к наплечной кобуре, которой на месте не оказалось — в этом укрепленном замке носить с собой оружие было ни к чему. Хриплое мяуканье на мгновение сбило Ксавьера с толку, он с удивлением увидел горящие глаза, встопорщенные усы и ободранное ухо.

— Быть не может.

Огромный серый кот вышел из кустов и уселся на краю усыпанной гравием дорожки. Зеленые глаза таращились на Ксавьера с величественным ожиданием, с каким царь ждет подношений от подданных. Ксавьер сделал шаг, ожидая, что животное отступит, однако кот остался на месте, все так же таращась на него зелеными глазищами.

— И как же ты меня нашел, обормот? — прошептал Ксавьер, осторожно опускаясь на одно колено.

Кот прижал уши к голове, но Ксавьер, зная его повадки, не пытался его погладить. Сначала подношение, потом вознаграждение. Вот только в доме принца точно нет кошачьей еды.

В плечо с шуршанием ткнулся пакет.

— Возьмите. — Цзинь Тао протягивал пачку с сухим кормом. — Так и знал, что этот бандит явился сюда за вами. Уже третью ночь здесь бродит.

Ксавьер насыпал корм в миску и отодвинулся. Кот не спеша подошел, обнюхал угощение и принялся есть.

— И как вам удалось приручить такого бандюгу? — Цзинь осторожно, стараясь не спугнуть гостя, поставил рядом миску с водой. — Обычно такого рода коты предпочитают добывать пищу сами, а не принимать чью-то помощь. Наверное, он почуял в вас что-то родное.

Ксавьер пропустил откровенную насмешку мимо ушей.

Кот закончил трапезу и принялся умываться.

— Как его зовут? — не унимался Цзинь.

— Не знаю. — До этого момента Ксавьер даже не думал, что у кота может быть имя. И в самом деле, как назовешь этого манула? Пушок? Тигр? Что за глупости. Амадео сейчас неизвестно где, а он решает, как назвать бродячего кота.

— Не думайте, что я не беспокоюсь за принца, — вдруг сказал Цзинь, будто прочитав его мысли.

Ксавьер поднял голову. Цзинь запрокинул лицо к небу, с которого начал накрапывать мелкий дождик, на губах блуждала все та же тонкая улыбка.

— Мы, азиаты, не слишком щедры на эмоции, — продолжил врач. — Свои я запечатал давным-давно, когда умерла моя жена. Но это не значит, что, не проявляя их внешне, я не испытываю их вообще. — Он взглянул на Ксавьера, и тот поразился выражению бездонной грусти в глубине раскосых глаз. — Я очень боюсь, что все мое искусство врачевания в итоге окажется бесполезным. Я очень боюсь, что принц вернется мертвым.

Цзинь развернулся и пошагал в дом. Белый ханьфу летел за ним, как саван, на длинных волосах поблескивала мелкая морось. На пороге он обернулся и указал на все еще умывающегося кота.

— Я буду звать его Бандитом. — Он хитро улыбнулся и скрылся в доме.

Амадео проснулся от того, что кто-то пихнул его в бок. Вокруг царила крошечная тьма — видимо, свеча догорела, а новую тюремщики не удосужились дать. Но почему? Они с Раулем договорились, что будут бодрствовать по очереди...

Рядом раздался стон, и сердце скакнуло к горлу. Паника вновь нахлынула, грозя утопить, но Амадео глубоко и размеренно задыхался, так, как учил Цзинь, и немного успокоился. Чуть-чуть, но пока этого хватило.

Стон раздался снова, и Амадео вслепую ткнул рукой в темноту, опрокинув пустую тарелку — несколькими часами ранее Раулю принесли ужин, которым он поделился с ним. На двоих еды оказалось чудовищно мало, но Амадео, у которого во рту уже почти неделю не было ни крошки, был рад и этому.

— Рауль, — просипел он, продолжая шарить по грязному полу. — Что случи...

Пальцы наткнулись на обжигающе горячую кожу, и Амадео едва подавил желание отдернуть руку — тело Рауля полыхало, как печка. Он метался в горячечном бреде и что-то бессвязно бормотал. В рану все же попала инфекция, и если ничего не сделать, Рауль попросту умрет!

Наощупь Амадео двинулся вдоль стены в поисках двери, кое-как сопротивляясь удушающей панике. Временами ему казалось, что он больше не сможет сделать ни единого вдоха, но нечленораздельные звуки, доносящиеся из темноты, подстегивали, заставляя идти вперед. Он не даст Раулю погибнуть, больше никогда не совершит этой ошибки — несмотря на то, что прошло уже двадцать два года, образ умирающей Тереситы, его подруги детства, все еще иногда являлся во снах. Тогда он ничего не смог сделать. Сейчас же сделает все.

Он споткнулся обо что-то, и пальцы соскользнули с шершавых грубых камней на гладкий металл. Вот оно! Амадео с трудом взобрался на три крошащиеся под ногами ступеньки и что есть силы ударил по поверхности двери кулаком, но звук вышел таким слабым, что вряд ли по ту сторону его услышали.

— Эй, — попытался крикнуть он, но горло не желало издавать громких звуков — лимит геройства оказался исчерпан, и сознание грозило свалиться в спасительное небытие. — Помогите!

Тишина. Амадео собрал все оставшиеся силы, не думая о том, что вскоре попросту рухнет на пол, и снова ударил кулаком в дверь, обдирая кожу с кисти. На этот раз железо громынуло, и за дверью раздался шорох.

— Чего тебе? — раздался недовольный голос. Кажется, Бернардо, и Амадео мысленно вознес благодарность. Из всех этих зверей Бернардо был самым человечным, если можно так сказать о бандите, который предпочитал не мучить жертву, а сразу отправлять к праотцам.

— Раулю нужна помощь. — Голос по-прежнему отказывался повиноваться. — Воспалилась рана. Если не помочь, он умрет.

— И что?

Амадео зажмурился. Думай, думай! Если Рауля не бросили умирать там, в пригороде, значит, им что-то от него нужно. Выкуп? Можно ли сыграть на жадности этих ублюдков?

— Если он умрет, картель Гальярдо объявит вам войну, — скороговоркой выпалил он, пока паника снова не схватила за горло. — А если вернете домой, то заплатит столько, сколько скажете.

— Картель Гальярдо сейчас беспомощен, как щеночек дворняжки, — хмыкнул подошедший Луис. — А ты, Бернардо, не ведись, этот красавчик горазд зубы заговаривать.

— После смерти Флавио это вы беспомощны!

— Что ты сказал? — В голосе Луиса послышалась угроза.

— Флавио единоличник. Никаких заместителей, все на своих плечах. — Мысли пугались, и Амадео нес первое, что приходило в голову. — После его смерти все рассыпалось, и вам больше нечего ловить в Мексике. Рабов вы сами сбить не можете. Но если возьмете в союзники картель, объедините ваши силы...

Бандиты молчали, и Амадео осторожно перевел дух, стараясь не сбить дыхание.

— Поодиночке вам не выжить, — закончил он. — Но есть шанс подняться. Все еще есть. Если заслужите благодарность главы картеля, заполучите его в должники. Но для этого он нужен вам живым.

Молчание. Амадео ждал, молясь про себя, чтобы расчет оказался верным. Позади Рауль продолжал метаться по полу, что-то бессвязно бормоча.

Кошачьим визгом в замке закрипел ключ, дверь распахнулась, и Амадео скатился вниз по ступенькам, зажмурившись от хлынувшего в камеру яркого света.

— Бери его, — коротко бросил Бернардо. Мимо проволокли что-то тяжелое.

Дверь снова захлопнулась, и Амадео остался в крошечной тьме. Один.

* * *

Рауль сидел на кровати и таращился в окно, в которое было видно лишь бетонную стену соседнего здания. Плечо тупо ныло под свежей повязкой, игла капельницы врезалась в вену, но он запихнул эти ощущения на периферию сознания. Все мысли свелись к одной-единственной.

Катарини больше нет.

Рауль зажмурился, из-под ресниц выкатилась слеза. Два года! Два года она боролась со смертью, но проиграла. И он проиграл. Везде. Во всем. Не справился с возложенной на него задачей, и теперь его сестра отправится на кладбище Долорес и навечно упокоится рядом с Лучиано. О том, что она просто заняла предназначенное ей еще два года назад место, Рауль старался не думать.

Положа руку на сердце, Рауль признавал, что ждал этого дня с того самого момента, как услышал вердикт врача: никаких шансов. Аппарат лишь поддержит жизнеспособность организма, но и только. В таких ситуациях обычно советуют выбрать смерть, но Рауль не смог. Целых два года он тешил себя рассказами о чудесных исцелениях, два года перечислял огромные суммы на счет больницы, чтобы чудодейственная машина помогала сестре жить, но все оказалось бесполезно. За день до того, как Рауля привезли сюда, Катарина скончалась.

— Я даже не успел попрощаться.

Он и не знал, что произнес это вслух, пока в дверь не сунулась бритая макушка Хесуса.

— Звал?

Рауль никак не отреагировал, поглощенный своим горем. Он даже не поинтересовался, как Хесус его нашел, просто в один момент очнулся в больнице. Темный подвал, неверный огонек единственной свечи — все это осталось лишь картинками на задворках сознания, все

вытеснила печаль по Катарине. Проклятый Хесус не стал жалеть его и сообщил новость в первую же минуту.

Если говорить о физическом состоянии, пришел в себя он довольно быстро. Инфекция не успела распространиться, и теперь его жизни ничто не угрожало. Несколько раз приходили какие-то люди, спрашивали что-то о похоронах, и Рауль нашел в себе силы распорядиться, чтобы тело Катарину отправили в Мехико. Вскоре и он поедет следом — нужно проследить, чтобы церемония прошла как полагается.

Привлекая внимание, Хесус постучал костяшками по дверному косяку. Лоб Рауля прорезала морщина.

— Эй, — позвал Хесус. — Машина готова. Можем ехать.

Рауль тупо кивнул. Куда ехать? Наверняка в аэропорт. Мексика, Катарина, кладбище. Ничего еще не закончилось. Все было впереди.

Он вытащил иглу капельницы из вены, и та повисла на трубке. Позволил Хесусу накинуть на плечи пиджак и, подволакивая ноги, как старик, последовал за ним.

На улице шел дождь. Хесус держал над ним куртку, пока Рауль ковылял до подержанной зеленой «хонды». Забравшись на заднее сиденье, он прислонился лбом к стеклу и зажмурился. Хорошо бы уснуть и проспять все это чертово путешествие...

Но не удалось. Хесус вел машину, громко матеря других водителей, колеса выбивали тучи брызг. Негромко бормотало радио — кажется, передавали новости. Рауль откинулся на спинку сиденья и рассеянно скользил взглядом по мутному от дождя стеклу.

— ...Солитарио до сих пор не найден. Требования выкупа не поступало, похитители не связывались ни с полицией, ни с семьей...

Рауль выпрямился так резко, будто ему дали под зад. Плечо тут же заныло, но он даже не поморщился.

— Ты идиот?! — вскрикнул перепугавшийся от резкого движения Хесус. — Чего скачешь?!

Рауль уставился в зеркало заднего вида, в глазах застыл ужас. Яркой вспышкой мелькнуло воспоминание: грязные длинные волосы, безумный взгляд, запекшаяся на плечах кровь...

— Солитарио, — прохрипел он. — Я совсем забыл... Нет, не забыл, я же говорил тебе с нем!

— Чего ты мне говорил? — Хесус бросил на него подозрительный взгляд. — Ты даже в сознание не приходил, пока тебя костоправы не обработали.

Рауль схватился за голову. Неужели всего лишь сон? Он ненадолго пришел в себя под морозящим дождем, когда Хесус тащил его к машине, и изо всех сил старался удержать уплывающее сознание. Бормотал имя Амадео Солитарио, требовал связаться с Санторо как можно скорее, и...

И Хесус пообещал это сделать.

Рауль со стоном схватился за голову. Если бы он был на сто процентов уверен, что попросил Хесуса об этом! Но нет, все действительно могло ему привидеться, как привиделась Катарина еще там, в подвале. Здоровая и цветущая, она улыбалась во весь рот. Как давно он не видел ее улыбки! Это было до того прекрасно, что Рауль не хотел верить, что это лишь видение, и убеждал себя в обратном.

Не время думать о сестре, оборвал он себя. Как бы кошмарно ни звучало, она уже мертва, и ей ничем не помочь. А Амадео Солитарио еще жив, и он должен вытащить его.

Рауль достал с переднего сиденья бутылку с водой и, зажав между коленями, дрожащими пальцами отвинтил крышку.

— Телефон. Где мой телефон?

— Ты его потерял, когда тебя схватили. — Хесус фыркнул. — Забыл, что ли? Позвонить надо? Кому?

— Не твое дело, дай мне телефон! — рявкнул Рауль.

Тот, пожав плечами, подчинился и перебросил трубку назад. Рауль в нетерпении схватил ее и застыл в нерешительности: ни одного номера он наизусть не помнил.

— Дьявол, — пробормотал он. Ехать напрямик к Санторо? Он и так потерял два дня на больничной койке, если протянуть еще, неизвестно, что случится. Может, Амадео вообще уже мертв. — Сворачивай и езжай туда, откуда забрал меня.

Хесус едва не выпустил руль.

— Ты долбанулся, что ли? Собираешься заявиться к этим головорезам в одиночку? Крыша поехала?

— Не в одиночку. — Рауль вытряхнул на ладонь обезболивающую таблетку. — С тобой. Давай скорей, время не терпит.

— Псих конченный, — прошипел Хесус, но послушно повернул руль и прибавил газу, окатив пешеходов водой из лужи.

* * *

— Какого хрена, почему мне нельзя его грохнуть?! — верещал Скай, подпрыгивая на одной ноге. — Этот cabron меня ранил, мать вашу, да я ему башку откручу и вместо задницы вставлю, я...

— Это приказ, — пробасил Бернардо. — И не тебе его оспаривать, ты здесь вообще залетный. Так что заткнись, тебе и так дали вдоволь над ним поизмываться.

— Это было до того, как он вытворил такое! — Скай ткнул пальцем в перебинтованную ногу. — А сейчас я этого *pendejo* вообще убью!

— Ты что, глухой? — Бернардо замахнулся огромной ручищей, и Скай инстинктивно пригнулся. — Сказано же: не трогать! Скоро за ним приедут, а дальше — не наша забота!

— Приедут? — мгновенно насторожился Скай. — Кто?

— Вот это тебя совершенно точно не касается. — Бернардо сунул ему под нос огромный кулак. — Скинем груз, а дальше о нем позаботятся получше нашего.

— Нет, вы серьезно?! — вскинулся Скай. — Он же вашего босса пришил, а вы просто так его отдадите? А как же святая месть?

— А кто сказал, что этот ублюдок свое не получит? — Бернардо усмехнулся. — Цыц, я сказал.

Скай хотел снова возразить, но, оценив мощь кулака оппонента, счел за лучшее промолчать, хотя внутри все кипело от возмущения. Если бы не ранение, он бы покончил с красавчиком еще три дня назад — ему уже надоело играть с непокорным животным. Кто бы мог подумать, что у принцессы еще остались силы на такие фокусы!

Он потер перебинтованную ногу и поморщился. Повезло, что пуля не застряла в кости, и Луис быстро извлек ее. Но болело чертовски сильно. Хорошо, что Скай сумел надыбать у местного барыги добрую понюшку кокса.

Он достал из кармана табакерку и, зачерпнув ногтем мизинца горстку порошка, шумно втянул ее правой ноздрей. Затем проделал то же самое левой, не обращая внимания на неодобрительные взгляды. В голове моментально прояснилось, боль отошла даже не на второй план, а на третий или четвертый.

— Машина, — коротко бросил Панчо.

Бернардо сделал знак, и остальные, кроме забалдевшего Ская, достали оружие. Карло и Луис встали по обе стороны двери, готовые отразить внезапную атаку, Панчо остался у окна.

У разрушенной изгороди затормозила зеленая «хонда», и Бернардо нахмурился. Несколько дней назад он уже видел эту машину: на ней приезжал невысокий лысый мужик, который, несмотря на щедушность, без особых проблем уволок отсюда Рауля Гальярдо. Последний изрядно удивил своим внезапным появлением там, в пригороде, но Бернардо без зазрения совести решил с ним не церемониться. Можно было спокойно пустить смельчака в расход, и если бы не привычка искать во всем выгоду, Бернардо так и поступил бы.

Да еще этот чертов прекрасный принц. Дурацкое прозвище, этому психу с пустым взглядом оно совсем не подходило. Скорее «Серебряный любовник», как в той книжке про робота, которую обожала его младшая сестренка. У парня, несмотря на жутчайшую клаустрофобию, крышу все же не снесло окончательно. Чего только стоило его предложение задружиться с картелем Гальярдо! На первый взгляд совершенно безумное, но, поразмыслив, Бернардо пришел к выводу, что оно не лишено рационального зерна. Да, сейчас картель переживает не лучшие времена, но и их группировка тоже. Почему бы не объединить силы? В конце концов, минус на минус дает плюс.

Тем более что нынешний глава картеля только что вышел из автомобиля и выжидательно таращился на дверь. Левая рука болталась на перевязи, пиджак обвис на плечах, промокнув под усилившимся дождем.

— Открывай, — бросил Бернардо Луису.

Рауль весь подобрался, когда в дверном проеме показалась могучая фигура Бернардо. Не зря тебя называли Медведем, подумал он, задавишь и не заметишь.

Здоровяк сделал шаг за порог и остановился. Оба молчали — каждый ждал, что оппонент первым нарушит тишину. Несмотря на хлеставший по лицу холодный дождь и ноющую боль, Рауль сдаваться не собирался.

— Рад видеть вас в добром здравии, сеньор Гальярдо, — наконец пробасил Бернардо.

— Не вашими стараниями, — беззлобно отозвался Рауль. — Я приехал...

— За этим красавчиком? — влез уже изрядно прибалдевший от кокаина Скай. — А мы уж заждались...

— Молчать. — Бернардо не сводил взгляда с Рауля. — Мы ждали других.

— Планы в последний момент поменялись. — Рауль понятия не имел, кого ждали бандиты, но не преминул воспользоваться случаем. — Я не собираюсь херить и свои, так что хватит тянуть резину.

Скай захихикал.

— Тебе так понравилось в подвале, что решил вернуться? Ну так апартаменты готовы, милости просим!

— Если этот обдолбьш не заткнется, — ровным голосом сказал Рауль, — я ему и вторую ногу прострелю. Но на этот раз ближе к паху, пусть гадает, не лопнули ли у него соjones.

— Да ты... — взвился Скай, но Бернардо ткнул ему кулаком в живот.

— Карло, убери этот мусор подальше, чтобы не вонял. — Он снова повернулся к Раулю. — Слушаю ваши объяснения.

— А я не обязан тебе ничего объяснять. — Рауль весь вымок, повязка прилипла к телу там, где не прилипла рубашка, и он уповал на то, что в сгущающихся сумерках никто не заметит, как сильно он нервничает. — Сказал же, планы поменялись, и не тебе оспаривать приказы начальства. Я не хочу торчать тут всю ночь, у меня, знаешь ли, болит плечо, и все, о чем я мечтаю — поскорее надраться в стельку и лечь спать, а не плясать фламенко с пятерыми дуболомами, один из которых танцевать уж точно не сможет. Так что либо давай сюда лохматого, либо звони куда следует и все равно давай его сюда, но имей в виду, что во втором случае мне станет хуже из-за ненужного ожидания, и я жутко разозлюсь. И обязательно пожалуюсь на вашу тормознутость. А если рана еще и откроется...

— Хватит. — Бернардо поморщился и махнул рукой. — Панчо, приведи.

Тот молча кивнул и скрылся в доме.

Пару минут спустя он выволок Амадео наружу и швырнул под ноги Раулю. Тот едва подавил ужас: на прекрасном принце не было живого места, обнаженная спина сплошь покрыта рубцами, запекшейся и свежей кровью. Он вообще жив? Или придется забирать труп?

Амадео слабо пошевелился, и у Рауля отлегло от сердца.

— Хесус.

Помощник без лишних слов подхватил Амадео и затащил на заднее сиденье «хонды». Рауль кивнул Бернардо и, не прощаясь, открыл дверцу пассажирского места.

— Поехали, — скомандовал он, пристегиваясь. Плечо немилосердно ныло, но в душе он ликовал. Кто бы мог подумать, что наколоть этих придурков окажется так легко!

Амадео за его спиной тихо застонал, но Рауль этому только обрадовался. Он повернулся к бывшему пленнику, насколько позволял ремень безопасности.

— Потерпи. Теперь все будет хорошо.

Амадео так и не открыл глаз, но на разбитых губах мелькнула едва заметная вымученная улыбка.

— Приехали, начальник, — спустя полчаса лениво протянул Хесус, нажимая на педаль тормоза.

Рауль обернулся и едва успел подставить руку — от резкого торможения Амадео чуть не скатился на пол. Предплечье пронзила боль, и Рауль прикусил губу, чтобы не вскрикнуть.

Амадео разлепил глаза и непонимающе уставился на него. За время пути он дважды приходил в себя, но затем снова отключался — Рауль кое-как успел сунуть ему таблетку обезболивающего. И сейчас принц выглядел лучше, если вообще возможно выглядеть лучше в грязи и крови.

— Где мы? — прохрипел он.

— У дома моего старого друга, — ответил Рауль. — В больницу я тебя не повез — слишком опасно, сразу найдут. А об этом месте никто не знает.

Почти никто, поправил он себя, искоса глянув на Хесуса. Пришлось раскрыть тайну, но с этим уже ничего нельзя поделать — другого выхода он не видел. В одиночку ему с обеими почти не действующими руками с Амадео не справиться.

Хесус свою роль понял правильно. Он вытащил Амадео из машины и, закинув его руку себе на плечо, поволок к небольшому аккуратному дому, окруженному живой изгородью. Рауль отметил, что заднее сиденье покрыто кровавыми разводами, и желудок неудобно

заворочался.

— Вот же звери, — прошептал он и поспешил следом.

Хесус выкрутил лапochку над крыльцом, опасаясь любопытства соседей, и теперь звонил в дверь. На дворе стояла ночь, но человек, к которому они приехали, открыл после первого же звонка — Рауль предупредил о приезде.

— Боже! — выдохнул хозяин дома. — Быстрее, входите!

При звуке знакомого голоса Амадео с трудом поднял голову. Невысокий пожилой мужчина в домашнем свитере застыл соляным столпом, в глазах отразился неприкрытый ужас.

— Бог мой! — воскликнул он. — Амадео!

Расколотая семья

Амадео сидел на краю ванной, погрузив ноги в горячую воду, а Грегорио Винченце с величайшей осторожностью промывал раны от хлыста на его спине.

— Что за монстры, — шептал он, глаза блестели от слез. — Как только руки не отсохли сотворить такое! На тебе живого места нет, сынок!

Амадео морщился, но внутри поселилось небывалое спокойствие — несмотря на острую боль при каждом прикосновении, головокружение и слабость, рядом с доном Грегорио он чувствовал себя в абсолютной безопасности. Так же было и с Ксавьером, и с Кристофом Солитарио. Подумать только, он жалел о том, что они больше никогда не встретятся, а тут...

— Не переживайте, дон Грегорио, — сказал он. — Выглядит хуже, чем есть на самом деле.

— А если попадет инфекция? Да и шрамы останутся на всю жизнь!

— Нестрашно. Меня это не коробит.

— Зато коробит меня! Как они посмели...

— Дон Грегорио. — Амадео неловко повернулся к нему, изо всех сил стараясь не грохнуться в обморок от боли. — Вы переживаете больше меня.

— Разве я могу не переживать, сынок? Ох, какая опасная у тебя жизнь... — Он осторожно промокнул Амадео ссадину на лбу, вытер глаза и выдавил улыбку. — Прости, я что-то совсем расклеился. Как Тео?

— Надеюсь, что все хорошо. — В глазах Амадео мелькнула грусть. — Но, к сожалению, пока не могу с ним связаться. Вы и так очень рискуете, приняв меня, и...

— Глупости. Не могу оставаться в стороне, когда такое происходит, поэтому даже не заикайся о рисках. — Грегорио улыбнулся, вокруг глаз собрались морщинки, и у Амадео защемило сердце — слишком сильно этот теплый человек напоминал ему отца. — Ты прав. Раны выглядят хуже, чем есть, хотя, наверное, болят страшно.

— Рауль дал мне обезболивающее, я в порядке, — поспешил заверить Амадео.

— Он хороший парень. Не в пример своему брату, да упокоится душа его с миром. — На лицо Грегорио на мгновение набежала тень, но он быстро прогнал ее. — Помочь тебе вымыться?

— Нет, благодарю, дон Грегорио. Я сам. Вы и так много сделали.

— Как скажешь, сынок. Принесу тебе полотенце.

Оставшись один, Амадео наконец смог как следует скривиться — спина орала от боли, которую таблетка Рауля ничуть не ослабила. На ее фоне ссадины и синяки, покрывавшие остальное тело, будто не существовали. Во время последней экзекуции этот засранец Скай додумался полить хлыст соляным раствором в качестве мести за простреленную ногу.

Он осторожно вымылся и с благодарностью принял у донна Грегорио полотенце, стараясь не думать, какой опасности подвергает этого доброго человека. При первой возможности он свяжется с Ксавьером. Только бы с ним все было в порядке! Со слов Рауля, операция прошла хорошо, но какие органы задеты, и в каком состоянии находится Санторо, он не знал.

Пока Амадео приводил себя в порядок, Рауль привез полные пакеты из ресторанчика

неподалеку. Хесуса он отправил в мотель, до сих пор не до конца доверяя ему. Хотя какое уж тут недоверие, горько усмехнулся он про себя, если раскрыл ему этот дом и эту семью. Но сделанного не воротишь, и Рауль выбросил лишние мысли из головы.

— Ешьте побольше. — Паоло пододвинул щедро заваленную едой тарелку к Амадео. —

Папа говорит, что кушать надо хорошо, когда человек голодный, он бессильный.

— Верно. — Грегорио рассмеялся. — А тебе силы ой как нужны, сынок.

Амадео с благодарностью принялся за еду, стараясь не сметать все разом — желудок, отвыкший от пищи, запросто мог взбунтоваться. Рауль, бледный, но весьма довольный собой, сидел напротив, попивая сок — от еды он отказался. Паоло никакая сила не смогла удержать в постели, хотя настенные часы показывали два ночи.

— Завтра воскресенье, — безапелляционно заявил он. — Выплюсь!

Грегорио только махнул рукой.

— В виде исключения. Но завтра ты должен быть в кровати в десять, в понедельник в школу!

Амадео улыбался, слушая их перепалку, и с трудом сдерживался, чтобы снова не попросить у дон Грегорио телефон. Мигель запретил делать звонки с левых аппаратов, а нужная трубка осталась дома — Амадео опасался носить ее с собой. Телефон Ксавьера оказался недоступен, звонить кому-либо еще он опасался. Оставалось сидеть и ждать утра — Рауль обещал лично разузнать, как обстоят дела.

— Как твоя рана? — спросил Амадео.

Они сидели вдвоем в гостиной, освещенной только старомодным торшером. Дон Грегорио и неугомонный Паоло ушли спать. Рауль вертел в руке пластиковый стакан с соком, Амадео, стараясь не опираться на спинку кресла, пил чай. Руки заметно дрожали, голова кружилась, но чувствовал он себя немного лучше.

— Неплохо. Бывало и хуже.

— Из-за меня ты едва не погиб. Почему явился за мной? А если бы тебя убили?

— Если я правильно догадался, — Рауль аккуратно поставил стакан на подлокотник, и от Амадео снова не укрылась едва заметная гримаса, — ты убедил наших тюремщиков отправить меня в больницу. Каким образом тебе это удалось, не знаю, но благодаря тебе я жив, хоть и не слишком здоров. — Он невесело усмехнулся. — Считаю, я вернул долг.

— Не аргумент. — Амадео допил чай и отставил чашку. — Пострадал ты тоже из-за меня.

Рауль промолчал. Как много нужно объяснить и рассказать, чтобы Амадео понял! Да и сам он пока не разобрался, что толкнуло на этот опрометчивый поступок. Чувство вины? Справедливый обмен «жизнь за жизнь»? Или воспоминания, от которых никак не избавиться?

Он поднял левую руку и указал на фотографию на стене. На снимке дон Грегорио улыбался во весь рот, обнимая за плечи Паоло и красивого молодого человека в полосатой футболке. Амадео вспомнил полный боли взгляд, который ему случайно довелось увидеть тогда, в парикмахерской. Взгляд человека, навеки утратившего часть души.

— Это его сын? Я правильно догадался, что он...

— Да. — Рауль поджал губы. — Он погиб два года назад.

По сравнению с фото дон Грегорио выглядел куда старше. Горе заставило его состариться раньше времени, и вряд ли он когда-нибудь улыбнется так же широко и беззаботно.

— Лучиано был моим лучшим другом, — продолжил Рауль. — Он, я и моя сестра Катарина — мы с детства были неразлучны, — голос на мгновение прервался. Рауль отпил сока и заговорил снова. — Все бы отдал за то, чтобы вернуть те дни.

* * *

— Братец на дыбы встанет, когда узнает, где мы были, — хихикал Рауль, паркуясь у дома Винченце. — Насчет твоего отца я не волнуюсь, он у тебя добряк...

— До поры до времени. — Лучиано хмыкнул. — Тем более, я позвонил из Тихуаны, чтобы он не волновался.

— Ну ты и папенькин сынок. — Рауль покачал головой, то ли осуждающе, то ли восхищенно, и с заднего сиденья тут же вынырнула тонкая рука. Маленький кулачок ощутимо ткнул его в бок. — Эй!

— Всем бы таких пап, хам! — воскликнула Катарина. — Дон Грегорио — лучший мужчина на свете! — Она перегнулась через сиденье и чмокнула Лучиано в щеку. — Ты на втором месте, мой прекрасный принц.

— А я?! — возмутился Рауль.

— Пожалуй, зарезервирую для тебя местечко в конце списка. И то только потому, что ты мой брат.

Взрыв хохота сотряс машину. Лучиано пожал руку Раулю, чмокнул Катарину в щеку и побежал к дому, прикрываясь курткой — сезон дождей был в самом разгаре. Девушка перелезла на переднее сиденье и щелкнула ремнем безопасности.

— Поехали, Рауль. — Она хлопнула брата по плечу. — Иначе Энрике удар хватит. Мы пропали на целых два дня!

— Тогда что ж он не отправил поисковый отряд? — проворчал тот, заводя мотор.

Это была рискованная проделка — отделаться от вездесущей охраны и улететь в Тихуану на выходные. Для этого пришлось бросить автомобиль на платной стоянке и мчаться на всех парах в аэропорт, дважды поменяв по дороге такси. Но оно того стоило! Этот уик-энд они еще долго будут вспоминать!

Равно как и взбучку, которую Энрике устроил им по приезду.

— Вы — моя родня! — вопил он, тыча пальцем в грудь Рауля. — От телохранителей сбегать опасно, ты уже не маленький мальчик, чтобы этого не понимать!

— Да брось. — Рауль улыбался во весь рот. — С твоим-то влиянием! Надо быть круглым идиотом, чтобы осмелиться похитить кого-то из твоей семьи.

— Я не понимаю, ты и в самом деле такой тупица? — Энрике закатил глаза и рухнул в кресло. — Ты не желаешь вникать в мои дела, хотя прекрасно понимаешь, что кроме тебя оставить картель некому.

— А я не хочу становиться наркобароном. — Рауль фыркнул. — Меня вполне устраивает художественная галерея. Да и неприятности с законом мне не нужны, и...

— Их не будет, на этот счет не беспокойся, — перебил Энрике. — И чтобы больше так не делал. Еще и Катарину за собой потащил! Помни, что ты несешь ответственность и за свою сестру!

— Да помню я. — Раулю стало не по себе от колючего взгляда брата. С чего бы Энрике так беспокоиться? Он никогда особо не любил ни Рауля, ни Катарину — кровью их связал

только отец, и в любой ситуации, когда кому-то из них доводилось накосячить, непременно вспоминал этот факт.

— Иди. — Энрике махнул рукой. — Уже поздно. Завтра поедем по делам, оставь за себя кого-нибудь в своей галерее.

С кислой миной Рауль проследовал в свою комнату. Он терпеть не мог заниматься бизнесом Энрике, но по старшинству все же приходилось подчиняться. В конце концов, учеба никак не повлияет на его нежелание идти по стопам брата, а несколько ценных уроков он вполне может применить к своим вполне законным делам. И лишних скандалов это поможет избежать. Везет же Катарине — к ней брат с подобными вопросами даже не сунется!

В комнате Рауль, не раздеваясь, плюхнулся на кровать. И почему Энрике так уперся? Почему не сделать преемником кого-то из своих заместителей, того же Хесуса? Он Раулю никогда не нравился, но в бизнесе ориентировался куда лучше него. И если уж Энрике так помешан на чистокровном престолонаследии, Хесус тоже какой-то его дальний родственник.

С этими мыслями Рауль заснул.

* * *

На следующий день, едва отделавшись от брата и его вечных дел, Рауль отправился к Лучиано. Однако того дома не оказалось — с улыбкой дон Грегорио Винченце сказал, что старший сын уехал.

— Куда?

— А вы с ним по пути не столкнулись? — хитро прищурился дон Грегорио. — К Катарине.

Ни для кого не было секретом, что Катарина и Лучиано уже давно перешагнули рубеж «просто друзья». По всей видимости, сегодняшний день они намеревались провести без надоедливого братца и будущего шурина. Рауль почесал затылок и смущенно улыбнулся.

— Катарина ничего не говорила, я и не знал, что эти заговорщики что-то затеяли без меня. Спасибо, дон Грегорио.

— Не за что, сынок. Не сердись на них, молодость — она такая...

Молодость, хмыкнул про себя Рауль. Эти озорники ненамного младше, обоим по двадцать пять стукнуло, а все как дети — прячутся по углам, а окружающие в лице Рауля делают вид, что ничего не замечают.

— Да, Педро, слушаю тебя, — проговорил он в телефон. — Выходной не удался, я уже еду, можешь открывать галерею.

* * *

Вечером Рауль шутя упрекнул Катарину в том, что они снова развлекались без него. Сестра удивленно ответила, что не видела Лучиано со вчерашнего дня. Да, они собирались вместе в кино, но ее прекрасный принц так и не появился. Впрочем, она все равно отказалась бы — после вчерашней поездки ее донимали головные боли, наверняка сказала

перегрузка в самолете. Но он даже не позвонил, и это удивляло их обоих. Обычно он всегда предупреждал, если планы менялись — не в его правилах было обманывать ожидания.

Дозвониться до Лучиано Рауль тоже не смог. Тогда он позвонил дону Винченце, и тот ответил, что сын плохо себя чувствует и уже ушел спать. В голосе слышалось искреннее беспокойство, и Рауль не усомнился в его словах. Но почему Лучиано не перезвонил сам? Это единственный вопрос, который не давал брату и сестре покоя.

* * *

На следующий день Рауль встретился с Лучиано в их любимом кафе у парка «Аламеда Централ». Катарины с ними не было — ее снова мучила мигрень, и на любой призыв пойти прогуляться она отвечала красноречивым жестом из-под одеяла. Садясь за столик, Рауль заметил, что Лучиано как в воду опущенный: обычно ярко сверкавшие глаза потухли, на губах не светилась его извечная мальчишеская улыбка. Он нервно тербил пальцами салфетку, перед ним высилась горка предыдущих, разорванных на мелкие кусочки.

— Что с тобой? — Рауль перегнулся через стол и хлопнул друга по плечу. — До сих пор не поправился?

Лучиано исподлобья глянул на него и снова уткнулся в истерзанные салфетки. Рауль нахмурился — раньше он друга никогда таким не видел.

— Ты чего? — Он пригнулся к столу, пытаясь заглянуть Лучиано в лицо, но тот опустил голову ниже. — Что случилось? Что-то с доном Грегорио?

Лучиано замотал головой.

— Паоло?

— Нет. — Голос был сиплым, как после диких криков на рок-концерте.

— Ну, брат. — Рауль откинулся на спинку стула и скрестил руки. — Я тебе не телепат. Или ты сейчас рассказываешь, в чем дело, или мне придется тебя пытаться!

Лучиано вздрогнул так, что опрокинул чашку с горячим шоколадом. Темная жидкость залила клетчатую скатерть, пропитала разорванные салфетки и закапала на пол.

— Да что с тобой? — Рауль не смог скрыть потрясения. — Ты будто с призраком пообщался!

— Я не... Я не знаю. — Лучиано испуганно огляделся, будто только сейчас понял, где находится. — Пойдем отсюда, Рауль. Мне здесь не по себе. Слишком много людей.

— А я думал, у тебя клаустрофобия, а не агорафобия, — попытался пошутить Рауль, когда они вышли из кафе. — Так что же...

Его прервала автоматная очередь. Люди вокруг завизжали и кинулись искать укрытие. Рауль бросился на землю, увлекая за собой Лучиано, но ладонь соскользнула с локтя друга. Вокруг трещали выстрелы, вывеска кафе грохнулась на землю, и Рауль прикрыл голову рукой, спасаясь от летящих щепок.

Выстрелы смолкли, но еще какое-то время он боялся пошевелиться. И тогда пришла боль. Огнем пронзая правую руку, она не давала сдвинуть ее с места. Рауль разлепил глаза и в ужасе уставился на месиво на месте предплечья. Он бы заорал от ужаса и боли, но воздуха не хватало, поэтому он мог только лежать с открытым ртом и еле слышно сипеть.

И только оказавшись в отделении «скорой помощи», он понял, что Лучиано рядом нет.

— Рауль, мои люди ищут везде, где только можно, — вещал телефон голосом Энрике. — Вряд ли его увезли за пределы Мехико, если он в городе, я его обязательно найду!

— Так ищи побыстрее! — рявкнул Рауль и тут же пожалел об этом: брат откликнулся на просьбу о помощи сразу же и отправил людей на поиски. Не стоило так с ним разговаривать.

Но Энрике ничуть не обиделся, прекрасно понимая, в каком состоянии брат.

— Делаю все возможное. Как Катарина?

Рауль оглянулся на замершую на стуле рядом с больничной койкой девушку. Та была мертвенно бледна, под глазами залегли тени. Темные волосы, обычно свободно распущенные по плечам, собраны в тугий хвост, пальцы крепко стиснули белый носовой платок.

— Она ждет. Как и я, — сменив тон, ответил он. — Спасибо за помощь, Энрике.

Он бросил трубку на койку. Катарина не шелохнулась — она слышала разговор и знала, что никаких новостей нет.

Рауль едва не врезал кулаком по стене, но вовремя вспомнил, что руке пришел конец — срикошетившая пуля раздробила кость так, что ее битый час собирали по осколкам. Но это еще полбеды — оказались повреждены нервы, и теперь пальцы не шевелились вообще. Рауля била дрожь при мысли, что он останется инвалидом на всю жизнь. Но еще больший ужас у него вызывало исчезновение Лучиано.

Друг как сквозь землю провалился, и не оставалось никаких сомнений в том, что это тщательно подготовленное похищение. Никаких случайностей — метили именно в него. Но кто, черт побери? Бизнес дона Грегорио Винченце не отличался масштабностью, неужели этот добрейшей души человек мог кому-то перейти дорогу?

Рауль снова схватил зазвонивший телефон и досадливо прикусил губу. Только вспомнил...

— Рауль, — с трудом сдерживая слезы, выговорил дон Грегорио. — Никаких новостей?

— Простите, но нет. — Рауль сам себя ненавидел за эти слова. Как ему хотелось утешить старого дона, сказать, что все будет хорошо! Но он не мог солгать этому человеку, только не ему. — Мой брат ищет его.

— Да благословят его Небеса. — Дон Грегорио ненадолго замолчал, справляясь со слезами. — Ты все еще в больнице? Заглянешь ко мне после выписки вместе с Катариной?

— Разумеется. Первым же делом примчусь к вам.

— Что ты, не стоит так торопиться. — Голос дона Грегорио звучал надтреснуто, как ломающаяся ветка. — Просто... Ты понимаешь...

Рауль понимал. Так же, как понимал и Грегорио, но отказывался признавать: живым он сына больше не увидит.

Два дня прошло в мучительном ожидании, и наконец доставили письмо с требованием выкупа. Оно изрядно удивило Рауля: сумма была смехотворно низкой, что только усилило подозрения. Чисто сработанное похищение никак не вязалось с любителями, ищущими, где

бы урвать кусок-другой.

— Дон Грегорио, — сказал он. — Не вздумайте везти деньги сами. Тут что-то не так. Лучше отдайте мне, я сам обо всем позабочусь. Тем более, личной встречи все равно не будет, похитители требуют оставить деньги в определенном месте.

Грегорио мог только кивнуть. Он совсем потерял сон и покой. Паоло, которому на тот момент едва исполнилось шесть, отправили с охраной к тетке. Катарина не отходила ни от брата, ни от дона Грегорио. Она держалась молодцом, хлопотала по дому, готовила вкуснейшие блюда, из которых никто, как ни старался, не мог проглотить ни кусочка — слишком велико было беспокойство за Лучиано.

Рауль отправился на место, указанное похитителями, и оставил там сумку с деньгами. Предварительно он предупредил Энрике, чтобы его люди проследили за теми, кто заберет выкуп. Теперь оставалось только ждать.

Дон Грегорио не мог ни спать, ни есть, и его нервозность наконец разрушила выдержку Катарины. Рауль же не осмеливался звонить Энрике, опасаясь помешать.

Часы тянулись бесконечно. Измученный дон Грегорио наконец задремал на диване, Катарина уютилась в кресле с вышивкой, но постоянно колола пальцы. Рауль не сводил взгляда с мобильника, но тот упорно молчал.

Резкая трель стационарного аппарата заставила Грегорио подскочить на диване. Рауль стрелой бросился к телефону и первым сорвал с него трубку.

— Алло!

— Подарочек на заднем крыльце, — проскрипел искаженный помехами голос.

Связь прервалась.

Рауль рванул к черному входу, не замечая, что Катарина и Грегорио неотступно следуют за ним. Ему следовало бы сказать, что ошиблись номером, наврать что угодно, чтобы не пускать их туда, но в тот момент он не мог думать ни о чем, кроме зловещих слов незнакомца.

Несмотря на всю его скорость, дон Грегорио обогнал его и первым увидел небольшой ящик без крышки. Шел мелкий дождь, капли влаги оседали на мертвом лице Лучиано.

Там была лишь голова.

* * *

Амадео потрясенно молчал. Он даже представлять не хотел, что за ужас испытал в тот момент дон Грегорио. Да такого и худшему врагу не пожелаешь! Все его проблемы в мгновение ока перестали казаться значительными и уменьшились до величины рисового зернышка. Ничто не могло идти в сравнение с подобным кошмаром.

Рауль нервно гладил подлокотники кресла, стараясь унять дрожь.

— Это еще не все, — серым, будничным тоном продолжил он, с усилием изгнав из голоса слезы. — Следом за доном Грегорио появилась Катарина, она бежала за ним по пятам! Увидев это... это... увидев, что сделали с Лучиано, она рухнула без чувств и ударилась головой о дверной косяк. Как я ни приводил ее в чувство, ничего не выходило. Я метался между доном Грегорио, который без конца выкрикивал имя сына, и моей сестрой, но не мог ничего сделать, я впал в дикую панику! — Рауль дрожащей рукой вытер со щек слезы. — Наконец до меня дошло, что нужно звонить в «скорую», полицию и тому

подобное, что я и сделал. Не знаю, как они все поняли из моего бессвязного бормотания и истерических выкриков, но вскоре дом наводнили чужие люди. Дону Грегорио сделали укол успокоительного и увезли в больницу, Катарину тоже... Я остался — на меня наехала полиция. Одни и те же вопросы, одни и те же ответы, меня водили по одному и тому же маршруту, от гостиной до заднего двора. Когда я видел ту проклятую коробку, которую огородили лентами, мне хотелось быть волком, но меня каждый раз водили смотреть на нее, каждый чертов раз! — Рауль ударил кулаком по подлокотнику и скривился — покалеченная рука до сих пор не давала ему покоя. — Когда меня наконец отпустили, я стремглав помчался в больницу. Ох, *chinga tu madre*, я и представить не мог, что все может быть еще хуже!

Амадео молчал, ожидая продолжения. Он видел, что Раулю надо как следует выговориться, что ни перед кем, тем более перед доном Грегорио, он не может закатить истерику, зная, что расковыряет и так кровоточащую рану.

— В больнице мне сказали, что Катарина в коме. Чудо, что она вообще осталась жива, но... Но надежды на исцеление нет. Об этом меня сразу предупредил врач и предложил отключить... отключить ее от аппарата. — Рауль на мгновение закрыл глаза ладонью, затем продолжил. — Естественно, я отказался, даже наорал на него...

— Что с ней случилось? — осторожно поинтересовался Амадео, так как Рауль надолго замолчал, уставившись на сияющий мягким светом абажур торшера.

— Она с подросткового возраста жаловалась на головные боли. Иногда целый день из комнаты не выходила, валялась в постели, наевшись обезболивающих. — Рауль с грустной усмешкой покачал головой. — Врачей она терпеть не могла, даже мне не удавалось ее уговорить, тем более приступы случались не так часто. Дева Мария, если бы я только знал, связал бы ее и потащил в больницу на своих плечах! — Недолгое молчание. — Есть такая опасная штука, называется артерио-венозная мальформация. Это врожденная патология, но если специально не обследоваться, то и не узнаешь, что она вообще у тебя есть. — Рауль пригладил волосы. — Артерии и вены в мозгу переплетаются, как корабельный канат, получается этакая шапка толстенных сосудов. И любой, самый легкий удар по голове может стать смертельным — они попросту лопаются и получается огромное кровоизлияние... Это все мне объяснил врач. Когда Катарина упала в обморок, то ударилась о дверь, несильно, но этого хватило, чтобы какой-то из сосудов лопнул. Обычно от этого сразу умирают, но ей «повезло». Два года она лежала под аппаратом, я должен был прекратить ее мучения сразу же, но не смог. — Рауль наклонился вперед и закрыл лицо руками. — Какой же я слабак...

— И вовсе ты не слабак.

— Еще какой. Врач сразу сказал, что надежды нет, даже если бы она и пришла в себя, что и так крайне маловероятно, то на всю жизнь осталась бы овощем. Та же кома, только с открытыми глазами. — Рауль всхлипнул. — Ох, прости. Просто Катарина умерла только вчера, и я...

— Она умерла? Боже... — Амадео поднялся и присел перед Раулем. — Что ж ты сразу не сказал? А я сижу, вытягиваю из тебя подробности...

Рауль замотал головой.

— Надо было наконец кому-то рассказать. Я и так долго держал это в себе. Хесусу я не настолько доверяю, чтобы делиться личными переживаниями. Когда ты помог меня выкупить, Хесус привез меня в больницу, как раз ту, где лежала Катарина. Там я и узнал...

— Она была в этом городе? — переспросил Амадео. — Но я думал, что ваша семья из

Мехико, и дон Грегорио тоже...

— После случившегося дон Грегорио переехал сюда. — Рауль уже взял себя в руки. — Не смог больше оставаться там. Я помог ему с переездом и перевез сюда Катарино — Мексика мне претила, слишком много воспоминаний, хороших и ужасных... Но несколько месяцев назад пришлось вернуться — ты знаешь почему.

Амадео кивнул. Убийство Энрике Гальярдо наделало много шума, и Ксавьер едва не попал под раздачу. Если бы не своевременное предупреждение Ребекки и вмешательство Мигеля, его бы размолото в труху в войне между наркокартелями.

— Терпеть не могу бизнес брата. Но содержание Катарино в больнице требовало огромных средств, которых у меня не было. Я держу небольшую художественную галерею, доход она приносит небольшой. На жизнь хватает, но на большее, например, оплату медицинских счетов — нет. Когда Энрике был жив, он присылал кое-какие деньги, но потом его убили. — Рауль бледно улыбнулся. — Потому я и пытался тебя шантажировать. Прости.

— Забудь об этом. Ты так и не разобрался, кто это сделал? Ксавьер говорил, что Гальярдо убили свои же.

— Брехня. — Рауль махнул рукой и скривился. — Ты только посмотри, я даже дрыгаться теперь нормально не могу. А все та чертова пуля, что раздробила мне кость в день похищения Лучиано... Так, о чем я? По общим сведениям Энрике устранил сам картель, когда выяснилось, что он — агент Наркоконтроля. Но это не совсем так. Энрике всегда окружал себя преданными людьми, они бы не позволили такой разоблачающей информации выйти за пределы картеля, чтобы не нанести ущерб его репутации. Хесус молчит, как рыба, когда я начинаю задавать вопросы о смерти Энрике, некоторые, особо приближенные к нему люди вообще покинули картель после его гибели. Честно говоря, я не стал особо разбираться в этом вопросе. Мы все время ругались из-за его бизнеса — я об этом рассказывал — и, несмотря на то, что он помогал с поисками Лучиано, теплее наши отношения не стали. Наоборот, я... — Рауль запнулся. — Я еще и обвинил его во всем. Накричал, что он, повелитель всей Мексики, не смог найти похищенного человека, не смог уберечь собственную сестру... Конечно, это несправедливо, ужасно несправедливо, но тогда мне просто нужно было найти виноватого. Энрике ни слова не ответил на мои обвинения, отчего мне стало только хуже. Я уехал в другую страну, даже не извинившись перед ним, забрал Катарино... А потом узнал, что он погиб. — Рауль поднял на Амадео красные глаза. — Я отвратительный брат, да?

— Ты не знаешь, что такое быть отвратительным братом. — Амадео покачал головой. — Мой брат Лукас был куда хуже, поверь. И перестань корить себя за то, что случилось, ты ни в чем не виноват. Ты не мог знать о болезни своей сестры. Не мог знать, что Лучиано похитят. И уж точно не виноват в том, что с ним случилось в итоге. Не знаю, почему с Лучиано это произошло, но вы с доном Грегорио сделали все правильно, и вам обоим не в чем себя упрекнуть.

— Сколько раз я пытался убедить себя в этом. — Рауль горько усмехнулся. — Мозг понимает, но вот здесь, — он стукнул себя покалеченной рукой в грудь, — здесь никаких доводов слышать не хотят.

Амадео промолчал. У него были свои соображения по поводу этого нелепого похищения, но озвучивать их Раулю он не собирался. Во-первых, состояние его могло стать еще хуже. А во-вторых, теперь его домыслы уже не имели значения.

— Тебе лучше немного поспать, — сказал он, поднимаясь. — Ты отправишься к

Ксавьеру завтра с утра?

— Прямо сейчас, — ответил Рауль. — Не знаю, когда банда Флавио обнаружит обман и как быстро нас найдут. Уверен, за нами могли следить. Поэтому лучше не тянуть.

— Согласен. — Амадео бросил взгляд на дверь, за которой спали дон Грегорио и Паоло. — Ты и так сильно рисковал, когда привел меня сюда.

— Знаю. — Рауль зевнул. — Но мне больше некуда было пойти. Сейчас только Хесус знает об этом месте. Даже мой брат не знал, куда уехал дон Грегорио после смерти Лучиано. Здесь безопасно.

— Пока нас не вычислят. — Амадео поморщился — спина снова начала болеть. — Спокойной ночи.

— И тебе, — рассеянно отозвался Рауль, снова погрузившись в невеселые воспоминания.

* * *

Амадео разбудила боль — во сне он неосторожно повернулся на спину.

— Вот же чертов Скай. — простонал он. — Чтоб тебя в Аду черти исхлестали.

Он открыл глаза — за окном было темно. Разбитые наручные часы, которые чудом продолжали идти, показывали половину шестого утра. Попытавшись найти удобное положение и потерпев неудачу, Амадео сел и потянулся за штанами.

Дом еще спал — дон Грегорио и Паоло легли около половины третьего, а Амадео с Раулем засиделись до четырех. Чувствовал он себя на удивление бодро — после земляного подвала, в котором он глаз не мог сомкнуть из-за клаустрофобии, комната Паоло казалась номером в лучшем отеле мира, хотя размерами не поражала.

Футболку Амадео предпочел не надевать — израненная спина громко протестовала против любого прикосновения. Он подвязал волосы пожертвованным Паоло шнурком и, стараясь двигаться как можно тише, прошел на кухню.

В окно только-только начало пробиваться серое утро, но свет Амадео зажигать не стал — контуры предметов виднелись отчетливо настолько, чтобы не запнуться и не врезаться куда не следует. Он нащупал на сушилке у раковины стакан и налил воды.

История, рассказанная Раулем, не выходила из головы. Сын дона Грегорио был похищен неизвестными и, несмотря за заплаченный выкуп, вернулся мертвым — что за сволочи посмели так поступить с человеком, который никому не делал зла? Бизнес дона Грегорио никоим образом не переходил дорогу криминальным обществам Мексики, так почему же? И — что не менее важно — почему за него потребовали такой маленький выкуп? Какой в нем вообще смысл, если Лучиано с самого начала намеревались убить?

Что-то не сходилось.

Амадео не стал озвучивать Раулю свои подозрения — у Гальярдо слезы стояли в глазах, когда он рассказывал об этом ужасном происшествии. И Амадео даже представить не мог, каково дону Грегорио переживать все это. Прошло всего два года, но он, несмотря на незаживающую рану, держался молодцом. Хорошо, что у него есть Паоло.

Амадео ополоснул стакан и поставил обратно на сушилку. И только сейчас почувствовал в комнате чье-то присутствие.

Он резко обернулся, в висках застучало. Никого. Никакого движения. Никаких звуков,

кроме его сбивчивого дыхания, но ощущение, что кто-то смотрит на него, не проходило. Пошарив по столу, Амадео наткнулся на нож, порезав палец, и крепко схватил рукоять. Затем, стараясь двигаться бесшумно, направился к двери. В кухне он как в ловушке — другого выхода, кроме как через окно, здесь не было.

Шорох. Амадео остановился и прислушался. Нет, ему не показалось — на кухне кто-то был. Он осторожно пошарил рукой по стене в поисках выключателя и крепче стиснул рукоять ножа.

Под потолком вспыхнул свет, и Паоло, выронив конфету, забился под стол.

— Ой-ой! — пискнул он, закрывая глаза ладонями. — Слеплен! Безоружен! Да еще и конфету где-то потерял...

— Паоло, — выдохнул Амадео, выронив нож. — Почему ты сразу не сказал, что ты здесь?

Я же мог тебя поранить, черт побери! Амадео осторожно подобрал нож, стараясь не думать о том, что было бы, если бы паника взяла верх. Тело сотрясла дрожь. Он сразу вспомнил Микки, своего друга детства, которого по ошибке убил старый аптекарь. Вспомнил бессонные ночи рядом с Тео, когда он сам боялся провалиться в сон из опаски причинить вред мальчику. А сейчас едва не набросился с ножом на ребенка... Боже.

К горлу подкатил ком, и Амадео едва не вырвало. С трудом подавив позыв, он вернулся к раковине и снова плеснул воды в стакан. Паоло тем временем выбрался из-под стола и уселся на табурет, болтая ногами в воздухе.

— Папа сразу уснул, а мне что-то не спалось, — заявил он, протягивая руку к вазочке с разноцветным драже. — Организм потребовал сладенького, ужин же был без десерта.

— И как часто он у тебя требует сладкого? — Амадео через силу улыбнулся, стараясь не думать о том, что едва не натворил.

— Да почти всегда! А вы знаете, что сахар полезен для мозга? У вас кровь капает. Вон в том шкафу есть пластырь.

— Спасибо. — Амадео достал аптечку и заклеил порез. Затем тщательно вытер капли крови с пола и раковины, слушая звонкую болтовню Паоло.

— Папа разозлится, если узнает, что я так и не лег спать. Вы ведь не скажете ему, правда? А когда мы снова встретимся с Тео? Он мне понравился, я бы показал ему своих роботов, а еще у меня есть крутая тачка, она разговаривает и даже отвечает на вопросы!

Амадео с трудом переключил мысли. Рауль уже отправился к Ксавьеру. Сколько времени понадобится другу, чтобы добраться сюда? Ради этого он наверняка наймет реактивный самолет. Амадео не удержался от улыбки, которая тут же погасла. Он так и не знал, в каком состоянии Ксавьер. Сильно ли ранен? В сознании? Или, как сестра Рауля, в коме? Самый плохой вариант Амадео гнал куда подальше. Ксавьер жив. Это все, о чем надо думать.

— Пойдем, — позвал он, гася свет. — Твой папа действительно расстроится, если узнает, что ты не спал. Тебе лучше хотя бы для виду лечь в кровать.

— А и правда! — Паоло, радостно подпрыгивая, побежал за ним. — Зато можно будет проваляться до обеда, раз уж я вроде как сплю, и не придется завтракать этой противной кашей...

Проскочив вперед, он с размаху врезался в чьи-то ноги.

— Ой...

— Ых...

Огромный, похожий на гору человек чуть согнулся от удара — Паоло, размахивая руками, угодил ему точнехонько между ног. Мальчик машинально отступил, и тут же Амадео схватил его за плечи и задвинул себе за спину.

— Вот же... Маленький да удаленький, — пробасила гора. Гигант едва не задевал головой потолок и в небольшой гостиной смотрелся пупсом в домике Барби. Амадео моментально узнал его и пожалел, что под рукой нет пистолета. — Славный мальчуган, сразу видно, с характером. Как думаешь, красавчик, сколько за него дадут?

Амадео отступал вместе с Паоло, шаря глазами по комнате в поисках чего-нибудь, что могло сойти за оружие. Нож остался на кухне, но бежать туда — значит запереть себя в ловушке.

— А может, не продавать его, а? — Генри Хендриксон двинулся вперед, проминая ногами мягкий ковер. — Оставить себе. Взамен того мальчишки, что ты, чертов вор, у меня стащил. А?

— Только попробуй, — процедил Амадео сквозь зубы.

— Эта мелюзга еще и хамит. — Генри фыркнул. — Будто ты мне чем-то можешь помешать. — Он схватил Амадео за плечо и отшвырнул в сторону. Тот врезался спиной в торшер, сбив его на пол, и едва не вскрикнул от боли.

Генри схватил Паоло под мышки и поднял в воздух. Мальчик отчаянно извивался и изо всех сил пинал бандита, но тому удары казались не страшнее комариных укусов.

— Отпусти меня, ты, жирный кусок гамбургера, да я тебя...

— Ишь какой строптивый. — Генри улыбался во весь рот. — Прямо как я люблю. Нет, я решил, не буду тебя продавать, с тобой весе...

Он поперхнулся — Паоло сунул ему в рот полную пригоршню конфет, которые стащил с кухни. И тут же Амадео ударил здоровяка торшером по затылку. Генри попытался взвыть, но не смог, только больше закашлялся, и выпустил мальчика. Паоло юркнул в коридор, а Амадео придавил оглушенного Генри к полу. Надолго сил не хватит — удержать такого гиганта и в здоровом виде сложно, а Амадео все еще был слишком слаб после заточения в подвале. Но он даст немного времени Паоло, и если Генри подавится конфетой, так ему и надо.

Тот ворочался на полу, скреб ногтями ковер, лицо краснело все больше, пока не приобрело лиловый оттенок. Он задыхался. Без удивления Амадео обнаружил, что ему нисколько не жаль эту сволочь. Если бы не счастливое стечение обстоятельств, этот тип замучил бы Тео до смерти или продал в рабство.

— Отпусти его.

Томас Хендриксон обхватил Паоло за плечи и тыкал в висок пистолетом.

— Если мой брат умрет, я прострелю мальчишке голову. И не здесь, нет. — Голубые глаза холодно сверкали из-под растрепанной челки. — Отправлюсь в спальню и сделаю это на глазах его отца. Как думаешь, каково ему будет потерять и второго сына?

Амадео окатила ледяная ярость. Если бы сейчас под рукой оказался пистолет, он без раздумий всадил бы Томасу пулю в лоб, а затем дал бы Генри медленно умереть от удушья — иной смерти эта мразь не заслужила. Но оружия у него не было.

— Генри уже посинел, — доложил Томас. — Как только он перестанет дышать, я выполню свое обещание.

Амадео едва не застонал от бессилия и злобы, но иного выхода не оставалось. Он приподнял торшер и как следует врезал им по загривку Генри.

Томас едва не потерял дар речи.

— Ты... Ты что, вообще бесстрашный?! Я тебе сказал, что...

Его прервал дикий кашель. Генри грохотал на весь дом, на ковер плюхнулась полурастаявшая конфета.

— Он жив, — чужим голосом сказал Амадео. — Отпусти Паоло. Немедленно.

Томас машинально разжал руки, и мальчик стрелой бросился к Амадео мимо заходящегося в кашле Генри. Когда Томас понял, что сглупил, было уже поздно.

— Ладно, ребяташки, — усмехнулся он. — Генри, ты там живой?

Тот в ответ прохрипел что-то невразумительное.

— Живой, — констатировал Томас. — Значит, так, зачем мы, собственно, здесь...

— Вы еще кто такие?! — воскликнул Грегорио. Волосы торчали в разные стороны, он кутался в халат, но вид тем не менее имел самый грозный. — Пошли прочь из моего дома! Паоло, сынок, ты где?

— Я здесь, пап, — отозвался мальчик. — Со мной все в порядке, не волнуйся!

Грегорио широким шагом пересек гостиную и заключил мальчика в объятия. На лице мешался испуг с яростью, руки дрожали. Амадео успокаивающе похлопал его по плечу, и тот напряженно улыбнулся в ответ. Томас даже не пытался его остановить, только наблюдал за ними, помахивая пушкой.

— Кто эти люди? — спросил Грегорио, не понижая голоса и намеренно не обращаясь напрямую к ним. — Почему они ворвались в наш дом посреди ночи?

— Боюсь, из-за меня, дон Грегорио. Должно быть, похитители наконец спохватились...

— Молчать! — рявкнул Томас. Генри уже окончательно пришел в себя и теперь пучил глаза на Амадео. — Да, красавчик, срулил ты у нас из-под носа довольно лихо. Но от нас не убежишь. Давай, ноги в руки и топай с нами, за тебя обещана куча денег.

— А если не пойдет?! — выкрикнул Паоло. Амадео не удержался от улыбки — что за смелый мальчишка!

Взгляд Генри переместился с Амадео на мальчика, в глазах появился жадный блеск. От Томаса это не укрылось.

— Если не пойдет, то догадайся сам, малыш, что случится. Ты очень понравился моему брату, а он любит коллекционировать маленьких мальчиков.

Грегорио прижал сына к себе.

— Вы не посмеете!

— Увидим, старик, кто и как не посмеет. — Томас погрозил ему пистолетом. — Если красавчик будет хорошо себя вести, мы уйдем, и ты и твой сынок о нас больше не услышите. Если же нет, — он красноречиво указал на Генри стволом, — мой братец приобретет новую игруш...

— Прекратите, — тихо сказал Амадео. — Я иду с вами, если пообещаете оставить эту семью в покое.

Томас пожал плечами и кивнул.

— Почему нет? Они нам без надобности. Пошли, как там тебя называют. Принц? Идем в соседнее королевство.

— Пока они не окажутся в безопасности, я никуда с вами не пойду, — отрезал Амадео.

Томас хмыкнул и почесал макушку дулом пистолета.

— Кажется, ты забыл, у кого оружие, красавчик. Но так и быть, в честь того, что тебе удалось завалить Генри, я выполню твое условие.

Амадео повернулся к Грегорио и зашептал:

— У вас есть машина? — Тот кивнул. — Отлично. Поезжайте к особняку напротив Центрального парка, номер семь. Скажете, что вас туда отправил я, Амадео Солитарио.

— Но... — к испугу в глазах Грегорио добавилось изумление — фамилию Солитарио он слышал не раз, но никак не мог представить, что этот молодой человек и есть знаменитый игорный магнат. — Но как же ты, сынок?

— Все в порядке, дон Грегорио. — Амадео улыбнулся и еще больше понизил голос. — Передайте моему другу Ксавьеру, когда он там появится: хозяин Тео. Он поймет.

— Хозя... — глаза Грегорио расширились. — Так этот человек...

— Передайте ему, дон Грегорио. И как можно быстрее. Обязательно расскажите, как вам угрожал этот... — Амадео зашипел, когда лапища Генри схватила его за волосы и дернула назад.

— Хватит болтать, — просипел он. — Пора в путь.

Амадео поднял осколок лампочки, который до этого времени держал в закрытой ладони, и приставил к горлу.

— Я и шагу отсюда не сделаю, пока дон Грегорио и Паоло не уедут. — Глаза слезились от боли, но рука не дрожала. — А попытаешься увести меня силой, я перережу себе горло. И если считаешь, что у меня кишка тонка, то ошибаешься.

Томас восхищенно присвистнул.

— Ты еще и шантажировать нас надумал, красавец принц? Да у тебя реально стальные яйца. А ничего, что я тут пушкой размахиваю, и случайно вылетевшая пулька может попасть в голову старику? Или мальчишке?

— Как только это произойдет, я выполню свою угрозу, — упрямо повторил Амадео. — И тогда ваш хозяин сильно расстроится, что вы привезли труп.

— А с чего ты решил, что нужен живым, милый? — Томас ухмыльнулся, но уверенности во взгляде поубавилось.

— Потому что ты пристрелил бы меня сразу, а не устраивал цирк с заложником, — отрезал Амадео. Осколок вдавился в кожу, выступила кровь. — Ну?

— Ладно. — Томас махнул пистолетом. — Вы двое можете идти.

Грегорио заколебался, но Амадео сердито рыкнул:

— Идите же! Быстрей!

— Пап, пойдём. — Паоло, ежась под жадным взглядом Генри, потянул отца за собой. — Пойдем, или дяде вырвут все волосы, пока мы тут стоим.

Амадео улыбнулся.

— Ты прав. Идите, за меня не беспокойтесь.

Дон Грегорио наконец подчинился. Через пару минут послышалось урчание мотора, и из ворот выехал синий «пежо». Подождав для верности немного и убедившись, что его никто не преследует, Амадео выбросил стекло и позволил Генри протащить себя через гостиную и вышвырнуть на крыльцо.

— Засранец, — просипел Генри, наградив его пинком в живот. — Теперь ты у меня попрыгаешь, чертов вор!

Рауль не учел одного: он понятия не имел, где искать Санторо.

В больнице ему сказали, что пациент выписался несколько дней назад. Никакого домашнего адреса и номера телефона, разумеется, но Рауль был рад услышать, что Санторо поправляется. Вот только, черт побери, где он теперь? Попросив разрешения позвонить, Рауль набрал номер, который дал ему Амадео, но ответа не дождался.

По телевизору, висевшему в холле, шли новости. Корреспондентка телеканала «Новости и факты» брала интервью у какого-то политика, и Рауля осенило. Уж если кто и знает, где сейчас Санторо, так это Ребекка Кэмпбелл. И информацией она поделится бесплатно, уж будьте уверены!

Только свой мобильник с номером Ребекки он посеял, а посвящать Хесуса в свой план — плохая идея. В очередной раз выругавшись, Рауль выпросил адрес «Новостей и фактов» у одной из медсестер со смартфоном и теперь на всех парах мчался туда в надежде, что Ребекка приходит на работу рано.

Он торопился. Амадео скоро хватятся и бросят все силы на его поиски. Рауль не знал, кто должен был забрать принца вместо него, но что-то подсказывало, что это не захудалая мексиканская банда.

Зеленая «хонда», которую он самым наглým образом увел из-под носа Хесуса, затормозила перед зданием телеканала, и Рауль невольно задрал голову — настолько высокой оказалась башня замка новостной королевы. И стража ей под стать — суровая, подозрительная, она не дала Раулю даже ступить за порог. Он оказался прав — раннее утро, а правительница уже на троне.

— Ваше имя и цель визита, — прогрехотал один из громил, заступивших дорогу.

— Рауль Гальярдо, — терпеливо проговорил он, хотя внутри все чесалось от желания растолкать этих колоссов и броситься наверх. Только их с места не сдвинешь, а попытавшись прорваться, он потеряет шанс встретиться с Ребеккой. — Мне нужно увидеть мисс Кэмпбелл. Это срочно.

— Документы, — ответил второй и протянул громадную руку ладонью вверх.

— Черт, да не взял я их с собой! — Рауль начал злиться. Рюкзак с паспортом остался там же, где и телефон, и он только сейчас вспомнил об этом. — Точнее, я их потерял. Просто передайте ей мое имя, она меня знает!

— Слишком многих она знает, — без тени юмора сказал первый. — Проваливай. Без документов нельзя.

Рауль вдохнул и выдохнул, стараясь взять себя в руки. Злость ни к чему не приведет, нужно мыслить ясно.

— Вы не понимаете. Речь идет об Амадео Солитарио. Вы наверняка о нем слышали Нет?

В глазах одного из колоссов мелькнуло узнавание, и Рауль поспешил закрепить победу.

— Я знаю, где он сейчас. Позвольте встретиться с мисс Кэмпбелл и...

Оба телохранителя синхронно усмехнулись.

— Еще один. Таких знатоков в день по пятнадцать штук приходит, только и думаете, как скандалы в своих целях использовать. Вали, пока цел.

— Черт побери, я не вру! — Злость взяла верх, и Рауль грозно надвинулся на охранников. — Я знаю, где Солитарио, и если вы немедленно не передадите это своей хозяйке, она потом с вас живьем шкуру спустит!

Те продолжали усмехаться, затем вдруг синхронно схватили Рауля под руки и потащили

к выходу. Он едва не взвыл от боли — раненые руки громко протестовали против такого обращения и не давали вырваться из медвежьих объятий. Рауль мог только костерить их на испанском.

— Что тут происходит?

Телохранители застыли, затем повернулись, заставив Рауля описать полукруг. Он оглянулся через плечо — к ним шел молодой человек в темно-сером костюме. Волосы были зачесаны назад, на носу сидели очки в тонкой оправе, через которые он с любопытством оглядел нарушителя спокойствия.

— Мартин. Конрад. Повторяю вопрос. Кто этот человек?

— Я Рауль Гальярдо. — Он изо всех сил выворачивал шею. — Мне нужно увидеть мисс Кэмпбелл. Это срочно!

Молодой человек сделал знак, и телохранители разжали руки и отступили на несколько шагов. Парень подошел к Раулю и вперил взгляд в кончик его носа.

— Я вас узнаю. Идемте со мной.

Едва удержавшись от того, чтобы показать охранникам язык, Рауль поспешил за неожиданным спасителем.

— Меня зовут Марко, — представился тот, входя в лифт. — Я личный секретарь мисс Кэмпбелл. Советую вам взяться за поручни.

— Что?.. Почему? — Рауль машинально положил руки на поручни, опоясывающие кабину, и тут пол ушел из-под ног.

Сердце скакнуло к горлу, Рауль на мгновение забыл, как дышать, пока не сообразил, что пол и стены лифта прозрачные. Мозаичный пол вестибюля удалялся, а прямо перед ними раскинулась панорама города.

— Эффектно, ничего не скажешь, — выдохнул Рауль. Сердце продолжало колотиться, как бешеное, и он тщетно пытался его успокоить.

— Да, мисс Кэмпбелл любит смотреть на город с высоты, — отозвался Марко.

Больше он не произнес ни слова, пока лифт не остановился.

— Мисс Кэмпбелл ждет вас в кабинете. — Он указал вперед. — У вас десять минут.

Рауль прошел вперед по устланному белоснежным ковром коридору. Плутать здесь было негде — впереди находилась всего одна дверь с оттиснутой золотом надписью: «Главный редактор Р. Кэмпбелл». Он постучал, и в ответ раздалось раздраженное «Войдите!»

Рауль нетерпеливо толкнул плечом дверь. Хозяйка кабинета расположилась за длинным черным столом, заваленным бумагами. Волосы были склоты на затылке, в углу рта дымилась тонкая сигарета, пепел с которой периодически падал на бумаги, и тогда Ребекка сердито стряхивала его прямо на пол. На вошедшего она обратила не больше внимания, чем на пролетевшую мимо муху.

— Марко, мать твою, я просила тебя подготовить материал по застройке еще вчера, почему ты...

Она подняла глаза и увидела Рауля. Сигарета едва не выпала изо рта.

— Ты какого черта тут делаешь?! — рявкнула она. — Не спится, что ли?!

Не дожидаясь приглашения войти или проваливать, Рауль подошел к столу и оперся на него руками, стараясь не обращать внимания на ноющую боль в ране.

— Свяжись с Санторо. Быстрее.

Ребекка обалдело смотрела на него. Мало кто осмеливался разговаривать с ней в таком

тоне.

— Что?

— Свяжись с Санторо! — Рауль едва удержался, чтобы не повисить голос. — Я знаю, где Амадео. Он в безопасности, но времени мало. Пожалуйста.

Не сводя с него глаз, Ребекка безошибочно ткнула почти истлевшую сигарету в пепельницу и схватила телефон.

* * *

В глаза ударил луч мощного фонаря, и Амадео зажмурился. Он лежал на длинном металлическом столе, руки и ноги были привязаны ремнями. Как он ни силился разглядеть тюремщика, ему это не удавалось — тот оставался в тени.

— Кто ты? — хрипло выговорил он, облизнув пересохшие губы. — Кто ты такой?

— Какая разница, — ответил незнакомый голос. Он шелестел, как сухой лист, как пыль, которую смахивают с подоконника. — Пользы от этого знания тебе не будет.

Похититель подошел ближе, но лица все еще не было видно. Зато в ярком свете блеснула игла шприца. Незнакомец поднял его и слегка нажал на поршень, на кончике выступила прозрачная капля.

— Только что приготовил. — В неживом голосе вдруг послышалась улыбка. — Специально для тебя, мой принц.

— Нет. — Амадео заерзал, пытаясь ослабить ремни, но те лишь сильнее затягивались от его усилий. — Нет, не смей... Не надо!

— Почему же? — Несмотря на яркий свет фонаря, Амадео до сих пор не мог различить лица склонившегося над ним палача. — Тебе понравится. Никаких забот... Никаких проблем... Только блаженство.

— Нет!! — заорал Амадео, когда игла вонзилась в сгиб локтя.

* * *

— Нет...

Ксавьер распахнул глаза и некоторое время лежал, уставившись в потолок. За окном уже начало светать, серый свет наполнял комнату. Боль в груди утихла настолько, что он перестал ее замечать еще вчера — неплохой прогресс. Сегодня наконец-то можно будет обойтись без обезболивающего.

Он осторожно поднялся и прошел в ванную. Открыл кран с холодной водой и как следует умылся, чтобы изгнать остатки кошмара, но перед глазами все равно стояло испуганное лицо Амадео и проклятый шприц с отравой, вонзающийся ему в руку.

По телу пробежала мелкая дрожь, и Ксавьер торопливо схватил полотенце. Сны он перестал видеть давным-давно. Почему сейчас подсознание решило наградить его фильмом ужасов, да еще и с принцем в главной роли? Потому что слишком беспокоится за эту вечно попадающую в неприятности занозу? Вряд ли. Это не первый раз, когда Амадео выводил его из равновесия.

Ксавьер бросил взгляд на стоящий на полочке пузырек. Здесь его оставил Цзинь на

случай, если боль решит вернуться, но со вчерашнего дня Ксавьер не взял ни одной. Честно признаться, иногда откровенно хотелось изгнать боль полностью, чтобы мыслить ясно и четко. Ведь так будет гораздо лучше.

Он усмехнулся в зеркало самому себе в ответ на знакомые уговоры. Но нет, хватит с него. Все равно раны практически не беспокоят, таблетки ни к чему.

В комнате его уже ждал Цзинь. Ксавьер знать не хотел, каким шестым чувством врач уловил, что пациент проснулся — часы показывали шесть тридцать утра.

— Как спалось? — не дожидаясь ответа, Цзинь красноречивым жестом указал на кровать. — Садитесь. Утренний осмотр.

Ксавьер беспрекословно подчинился. Ловкие пальцы пробежали по груди, аккуратно отклеили пластырь.

— Не болит?

— Практически нет.

— Практически? — Цзинь прошел в ванную и принес оттуда пузырек. — Вижу, вы не приняли ни одной. Совсем не беспокоит?

— Можно не обращать внимания. — Ксавьер, морщась, натянул рубашку, стараясь не замечать пристального взгляда врача.

Тот поставил пузырек на тумбочку.

— Если я разрешил вам покинуть территорию особняка, это не значит, что меня не надо больше слушаться. Прежде чем куда-то ехать, выпейте одну.

— Нет. — Ксавьер решительно отодвинул таблетки на дальний край. — Мне они не нужны.

— Когда свалитесь от боли посреди улицы, пожалеете, что не приняли, — парировал Цзинь, обмахиваясь веером. — Вы только-только встали с кровати, находиться на ногах дольше необходимого будет сложно.

— Потерплю как-нибудь.

— Или боитесь привыкания? Здесь слишком малая доза, пейте строго по рецепту, и его не возникнет. Если, разумеется, вы раньше не были наркоманом...

Ксавьер хранил гробовое молчание, и Цзинь все понял. Лисьи глаза расширились, он так треснул веером по ладони, что переломил его пополам. Выражение безмятежности на лице сменилось ужасающей маской китайского демона.

— Черт вас раздери, Санторо, — прошипел он. — Вы полный идиот! Вас пичкают опиатами по самое не могу, а вы скрываете то, что в прошлом сидели на игле!

— Я не думал, что это имеет значение. — Ксавьер зачиркал зажигалкой — знакомый звук успокаивал. — Я не употреблял уже много лет и полностью излечился от завис...

— А знаете ли вы аксиому, что бывших наркоманов не бывает? — продолжал шипеть Цзинь. — Я уважаю вашу сильную волю, но иногда хватает любой мелочи, чтобы человек вернулся к пагубной привычке! А в вашем случае... Вы хоть представляете, сколько наркоты вы получили, пока находились в больнице?!

— И тем не менее я отказываюсь от твоих таблеток! — Ксавьер тоже повысил голос. — Это не показатель того, что стимуляторы мне ни к чему?

— Показатель. — Цзинь стиснул сломанный веер в руке. — Но я бы предпочел обойтись без ненужного риска. Уверен, и вы тоже. Любого человека можно сломать, главное — знать методы.

— Я умею держать себя в руках.

Цзинь молча буравил его взглядом. Затем забрал пузырек, сунул его в рукав ханьфу и направился к двери. Ксавьер мысленно выругался — он и не собирался пить эти чертовы таблетки, но недоверие врача его сильно покорило.

— Амадео, — остановил его Ксавьер. — Принцу не надо об этом знать. Это не имеет никакого значения.

— Я врач, — ответил Цзинь, хмуро глянув на него исподлобья. — И это врачебная тайна. От меня он ничего не услышит. Но вам мой дружеский совет, Санторо: никогда не врите своему адвокату и своему врачу. Остальным можете лгать сколько угодно.

Хрупкий китаец хлопнул дверью так, что со стены сорвалась картина в раме и брякнулась о пол. Ксавьер пошарил по карманам и в который раз пожалел о том, что бросил курить. Но если уж избавляться от зависимости, то сразу. Никаких последних сигарет.

И никаких последних доз.

Он выругался и стиснул кулаки. Как давно это было, он даже успел позабыть о том ужасе, через который пришлось пройти! Если бы не чертов сон, он так и не понял бы, откуда взялось давно забытое чувство, возникающее, когда не принял очередную таблетку. Весь вчерашний день он слонялся по дому, маясь от безделья — Цзинь обещал отпустить его только сегодня. Перебирал книги в библиотеке принца, приводил в порядок его бумаги, отдавал распоряжения по телефону — но чувство, будто чего-то не хватает, не проходило. Но теперь, после разговора с Цзинем, все встало на свои места.

— Ну уж нет, — пробормотал он под нос. — Второй раз я в эту ловушку не попадусь.

— Господин Санторо!

— Что еще? — Он свирепо воззрился на сунувшегося в дверь Йохана.

Телохранитель выглядел до ужаса взволнованным, позади маячил бледный, как смерть, Киан. Ксавьера охватило нехорошее предчувствие. Успокойся, приказал он себе. Все это — признак ломки, только и всего.

— К вам посетитель.

— Кто?

— Грегорио Винченце.

Фернандо Лопес с улыбкой выпроводил последнего гостя и захлопнул дверь кабинета. Черт бы побрал этих просителей, круглые сутки одно и то же. Некоторые наглецы даже звонили ночью с просьбой срочно поставить подпись на каком-то замшелом документе! Проще всего посылать их куда подальше, но Фернандо был не таков. Связи — вот что главное. Связи и товар.

Фернандо прошел к столу и уселся. Ближайшие полчаса его никто не побеспокоит, он особо подчеркнул это секретарше, когда выпроваживал последнего прохвоста. Можно наконец уделить время и себе.

Из ящика стола он достал небольшую металлическую коробочку. На ее крышке был выгравирован портрет святого Хесуса Мальверде. Если бы кто-то из сослуживцев увидел этот кощунственный предмет, Фернандо мигом вылетел бы с насиженного места. Покровителю наркоторговцев не место в святой святых борьбы с ядовитым зельем.

Фернандо высыпал немного порошка на небольшую дощечку, которую держал рядом для этой цели, затем визиткой только что покинувшего кабинет просителя разделил наркотик на ровные дорожки. Тонкая стеклянная трубочка подходила куда больше, чем широко распространенные свернутые банкноты — часть порошка застревала между слоев бумаги, а Фернандо любил получать все сполна. С наслаждением собрав трубочкой дорожки одну за другой, он откинулся на спинку кресла и закрыл глаза.

Нос моментально онемел, а значит, поставщик не соврал — товар был отличного качества. По крайней мере, один из лучших, что доводилось пробовать Фернандо. Правда, ходили слухи, что кто-то производит «жемчужный» кокс, но большинство считали это выдумкой — процесс изготовления такого наркотика обходился недешево, и при общем обороте реализовать его было невыгодно.

— А жаль, — пробормотал забалдевший Фернандо. — Я бы попробовал.

Позволив себе полюбоваться мерцающими перед глазами фейерверками еще немного, Лопес решительно выпрямился в кресле. Энергия в нем так и бурлила — впрочем, эффекта не хватит надолго. Но на этот случай запасы у него имелись — все приходящие на поклон наркодельцы считали жестом исключительной вежливости принести товар на пробу.

Еще раз предупредив секретаршу, чтобы его не беспокоили, Лопес достал из ящика, который всегда запирали на ключ, тонкую папку.

Список наркодельцов, с которыми он имел дело. Его поставщики. Его партнеры. Попади этот список в кабинеты парой этажей выше — и Национальный институт по борьбе с наркотиками встанет на уши.

— У всех вас рыльце в пушку, — пробормотал Фернандо. — Все вы не безгрешны, и не вам меня осуждать.

Он прищелкнул пальцами и принялся отмечать галочками, кто из просителей посетил его в этом месяце, а кому следует прижать хвост. С Институтом шутки плохи, а в особенности — с Фернандо Лопесом, далеко не последним человеком в этом муравейнике.

— Отлично, — приговаривал он. — Хорошо. Так, а у тебя поставки идут одна за другой. Надо бы потребовать увеличить долю...

Ритуал прервал стук в дверь. Фернандо глянул на часы, подумав, что забыл о времени,

но нет, прошло всего десять минут.

— Какого черта? — рыкнул он. Впрочем, действие кокаина еще не прошло, и как следует разозлиться не получилось. Поэтому он запер список в ящике стола, сунул ключ в карман и крикнул: — Войдите!

На пороге появился мужчина в темно-сером костюме. Волосы были гладко зачесаны назад, пышные, тщательно уложенные усы обрамляли нижнюю часть лица. Он неуверенно мямл в руках мокрую шляпу — с утра опять зарядил дождь.

— М-можно? — слегка заикаясь, спросил он.

На вид ему было лет тридцать. Может, меньше. Как ни странно, Фернандо не разозлился, хотя на первый взгляд с этого просителя нечего было взять.

— Прошу вас. — Он указал на стул напротив. — Кто вы и зачем пришли?

— Меня зовут Хесус Мальверде, — представился незнакомец, и Фернандо едва не упал со стула. Заметив это, посетитель несмело улыбнулся. — Простите. У всех такая реакция на мое имя. Родителям показалось забавным назвать меня так, и, — он вздохнул и поправил пиджак, — если учитывать, чем я сейчас занимаюсь, они не прогадали.

Фернандо заинтересовался. Возможно, в список добавится еще один пункт. Но вот незадача — он раньше никогда не слышал о наркоторговце по имени Хесус Мальверде. Святому Хесусу поклонялись, иконки с его изображениями носили на шее все кому не лень, лепили на приборные доски автомобилей, использовали как брелоки для ключей, но представляться его именем?

Ладно, не твое дело, одернул он себя. Какая разница, как его зовут, гораздо интересней, о чем он хочет попросить.

— Хорошо, сеньор Мальверде. — Он сложил пальцы домиком. — Зачем вы пришли?

Мальверде оглянулся через плечо, чтобы убедиться, что их никто не подслушивает, затем наклонился вперед и зашептал:

— Мне нужен безопасный аэродром. На сутки.

Просьба не удивила Фернандо, скорее, даже успокоила. Он почему-то посчитал, что этот святой попросит о чем-нибудь странном и трудновыполнимом. Однако за такую услугу он должен будет немало заплатить, есть ли у него такие средства?

— Всего на один рейс, — продолжал шептать Хесус. — Недалеко от границы со Штатами. Награду вы получите более чем достойную.

— Ладно, хорошо, — прервал его Фернандо. — И какую же награду я получу, если обеспечу вам безопасный полет?

Мальверде наклонился ближе. В карих глазах блеснул озорной огонек.

— Как насчет нескольких граммов «жемчужинки»?

Лопес поперхнулся. Такого он точно не ожидал. Все это смахивало на какую-то шутку, и теперь он еще больше уверился, что его разыгрывают. Едва подавив разочарование, он поднялся.

— Сожалею, но ничем не могу вам помочь. Вы явно пошутили, а здесь решаются серьезные вопросы. Всего доб...

Посетитель вздохнул и достал из кармана пиджака небольшой пакетик.

— Так и знал, что мне не поверят. Никто никогда не верит. Не желаете ли удостовериться, что я не лгу, прямо здесь и сейчас?

Фернандо нерешительно замер. Часть сознания продолжала твердить, что это чья-то злая шутка, не может существовать в природе подобной чистоты кокаин, а другая тянулась к

пакетику в нестерпимом желании попробовать и убедиться, что это не так.

— Давайте. — Мальверде протягивал ему пакетик. — Это бесплатно. Вне зависимости от того, согласитесь вы или нет. Но если мы с вами договоримся, получите еще.

Лопес прошел к двери и запер ее на ключ. Руки едва заметно дрожали — так велико было вожделение припасть наконец к легенде.

— Хорошо, — сказал он, стараясь ничем не выдать обуревавшего его желания. — Но если вы меня надули, можете отправляться на все четыре стороны.

Проситель пожал плечами и молча протянул Фернандо дозу.

Дураком Лопес не был, поэтому не стал пробовать кокаин прямо на глазах Мальверде, несмотря на то, что был уверен, что камеры при нем нет — на входе стояли обязательные металлоискатели. Он прошел в прилегающий к кабинету крошечный туалет и там взял пробу.

В мозгу будто взорвалась маленькая атомная бомба. Перед глазами заплясали разноцветные искорки, нос будто сунули в жидкий азот. Фернандо понятия не имел, сколько он простоял, таращась в небольшое зеркало над раковиной, но это было чудесно. Гораздо лучше всего, что он когда-либо пробовал. По всему телу прыгали крохотные ледяные иголки, зрение обрело особую четкость — он мог видеть мельчайшие поры на своем носу, даже не напрягаясь, и это было самое прекрасное зрелище из всех, что он когда-либо видел!

— Что ж, сеньор Мальверде. — он снова опустился на стул и сложил пальцы домиком, стараясь не показывать распиравшего его счастья. — Думаю, мы с вами сработаемся. Когда вам нужен аэродром?

Через десять минут Хесус Мальверде вышел из здания Национального института по борьбе с наркотиками и сел в пыльный автомобиль.

— Как все прошло? — спросил водитель.

— Отлично. — «Мальверде» отклеил пушистые усы и, морщась, потер подбородок. — Ужасно колючие! Будто с ежиком полдня проходил!

Он стянул пиджак и бросил на заднее сиденье. Затем расправил футболку с изображенным на ней штурмовиком из «Звездных войн» и надписью: «А ты записался в имперский отряд?» и скомандовал:

— Поехали, Шон.

— Куда именно, босс? — спросил тот, выруливая на дорогу.

Тот усмехнулся и сунул в рот леденец.

— Встречать гостей.

* * *

Грегорио Винченце сидел на диване в гостиной особняка Солитарио, Паоло уместился у него на коленях. Оба кутались в большой пушистый плед — из дома они уезжали в спешке, времени переодеть пижамы не оставалось. Грегорио не переставал корить себя за то, что оставил Амадео на растерзание бандитам. Как он мог подчиниться и уйти? Но если бы не ушел, тот ужасный человек забрал бы Паоло...

Грегорио крепче обнял сына и уткнулся лицом ему в волосы. Его раздирали противоречия, а человек, сидящий напротив, пугал одним своим видом, отчего легче не становилось.

— Почему сразу не позвонили мне? — спросил Ксавьер. Он едва сдерживал гнев — принц был так близко! А теперь снова придется скакать по следам и надеяться, что они не остыли.

— Амадео звонил. — Грегорио поежился — его все еще бил озноб. — Ваш телефон был недоступен, а с кем-то еще он побоялся связываться.

— И я звонил из больницы, — подал голос Рауль. Он, наклонившись вперед, сидел в кресле напротив. — Вы не взяли трубку.

Ксавьер грязно выругался про себя. Утром он обнаружил полностью разряженный телефон — беспрецедентно! — и убеждал себя, что за ночь ничего не случилось. Ситуация редко выходила из-под контроля, но почему именно сейчас? Он подавил желание разбить стеклянный журнальный столик и в который раз пожалел, что больше не курит.

— Значит, хозяин Матео.

— Да. — Грегорио прикрыл глаза и снова подавил дрожь. — Вы знаете этого человека?

— Неудавшееся партнерство. — Ксавьер повернулся к Раулю. — Есть соображения, куда Амадео могли отвезти?

Тот покачал головой.

— Ваших врагов вам лучше знать. Я... — он прочистил горло. — Я имел дело только с той пятеркой.

Ксавьер барабанил пальцами по подлокотнику кресла. Он уже вытянул из Рауля все, что тот знал. Поначалу он решил, что Амадео похитили из-за Флавио и собирались убить, вдоволь поиздевавшись, но теперь все изменилось. Планировалось ли оставить принца в живых с самого начала, или с бандой связался кто-то еще и предложил выкупить пленника?

Значит, Амадео используют как приманку. Но сколько бы Ксавьер ни перебирал в уме потенциальных врагов, осмелившихся на подобную дерзость, виновника отыскать не мог.

— Какова вероятность, что его снова попытаются вывезти из страны? — спросил он, обращаясь скорее к самому себе, нежели к окружающим.

— Слишком высокая, — отозвалась Ребекка. Она приехала вместе с Раулем и теперь не поднимала головы от смартфона. — Будь это кто-то из местных, нет никакого резона посылать за Амадео Хендриксонов. Братья уехали несколько лет назад и больше не появлялись. Вполне возможно, они спелись с кем-то за границей и решили вновь показать носы. Штаты, Мексика. Очевидно, надо искать там.

— Тогда я вылетаю в Мексику. — Ксавьер поднялся. — Немедленно.

— С вашими ранами далеко вы не уедете, — подал голос Цзинь.

— Полетишь со мной. — Ксавьер с трудом сдержался, чтобы не рывкнуть на врача. — Рауль, твой картель обеспечит мне защиту. Как и было условлено в прошлый раз.

Тот неуверенно кивнул.

— Хорошо, но не слишком ли вы полагаетесь на опальную группировку? Хочу напомнить, что сейчас Гальярдо в Мексике едва ли не символ предательства.

— Лучше так, чем остаться без защиты вообще, — отрезал Ксавьер. — Ребекка, свяжись с Мигелем. Потребуется любая помощь, даже этого клоуна.

— У нас нет доказательств того, что Амадео увезут туда. Ты слишком спешишь.

— Я достаточно сидел и ждал. Хватит с меня бездействия. Если есть хоть небольшая вероятность того, что Амадео там, я все кактусы выдерну, но найду его.

Ребекка прикусила язык. Еще никогда она не видела Ксавьера таким. Чтобы этот хладнокровный человек действовал настолько необдуманно и сам бросался в пасть льву,

пусть даже из-за друга? Несколько лет назад он сорвался на нее, когда по недоразумению Амадео разорвал с ним всяческие отношения, но и тогда продолжал следовать своему плану. Сейчас же он намеревался действовать наобум, и Ребекке это не нравилось. Что произошло, пока он зализывал раны? Почему так неосторожно выставил напоказ свой страх за принца?

Она оглянулась на кутающегося в плед Грегорио Винченце. Он крепко прижимал к себе Паоло, но мальчишка отнюдь не выглядел испуганным, наоборот, изучал все вокруг с живейшим интересом. Сам же Грегорио выглядел так, будто вот-вот хлопнется в обморок. Ребекка только что изучила его файл, который прислал Марко: мелкий бизнесмен из Мексики, после чудовищной смерти сына переехал сюда. Пускай история ужасала, но ничего подозрительного. Знакомство с ним Амадео — чистая случайность, равно как и то, что он оказался другом Рауля.

Рауль... Ребекка хмуро глянула на него. Сводный брат Энрике Гальярдо, стукача Наркоконтроля. Насколько можно ему верить? Тогда, в больнице, она дала слабину, но теперь ее вновь одолели сомнения. Пусть он и утверждал, что к бизнесу брата всегда относился прохладно, что могло ему помешать затеять сейчас закулисную игру? Нет, Ксавьер определенно торопился лететь в Мексику.

— Дай мне немного времени, — сказала она. — Полдня, не больше.

— Зачем?

— На подготовку. Сам просил связаться с Мигелем. Там его район, пусть он решит, как лучше действовать.

Ксавьер скривился, но промолчал. Голова немного остыла, и он снова мог соображать здраво. Вспышки, подобные этой, заставляли чувствовать себя неудобно. Все дело в обезболивающих, которыми его накачивали в больнице? Чем не та же наркота, с которой он слез много лет назад? Ощущения были настолько схожими, что он едва не запаниковал.

Успокойся, приказал он себе. Ты просто беспокоишься за принца, который снова ускользнул из-под носа. Когда Грегорио Винченце появился на пороге, Ксавьер, выслушав его сбивчивый рассказ, немедленно отправил Киана в его дом, но к тому времени там уже никого не было. Братья Хендриксоны и Амадео испарились. Ксавьер приказал следить за дорогами, ведущими из города, но это ничего не дало. Он опоздал.

Снова, к чертям, опоздал!

Он глубоко вдохнул и выдохнул. Цзинь с подозрением косился на него, но молчал. Пока молчал. Ксавьер знал, что врач не преминет высказать свои претензии позже, он и сам понимал, что ведет себя совсем не так, как обычно. И виной тому не только тревога за принца.

— Действуй, как считаешь нужным, — сказал он Ребекке.

* * *

— Что, нравится тебе быть убийцей? — усмехаясь, спросил Флавио.

Он сидел напротив, на запястьях виднелись ярко-красные следы от веревок. Соломенная шляпа на голове едва слышно подрагивала, когда на поля падала очередная капля из бутылки, закрепленной над головой.

— Я тебя не убивал, — ответил Амадео, но из горла не вырвалось ни звука. Он потер шею и нащупал рваную рану.

По пальцам заструилась кровь, крупные капли с громкими шлепками падали на пол. Ноги подогнулись, Амадео упал на колени, судорожно пытаясь вдохнуть, но становилось только хуже, воздуха катастрофически не хватало. Флавио подошел и поставил ногу ему на спину.

— Теперь узнаешь, каково быть жертвой.

Амадео вздрогнул и проснулся. В висках стучал молоток, дыхание с хрипом вырывалось из горла, он в панике шарил перед собой руками, надеясь выбраться из кошмара, но что-то удерживало его на месте, не давая двинуться вперед. Пальцы наткнулись на чью-то одежду, и он запаниковал еще больше. Клаустрофобия накатывала удушающей волной, но он вовремя заметил свет впереди.

Лампочка над приборной панелью освещала человека в наушниках, сидящего к нему спиной. Будто сквозь толстый слой ваты пробивался равномерный гул. Он становился громче по мере того, как к Амадео окончательно возвращался контроль над мыслями, паника отступила, но вместо нее пришел страх.

Он в самолете.

Он выпрямился в кресле, к которому был небрежно пристегнут ремнем безопасности, и огляделся. За исключением места пилота, кабина была погружена в темноту, снаружи царилась ночь. Когда глаза привыкли к темноте, он разглядел напротив бесформенную грудку. Судя по размерам и доносящемуся храпу, это был Генри Хендриксон, и именно за него Амадео в панике схватился. С отвращением вытерев ладони о штаны, он осторожно откинулся на спинку, стараясь не потревожить раны.

Рядом кто-то зашевелился.

— Что, выспался? — произнес сонный голос. Томас. — Глубокая ночь, спал бы себе и спал...

— Действие наркоза закончилось, — съехидничал Амадео, пытаясь грубостью прогнать охвативший его страх. Его снова куда-то переправляют, как тюк с контрабандой. — Надо было бить сильнее.

— Радуйся, что Генри не проломил тебе череп. — Томас зевнул и выпрямился в кресле. Он кутался в тонкое одеяло, светлые волосы были взъерошены. — Обычно он силу не рассчитывает.

— Не хватает мозгов, — буркнул Амадео, успокаиваясь. По крайней мере, его не убили сразу. Как он и предполагал, кому-то нужно видеть его живым.

Вместо того чтобы разозлиться, Томас тихо рассмеялся.

— А ты прав. Умом мой братец с детства обделен. Не обижайся на него, иногда он бывает вспыльчивым.

— Особенно когда дело касается детей, — ядовито отозвался Амадео и отвернулся к окну.

Непродолжительное молчание.

— Я не разделяю его увлечений, — виновато сказал Томас. — Но кровь — не вода, он все-таки мой брат.

— Это его не оправдывает, — оборвал Амадео. — И тебя тоже. Кровь ничего не значит. Ты знаешь, что он — мерзкий человек, но даже не делаешь попыток ему помешать. Ты ничем не лучше него.

Томас молчал. Амадео смотрел в непроглядную темноту, гадая, где ему предстоит приземлиться, и отгоняя подальше единственно возможный вариант.

Вскоре Генри заворочался и выпрямился во весь рост, стукнувшись головой о крышу кабины. Издав громогласное «Ых!», потер макушку, зажег свет и с широкой ухмылкой уставился на Амадео.

— Как спалось нашему принцу? — осведомился он.

Амадео не удостоил его ни ответом, ни взглядом, методично наркучивая волосы на палец.

— Что, до разговоров с простолюдинами не опускаешься? — Генри ощутимо пнул его в лодыжку, и Амадео скривился. — Ладно, делай, что хочешь, недолго тебе осталось сидеть на троне.

— Успокойся, Генри. — Томас свернул тонкое одеяло и бросил на пустующее сиденье напротив. Затем покосился на Амадео, на котором из одежды были только штаны, и передумал. — Держи. Тут не курорт.

Амадео не стал возражать и завернулся в одеяло. Генри все так же буравил его злобными голубыми глазками, но молчал.

— Скоро приземлимся, — обнадежил Томас. — Если надо в туалет или еще куда — сбегай, потом снова в полет. Сбежать не пытайся — некуда, аэродром заброшен. До ближайшего жилья дофига топтать придется, в твоем состоянии не дойдешь.

— А если попытаешься — вернусь и приберу к рукам того мальчонку, — пробасил Генри и ухмыльнулся во всю ширь. — Он мне приглянулся.

Амадео охватила ледяная ярость. Он без промедления вышиб бы Генри мозги и даже не поморщился. Подобное чувство он уже испытывал, когда пытал Флавио. Никаких эмоций, только холод внутри, заставляющий измываться над жертвой снова и снова. Он издал глухой смешок, и Генри воззрился на него, не понимая, что именно услышал. Даже Томас, занявшийся чисткой пистолета, оторвался от своего занятия.

— Однажды, Генри, я рассчитаюсь с тобой за все. За Тео. За угрозы Паоло. За всех мальчишек, что ты замучил или продал за свою жизнь. И поверь: расплата будет далеко не из приятных.

Голос Амадео был мягким, спокойным, но в глазах старший Хендриксон прочел свой приговор. Первый порыв выбить красавчику зубы исчез так же быстро, как появился, Генри откинулся в кресле, стараясь держаться как можно дальше от психованного пленника, и уставился в окно. До конца полета он больше не произнес ни слова.

Как и говорил Томас, самолет вскоре приземлился для дозаправки. Напрасно Амадео ждал, что сможет как-нибудь подать сигнал о том, что его похитили — укатанная полоса, еле освещенная парой-тройкой фонарей, пустовала. Неподалеку виднелся сарай, в котором, по всей видимости, хранились запасы топлива — Генри и пилот, которого Амадео толком не разглядел, выбрались из кабины, впусив внутрь холодный воздух, и направились туда. Томас сунул пистолет за пояс и прыгнул на землю.

— Пошли, — позвал он. — Натырим сухпайка и воды. Сортир там же. Лететь еще долго, так что советую воспользоваться.

— Где мы? — Амадео, кутаясь в одеяло, ступил на землю, и холодный жесткий ветер взметнул волосы, бросив их в лицо.

— Где-то на северах. Где конкретно — не спрашивай, я не ориентируюсь. Это уже вторая посадка, первую ты проспал.

Амадео выругался про себя и пошел следом за Томасом, чувствуя, как сухая земля впивается в голые ступни.

Позже он, дрожа от холода, наблюдал, как Генри и пилот заправляют самолет. Теплее не стало, ветер все так же безжалостно хлестал по лицу. Стараясь не замечать его, Амадео сосредоточился на самолете. Небольшой, двухмоторный — внутри поместится максимум пятеро, не считая пилота. Из-за больших окон клаустрофобию кабина не вызывала — и на том спасибо. Корпус выкрашен в синий и белый цвета и выглядит отлично, несмотря на то, что модель достаточно старая — когда-то, в далеком детстве, Амадео пытался склеить такой вместе с Кристофом, но быстро потерял интерес.

— Как называется этот самолет? — спросил он пилота, забираясь в кабину.

— «Пайпер Сенека», — ответил тот, уставившись на приборы и щелкая тумблерами. — Что, хороша птичка?

— Очень, — Амадео пытался разглядеть пилота, но не мог — наушники и микрофон закрывали половину лица.

— Давай уже. — Генри подтолкнул его в спину. — Холодрыга!

— К полету готов! — крикнул пилот, и кабину наполнил гул. — Пристегните ремни и не курите в салоне!

Генри разочарованно хмыкнул и прилип носом к стеклу. Томас устроился рядом и закрыл глаза, намереваясь хорошенько выспаться. Амадео же смотрел в затылок пилота и никак не мог понять, что не давало ему покоя.

* * *

— Стрит! — радостно рявкнул Генри, бросая карты на откидной столик.

— Две паршивые пары, — разочарованно отозвался Томас. — Я так тебе все сигареты проиграю.

— Ага. — Генри протянул лапищу, чтобы загрести выигрыш, но на нее шлепнулся веер карт.

— Стрит-флэш, — без всякого выражения сказал Амадео, не глядя на Генри. — Выигрыш мой.

Генри едва не поперхнулся от возмущения.

— Да как тебе все время удается меня обставить?! — взревел он. — Ты шулер, совершенно точно шулер!

— Угомонись, — оборвал его Томас. — Забыл, с кем играешь? У этого парня точек казино больше, чем у тебя волос в носу.

Амадео равнодушно пожал плечами. Сыграть в покер предложил Томас, и Генри подхватил инициативу. После некоторого колебания Амадео тоже взял засаленные карты в руки — между дозаправками проходило часа три-четыре, и делать было решительно нечего. Но сосредоточиться на игре ему никак не удавалось — напрягала близость Генри, его каменная физиономия, маленькие злобные глазки. Амадео никак не мог отделаться от мысли о его грязном бизнесе и то и дело скользил взглядом по ремню безопасности, небрежно переброшенном через сиденье, представляя, как черная лента впивается в шею Генри.

Видения вновь становились слишком реальными, и он с тоской подумал о таблетках. Они хотя бы позволяли нормально спать, но вскоре после похищения кошмары вернулись. В полубреду от приступов паники, во сне, где угодно, его преследовал окровавленный Флавио

либо картины страшных пыток. И гораздо хуже стало после того, как он оказался в компании Грегорио и Паоло — страх того, что он может причинить им вред, вновь пробудил паранойю.

— Флэш. — Он бросил карты на столик и отвернулся к окну, не слыша ругательств Генри.

Через два часа они сделали остановку — бак был почти пуст. На востоке занималась заря, что также послужило аргументом для привала — лететь днем было опасно. Пилот держался как можно ниже, чтобы не попасть в поле действия радара, но так их могли запросто заметить с земли. Ему тоже пора было отдохнуть — с момента похищения прошло уже больше двенадцати часов, и все это время он не отрывался от штурвала, исключая короткие периоды дозаправки. Генри порывался сам сесть на его место, однако резкий окрик Томаса заставил его замолкнуть.

Под неусыпным надзором Генри Амадео прошел в барак, где оказалось несколько раскладушек. Пилот прошествовал мимо, даже не взглянув на пленника, и склонился над умывальником. Воды там не оказалось, и ему пришлось возвращаться к самолету за канистрой. Генри растянулся на раскладушке, вытянув ноги, и не сводил хмурого взгляда с Амадео.

— Чего разлеся? — Томас шлепнул брата по макушке. — К югу отсюда есть городишко, съезди за жратвой.

— Почему я? — набычился Генри.

— А кого я, по-твоему, должен отправить? — рассерженной змеей зашипел Томас. — Может, нашего пилота? Или мне поехать самому и вернуться к трем трупам? Поднял свою задницу и пошел!

Схватив упирающегося Генри за ухо, как нашкодившего школьника, Томас поволок его к выходу. Амадео не мог не подметить, что слова, сказанные им тогда в самолете, задели Томаса — он тоже не был в восторге от бизнеса брата, но ничего не мог с этим поделать. Ругань теперь доносилась еле слышно. Пилот наполнил умывальник и теперь, отфыркиваясь, приводил себя в порядок. Закончив, разложил раскладушку, пристроив ее в дальнем углу, и вытянулся во весь рост. При свете тусклой лампочки Амадео наконец смог рассмотреть его лицо: худое, с синевой на щеках, оно казалось ему знакомым, но когда и где они встречались, он вспомнить не мог.

Лампочка несколько раз мигнула, и пилот выругался, костеря барахлящий генератор. Амадео застыл на месте, пораженный. Он впервые увидел это лицо в таком же тусклом свете, то появляющееся, то исчезающее, то размытое, то четкое.

И помыслить не мог, что когда-то увидит его вновь.

— Если мангуста зажать в угол, ему ничего не остается кроме как драться, — негромко произнес он. — И в конце концов он перекусывает шею змеи.

Впервые за все время пилот посмотрел прямо на него. На скулах играли желваки, глаза не отрываясь буравили Амадео.

— Кто ты? — спросил он.

— Вы знаете, Лоренцо. — Имя всплыло в памяти без особого труда.

— Кто ты? — повторил пилот на полтона ниже, глаза изумленно распахнулись. Он узнал. — Не может быть, чтобы это был ты!

Амадео молча кивнул. Человек, который помог ему выжить во время изнурительного путешествия в трюме корабля, соскочил с раскладушки и в два шага оказался рядом. Он

схватил Амадео и вертел из стороны в сторону, не в силах поверить увиденному.

— Парень, — наконец выдохнул он. — Да как же... Как тебе это удалось?

— Что именно, Лоренцо, опять попасть в плен? — Амадео невесело улыбнулся. — У меня особый талант.

— Да я не о том! — Лоренцо затряс кудрями. — Как угораздило встретиться снова? Я-то считал, тебя уже продали в рабство или чего похуже...

— Когда-нибудь расскажу подробней. Лоренцо, — Амадео стиснул его плечи, — мне нужна ваша помощь. Как давно вы знаете братьев Хендриксонов?

— Этих-то? — Лоренцо глянул в сторону двери и презрительно сплюнул. — Да вообще не знаю. Я наемный пилот, вожу контрабанду туда-сюда, из Мексики, в Мексику... Иногда людей нелегально переправляю через границу, за то и платят. После того как нас тогда с корабля выкинули, меня на плантацию отправили, в Синалоа. А я ж раньше пилотом был, вот меня и заприметили и подрядили на эту работу. А что с тобой-то случилось? Вроде к боссу везли, как ты выбрался? Или сбежал?

— Нет. — Амадео усмехнулся. — Последовал вашему совету и лишил змею головы.

Лоренцо восхищенно присвистнул.

— Как знал... Вот как знал, разглядел в тебе что-то! Говоришь, помощь моя нужна? Сбежать собираешься?

Амадео кивнул.

— Ну знаешь... — Лоренцо присвистнул. — Сейчас мы в Штатах, аэродром на отшибе, до ближайшего жилья миль двенадцать или тринадцать на юг. Сдается мне, именно туда сейчас и собирается тот громила.

Амадео бросил взгляд в сторону двери. Перепалка между братьями продолжалась на повышенных тонах.

— Тут развалюха стоит в гараже, — пояснил Лоренцо. — Я на этом аэродроме частенько базируюсь, местечко спокойное. Иногда приходится пережить бури, для того и тачка — до ближайшего города добраться, чтоб не голодать в ожидании. Но ключи громила вряд ли оставит в замке зажигания. Хочу заметить, у нас время поджигает, как стемнеет, полетим дальше.

— Тогда мне нужно выбраться сегодня, — перебил Амадео. — Пока нет Генри, иначе он не позволит мне сбежать.

— Черт. — Лоренцо почесал кудрявую голову. — Задачку ты мне задал, парень... Ладно, я что-нибудь придумаю. А пока веди себя смирно.

За дверью взревел мотор, и Лоренцо змеей скользнул на свою раскладушку. Мгновением позже в барак вошел Томас. Бросив подозрительный взгляд на Амадео, он плюхнулся на место Генри.

— Поспи, — сказал он. — Вечером летим дальше.

— К кому вы меня везете? — спросил Амадео.

Томас пожал плечами.

— Какая разница? За тебя хорошо платят, а остальное мне неинтересно. Будь хорошим мальчиком и дай мне получить свои бабки.

— Полагаю, повесить цену мне не удастся?

Томас хмыкнул.

— А ты любопытный парень, Солитарио. Если бы я имел намерение торговаться, то сначала связался бы с твоим другом, который так чувствительно пнул меня под зад. Но нет, я

принципиально не стал этого делать. Надо же как-то щелкнуть его по носу за то унижение, что он заставил меня пережить.

— Все-таки для вас есть что-то в этом мире важнее денег.

Томас расхохотался.

— Однако ж! Ты прав! А теперь тебе лучше заткнуться и поспать. Завтра доставлю тебя заказчику в лучшем виде.

Он достал из-за пояса пистолет и принялся его чистить. Амадео, поняв красноречивый намек, разложил раскладушку и улегся лицом к стене. Томас некоторое время изучал его испещренную шрамами спину, затем склонился над оружием.

* * *

Спустя некоторое время Лоренцо заворочался.

— Черт, вот только ляжешь удобненько, как тут же припрет, — прокряхтел он, садясь. Томас не обратил на него ровным счетом никакого внимания, продолжая заниматься пистолетом.

Лоренцо поднялся и протопал к выходу, по пути как следует запнувшись о раскладушку Амадео. Тот повернулся, сонно хлопая глазами.

— Простите, — буркнул Лоренцо, быстрым взглядом указывая на дверь. — Я в сортир шел, спросонья не заметил.

— Ничего. — Амадео потер глаза и уселся, скривившись — жесткая ткань раскладушки потревожила раны. — Мне тоже не помешает. Томас, мне нужно в туалет.

Тот поднял глаза от оружия.

— А чего спрашиваешь?

— Я вроде как ваш пленник. Неужели можно без конвоя?

— Да иди уже. — Томас фыркнул. — Все равно бежать тут некуда. Только не задерживайся, или я выйду на тропу войны.

Амадео молча последовал за Лоренцо, гадая, что же тот задумал. Деревянный сортир располагался сразу за баракком. Лоренцо шел, почесывая спину, и беспрестанно кряхтел, но как только дверь барака пропала из виду, он огляделся и схватил Амадео за плечо.

— Вон та дорога ведет к городу. Но скоро вернется громила, будь осторожен. Вообще по-хорошему лучше дождаться ночи, но прятаться тут негде — вмиг отыщут. Поэтому не теряй времени и топай, держись обочины, а если увидишь ржавый джип...

— Спасибо, Лоренцо. — Амадео торопливо кивнул. — Спасибо за помощь, я обязательно найду вас, когда выберусь.

— Да забей. — Лоренцо отмахнулся. — Тебе бы самому свалить, у тебя же сынишка есть, если не ошибаюсь?

Амадео кивнул.

— Вот и думай в первую очередь о нем, а я сам о себе позабочусь. Шлепай, пока блондинчик не спохватился. И удачи тебе.

Амадео обеспокоенно глянул на барак.

— Но вас же убьют, если узнают, что вы мне помогли...

— Не проблема. — Лоренцо схватил с земли какую-то деревяшку и бросил ее Амадео. — Бей прямо по башке, не бойся, черепушка крепкая.

Амадео нервно сглотнул, сжимая в руке импровизированное оружие.

Через минуту он уже бежал прочь от аэродрома, напряженно вслушиваясь в тишину.

* * *

— Я все еще считаю, что это неудачная идея, — в который раз повторил Цзинь, выходя вслед за Ксавьером из здания аэропорта и прикрывая глаза рукой от яркого солнца.

— Твое дело — следить за моим здоровьем, — огрызнулся Ксавьер. — Об остальном тебя не спрашивают.

Цзинь не обиделся. Он прекрасно понимал, чем вызвано состояние Ксавьера, и дело было не только в воздействии лекарств. От Амадео не было никаких вестей, принц снова пропал так, будто не существовал на свете, и эта неизвестность мучила Ксавьера куда сильнее наркотической зависимости.

Цзиня, как и многих, поначалу удивляла эта привязанность — Ксавьер Санторо совсем не выглядел как человек, способный на подобное. Но чем больше Цзинь проводил в доме Амадео, тем больше понимал, что принц вызывает чувство глубокой преданности практически у всех, кто его окружает. Его уважали даже конкуренты, и открытых конфликтов он всегда избегал.

Что, однако, не помешало ему влипнуть в такую поганую историю.

Цзинь клятвенно пообещал себе, что собственноручно убьет принца, если тот вернется живым.

Позади шли Йохан и Киан. Йохан слегка прихрамывал — нога еще не зажила, но руку он с перевязи снял. Без оружия оба ощущали себя голыми, но чтобы выправить необходимое разрешение на ввоз, требовалось время, а его не оставалось. Рауль пообещал, что лично снабдит их пушками. Сам же он шел рядом с Ксавьером, неподалеку маячил Хесус, без умолку трещащий по телефону. Ему удалось в рекордные сроки выправить для Рауля новый паспорт взамен утерянного, и несмотря на всю свою неприязнь, Рауль вынужден был признать, что пользу помощник приносит колоссальную.

— Тачки на парковке, босс, — доложил Хесус, наконец опустив трубку в карман.

— Отлично. — Рауль повернул налево, вся компания последовала за ним.

Разместившись в двух автомобилях (Ребекка осталась недовольна тем, что ей не позволили ехать с Ксавьером и Раулем, и довольствовалась Кианом), они направились к резиденции Гальярдо. Ксавьер запомнил особняк мрачным, но суетным, под стать хозяину Энрике Гальярдо, но сейчас тут царило явное запустение — Рауль не слишком добросовестно выполнял свои обязанности, и охрана слонялась туда-сюда по территории. Даже при виде машины босса они продолжали вести себя так, будто ничего не произошло.

— Извините за бардак, — смущенно произнес Рауль, когда они вошли в холл. — Я никогда не любил бизнес брата и понятия не имею, что мне нужно делать. Организатор из меня никудышный.

— Я заметил, — отозвался Ксавьер. Внутри все осталось таким же, как при Энрике. Он с досадой подумал, что этот особняк мог бы стать его могилой, не вспыхни тогда так кстати бунт, организованный Мигелем. Не хотелось признавать, но этот шут гороховый иногда оказывался полезен. И товар у него действительно высшего качества. Некоторые поставщики пытались обмануть Ксавьера, отправляя на анализ чистый наркотик, а затем поставляли

разбодяженную туфту, с ними он тут же разрывал отношения без права на реабилитацию. Всего несколько лет назад он преподавал бы им хороший урок, но Амадео вечно твердил, что жестокость не всегда играет на пользу.

Амадео. Ксавьер стиснул зубы. Жив ли еще принц, или он приехал в Мексику за телом? Он пинком отогнал непрошенные мысли. Нужно исходить из того, что с Амадео все в порядке, других вариантов допускать нельзя. И потребуются гораздо больше власти, чем у него сейчас есть, чтобы найти принца в этой незнакомой и опасной стране. В прошлый раз Ксавьеру повезло, но сейчас на везение рассчитывать не стоит.

— Ваша комната. — Рауль открыл дверь. — Хотел бы я сказать, что здесь вам ничего не угрожает, но вы же видели...

— Видел. — Ксавьер не стал никак комментировать поведение охраны. Это не его картель, не его ответственная зона.

Мелькнула какая-то мысль и пропала. Ксавьер тщетно пытался ухватить ее за хвост, но подоспевший Цзинь позволил ей окончательно скрыться. Врач бросил чемодан на кровать и возвестил:

— Шикарные апартаменты! Полагаю, здесь жил ваш брат?

— Верно. — Рауль смутился. — Если вас не устраивает, я могу предложить вам...

— Устраивает. — Ксавьер прожег Цзиня взглядом. — Какого черта ты делаешь в моей комнате?

— Я ваш врач. — Цзинь не моргнув глазом начал распаковывать чемодан. — И должен всегда быть при пациенте. Если вам это не нравится, напишите жалобу в министерство здравоохранения, но вряд ли чего-то добьетесь.

Подавив раздражение, Ксавьер стянул пиджак и открыл окно. Шел дождь, и Рауль объяснил, что в это время года он льет постоянно.

— Поэтому я так не хотел ехать. — Он грустно улыбнулся. — Ненавижу влажность. Да и моя сестра... — Он осекся. — Располагайтесь, через полчаса встретимся в столовой.

Он ушел. Ксавьер продолжал стоять у окна. Внизу сновали охранники, получившие взбучку от Хесуса, загоняли автомобили в гараж, закрывали ворота. Любопытно, почему они не слушаются своего непосредственного хозяина? Видимо, Энрике Гальярдо и правда был большим авторитетом, чем его младший брат.

Мысль, так резво ускользавшая от него несколькими минутами ранее, решила вернуться. Сначала блеклая и нечеткая, она постепенно вырисовывалась в картину, которую Ксавьер послал бы к черту еще несколько дней назад. Но сейчас ситуация изменилась. Он должен найти принца, и даже если ради этого придется пойти на такой рискованный шаг, он это сделает.

Он отвернулся от окна, и Цзинь подозрительно нахмурился, увидев выражение его лица.

— Что вы задумали? — спросил он.

— Почему ты решил, что я что-то задумал? — вопросом на вопрос ответил Ксавьер.

Врач отставил чемоданчик в сторону, положил сверху новый веер и скрестил руки на груди.

— Вы улыбаетесь.

Амадео больше часа брел по пыльной дороге. Несколько раз ему приходилось нырять в канаву у обочины, когда слышался шум мотора. Одной из этих машин наверняка управлял Генри, а попадаться ему под горячую руку было равносильно смерти. Чем скорее он доберется до города, тем лучше, но осторожность не повредит.

Солнце жарило немилосердно, и вскоре Амадео уже едва переставлял ноги, с тоской вспоминая пронизывающий холодный ветер, который так тогда ненавидел. Его мучила жажда, пот заливал глаза и жег раны на спине. Ужина у Грегорио оказалось недостаточно, чтобы восстановить силы, а Томас и Генри еды с собой припасли немного, и почти вся досталась последнему.

Но он должен пойти. Обязан. Первым делом — найти отделение полиции и заявить с похищении. Потом... Потом сообщить им координаты Ксавьера. Не может быть, чтобы его телефон до сих пор был недоступен, это, как любил говорить друг, беспрецедентно. С кем-нибудь да свяжутся. Но первым делом он попросит у полисменов воды, а для этого нужно пойти... Идти до города...

Жара отупляла, призывала плюхнуться в пыль и лежать так, пока солнце не сядет, но он продолжал машинально переставлять ноги, стертые в кровь дорожными камнями. И когда спустя десять минут позади раздался гул мотора, он никак не отреагировал, упрямо шагая вперед. Насквозь проржавевший джип обогнал его, поднимая тучи пыли, и, резко развернувшись, затормозил.

— Так-так, — прогрохотал Генри, распахивая дверцу. Та жалобно скрипнула. Рядом на пассажирском сиденье сидел Томас, на лице застыла плохо скрываемая злоба. — Решила совершить утреннюю пробежку, красавица?

Амадео хмуро молчал. Голова кружилась, и он прикусил губу, чтобы не грохнуться в обморок прямо перед этим дуболомом.

— Вижу, ты себе ножки в кровь стерла без туфелек, Золушка, — продолжал измываться Генри. — Не могу пройти мимо и не подвезти. Залезай в машину. Живо.

Томас придал весомости просьбе, передернув затвор пистолета. Всю его доброжелательность как ветром сдуло, взгляд стал ледяным.

— Я долго ждать не собираюсь. Еще одна такая выходка, и я наплюю на инструкции и привезу заказчику твой труп.

Весь его вид говорил о том, что он исполнит свое обещание, поэтому Амадео счел за лучшее не спорить. Борясь с охватившим его разочарованием, он с трудом забрался в джип и тут же, получив сокрушительный удар в челюсть, вылетел обратно на дорогу.

— Богатенький засранец, — шипел Генри, брызжа слюной. — Я устрою тебе веселую жизнь!

Он схватил Амадео за волосы и затащил в автомобиль. Через несколько минут они уже были на аэродроме. Распахнув дверцу, Генри вышвырнул Амадео в дорожную пыль и отправил следом плевков.

— Слышь! — рявкнул он Лоренцо, который заправлял самолет. — Запри его в кабине да свяжи покрепче. Сбежит еще раз — вздерну тебя на столбе за причиндалы!

Лоренцо с трудом скрыл шок и ужас. Он поднял Амадео на ноги и, громко ругаясь, потащил к самолету.

— Чертов сабгон, я из тебя всю душу вытрясу! Да я тебя не свяжу, я тебя на фюзеляж приклею, так и полетишь до Мексики! Ты...

Он запихнул Амадео в кабину и зашептал:

— Черт, парень, как тебя угораздило попасться?

— Неудачное стечение обстоятельств. — Амадео облизнул сухие губы. Ужасно хотелось пить. — Не переживайте, Лоренцо, я...

— Теперь с тебя глаз не спустят. — Пилот обматывал веревкой запястья Амадео, стараясь затягивать не слишком туго. — Черт, теперь и за мной будут следить в оба глаза!

— Сказал же, не переживайте. — Амадео поморщился. — Было бы это так просто, я уже давно оказался бы дома. Но попытаться стоило.

— Эй! — Генри грохнул кулаком по дверце кабины. — Долго ты там возиться будешь?

— Иду я! — рявкнул в ответ Лоренцо и снова понизил голос. — Как доберемся до Мексики, моя работа закончится, и я уже ничем не смогу помочь.

— Вашей вины в этом нет. — Амадео заставил себя улыбнуться, растрескавшиеся губы закровоточили. — Здесь есть вода?

Лоренцо коротко кивнул, достал с переднего сиденья бутылку и приложил к губам Амадео. Напившись, тот благодарно кивнул, а Лоренцо, завинтив пробку, выбрался из кабины. Генри плюхнулся напротив и наградил Амадео зуботычиной.

— Еще одна такая выходка, красавчик, и я лично поеду за тем мальчонкой. А по пути прихватчу и твоего.

Амадео и не подумал убрать улыбку, хотя челюсть ныла, как проклятая. Несколько глотков воды придали ему сил и позволили мыслить яснее. Дон Грегорио и Паоло уже под защитой Ксавьера или его собственных людей, им ничего не грозит. А Тео... Куда же Мигель его увез?

Он запретил себе думать об этом. Тео в безопасности, это все, что нужно знать. А вот у него дела обстоят хуже некуда. Сбежать не удалось, и теперь братья Хендриксоны будут следить за ним с удвоенным вниманием.

Генри похрапывал в кресле, но Амадео больше не пытался сбежать. Через несколько часов Томас сменил брата, а когда стемнело, Лоренцо занял место пилота и поднял «Пайпер» в воздух.

Томас угрюмо молчал, уткнувшись в окно. Генри же злорадно лыбился во все тридцать два зуба и вслух строил планы, как именно отделает Амадео по прилету, пока Томас не пнул его в колено. Тот хотел было нарычать на брата, но, поймав злобный взгляд, счел за лучшее заткнуться. Амадео ругал себя последними словами, что предпринял эту дурацкую попытку. На что он рассчитывал? Пусть Генри и был тупым амбалом, но Томас думал за двоих. И только-только начавшее зарождаться доверие сломалось, как карточный домик.

Полет до последнего пункта назначения оказался недолгим. Вскоре шасси коснулись земли, и Томас первым выпрыгнул из кабины. С Амадео он так и не заговорил и поспешил к мужчине, который ждал его у края посадочной полосы. Генри с ругательствами вытолкнул Амадео из кабины и выпрыгнул следом, Лоренцо остался внутри. Амадео подавил желание обернуться, опасаясь выдать пилота, и похромал к Томасу.

Подходя, он услышал, как Томас говорил собеседнику:

— Живой, как и договаривались. Правда Генри его слегка потрепал, но это уж вам надо было отдельно с ним договариваться на отсутствие увечий.

— Чтобы вы знали — я не очень этим доволен, — отозвался мужчина, и Амадео застыл на месте. Он знал этот голос.

— Чего встал? — Генри ткнул его между лопатками, и Амадео, не удержавшись на ногах, полетел на землю.

— Сеньор Хендриксон, я настоятельно рекомендую обуздать вашего брата, — сказал все тот же голос.

Ошибки быть не могло. Амадео отбросил волосы с лица и снизу вверх уставился на заказчика.

Дорогие ботинки, темно-серый костюм. Ослепительно белая рубашка. Зачесанные назад волосы. Карие глаза, в которых всегда скакала смешинка. Спокойная улыбка. Амадео никогда не видел его таким, поэтому некоторое время не мог сопоставить знакомый голос и человека, стоявшего перед ним.

— Bienvenido a Mexico, Амадео Солитарио, — произнес Мигель Гарсиа.

Корнелиус уже полчаса занимался его спиной, кропотливо обрабатывая полосы от хлыста, царапины и ссадины, зашивая многочисленные порезы, но Амадео едва замечал его. Все внимание было сосредоточено на человеке, который сидел в дорогом кожаном кресле и вертел в руке телефон с Хитрым койотом на крышке.

Едва Амадео увидел Мигеля там, на аэродроме, как внутри все заледенело. Не верилось, что похищение организовал именно он, никак не вязался образ дурашливого подростка с этой хладнокровной мексиканской акулой. От того Мигеля, которого он знал, не осталось и следа, и до конца Амадео осознал это по пути в его резиденцию.

Только Мигель знал, где сейчас Тео.

Занятый собственным безумием, Амадео и не задумывался, с чего так доверяет Мигелю. Конечно, он спас Ксавьера от тюрьмы и мести картеля Гальярдо, но не стоило забывать, что подставу для последнего организовал именно он и тем самым подверг опасности и Ксавьера. Амадео не понимал этого человека, не понимал, какую закулисную игру он ведет! И слепо доверил ему самое дорогое, что у него было.

Мигель отлично знал, о чем он думает. Оставив телефон в покое, он наконец взглянул на Амадео. Ни следа веселости, ни безбашенности — донельзя серьезный бизнесмен. Отличную же маску он себе придумал. Так одурачить всех!..

— Вы меня сейчас на месте испепелите, Амадео. — Мигель закинул ногу на ногу. — Если бы взгляды могли убивать... Полагаю, вы сейчас задаетесь только одним вопросом, несмотря на то, что должна быть как минимум дюжина.

Амадео стиснул покрывало на кровати так, что костяшки побелели. Горло перехватило от ярости, он не мог выдать ни звука.

— Ваш сын в безопасности, — продолжал Мигель. — Я не собираюсь держать ни его, ни братьев Торрес в заложниках, не стоит на меня так смотреть.

— Я вам не верю, — хрипло произнес Амадео.

Мигель не расстроился.

— Резонно. Мы мало знакомы, иначе вы знали бы, что я жуть как не люблю вовлекать в свои дела тех, кто не имеет к ним отношения. Когда я предложил отправить вашу семью в безопасное место, я именно это и имел в виду. Не хотел, чтобы они пострадали.

— Я вам не верю! — крикнул Амадео, вскакивая. Корнелиус возмущенно запыхтел. — Вы водили за нос Ксавьера, меня, да всех вокруг, с чего мне знать, что вы не лжете сейчас?!

Мигель коснулся экрана телефона и вытянул руку вперед.

— Убедитесь сами.

Амадео таращился на Койота, не понимая, чего на этот раз хочет Мигель. И вдруг услышал из динамика голос:

— Папа!

Не медля ни секунды, Амадео схватил телефон и прижал к уху.

— Мальш?

— Папа! — радостно завопил сын. — Пап, ты где? Пап!

Амадео таращился на Мигеля, не веря ушам, а Тео продолжал звать его, крича во все горло.

— Я... Я тут, малыш, я тебя слышу. Я... Малыш, с тобой все хорошо?

— Конечно, пап! — счастливо рассмеялся сын. — Теперь да!

— Теперь? — эхом повторил Амадео.

— Когда дядя Мигель сказал, что с тобой все в порядке! Папа, ты не ранен? Я так волновался!

— Все хорошо, малыш, все просто отлично. — Амадео едва сдерживал слезы, лед внутри начал таять. — Роза и Дэвид... Они с тобой?

— Конечно, пап, а еще Диего и Рикардо, и тетя Мануэла, и дядя Рамирес, мы все вместе вернулись...

— Куда вернулись?

— Домой, конечно! Мы еще вчера приехали, я так надеялся, что тебя увижу, но... — сын шмыгнул носом.

Амадео удивленно заморгал. Домой? Тео сейчас дома? В ответ на недоумевающий взгляд Мигель кивнул и вскинул руки, мол, я же говорил.

— Я... Я скоро вернусь, малыш. Мне нужно кое с чем разобраться, постараюсь как можно скорее. Я очень тебя люблю.

— Я тебя тоже люблю, пап! Представляешь, кто у нас в гостях? Помнишь, в парикмахерской мы познакомились с Паоло? Так вот, он здесь! И дон Грегорио тоже! Мы все тебя ждем!

Мигель забрал у остолебневшего Амадео телефон и сунул в карман.

— Видите? Я не соврал, ваш сын в полной безопасности. Сейчас ему ничего не грозит, и я прослежу, чтобы не грозило и впредь, пока мы не закончим наши дела.

Амадео без сил опустился обратно на кровать, и Корнелиус снова принялся за дело, что-то бубня под нос.

— Пока не закончим дела? А что потом?

— С вероятностью в девяносто шесть процентов вы вернетесь домой. Четыре процента оставляю на форс-мажор. — Мигель пожал плечами. — Удивительно, как эти цифры совпадают с рецептом «жемчужного» кокаина, не так ли? Ах да, я только что выдал коммерческую тайну. — Он озорно подмигнул, на мгновение вернув себе облик подростка, поднялся и вышел из комнаты.

Амадео уронил голову на подушку и позволил Корнелиусу закончить работу. Он до сих пор не мог поверить, что Тео в безопасности, более того — дома! Смятение усилилось, он все меньше понимал, чего хочет Мигель. Выгодней было бы держать Тео при себе, если он надеялся что-то вытребовать с Амадео, но он отпустил мальчика и всю его семью тоже!

Окончательно запутавшись, Амадео издал тихий стон, но Корнелиус воспринял его по-своему.

— Я почти закончил, потерпите чуть-чуть. Пара швов — и вы как новенький. Снимать не придется, нитки сами рассосутся, но вот насчет шрамов радовать вас нечем — кое-какие останутся на всю жизнь.

— Да, — мрачно ответил Амадео. — Некоторые — на всю жизнь.

Корнелиус сделал вид, что не понял. Закончив, он собрал инструменты и вышел из комнаты, притворив за собой дверь.

— Чего? — Хесусозадаченно смотрел на Рауля сверху вниз. Глава картеля восседал в кресле в кабинете Энрике и, заметно нервничая, перебирал пальцами левой руки разложенные на столе сигареты.

— Что слышал. Объяви о собрании глав картелей. В ближайшее время, скажем, в пятницу.

— Через два дня? — Хесус уже взял себя в руки, но все равно приказ босса выбил его из колеи. — Так быстро вряд ли получится.

— Уверен, ты сумеешь это организовать. — Рауль оставил в покое сигареты и сложил ладони домиком. — Как заместитель Энрике ты показал себя с лучшей стороны, и я надеюсь, твои навыки никуда не делись за время небольшого отпуска.

— Разумеется, нет, — проворчал Хесус. — Но нужна веская причина, чтобы собрать этих людей. Они наверняка не захотят отрываться от дел, чтобы обсудить текущую ситуацию на рынке коки. Все и так осведомлены...

— Я не собираюсь обсуждать цены, — оборвал его Рауль. — Твоя задача — заставить их явиться, а как ты это сделаешь — не мои проблемы. Ты мой заместитель или кто? Придумай способ.

— Вы, должно быть, оба забыли, — Хесус стрельнул недобрый взглядом в Ксавьера, — что наш картель сейчас в опале. Да меня попросту пошлют, а то и вздернут за причинное место за такие предложения!

Ксавьер сидел у окна в кресле, которое было чуть удобнее, чем нужно, и вертел в руке зажигалку. Интересно, как скоро он избавится от этой привычки? Курить хотелось невероятно, сигареты, рассыпанные на столе, то и дело притягивали взгляд. Он с трудом удержался, чтобы не потереть грудь — повязку Цзинь позволил снять, раны заживали, оставив два круглых шрама, но он то и дело безотчетно тянулся к ним в надежде вызвать боль.

Не слушая перепалку Рауля и Хесуса, он мысленно перенесся в летний грозовой день двенадцать лет назад, когда сделал глупость, едва не стоившую ему жизни.

* * *

Нога врезалась Ксавьеру в ребра, кто-то грязно выругался хриплым, прокуренным голосом.

— Хреновы бродяжки, валяются где ни попадя! Да чтоб ты сдох!

Работяга нетвердой походкой пошлепал дальше. Ксавьер проводил его мутным, ничего не выражающим взглядом. Он ничего не ел уже несколько дней, пил дождевую воду, но сил не осталось даже на то, чтобы идти. Ползти? Никогда в жизни. Лучше он упадет прямо здесь и сдохнет наконец.

После убийства Изабеллы и побега от Жаклин прошло два месяца. Он скрывался как мог, тайком пересек границу, прятался по подворотням, чтобы даже случайная собака не унюхала. Все старые связи пришлось разорвать — он не был уверен, что Щипач или кто другой из той братии не сдаст его. Жаклин наверняка объявила награду за его голову — она ни за что не позволила бы невольному свидетелю ее грязного бизнеса остаться в живых. Еще и Изабелла. Сколько бы Ксавьер ни вертел в голове ту ситуацию, он не видел иного выхода. Или ты, или тебя. Впрочем, сожалений по поводу ее смерти он не испытывал. Он вообще

довольно легко отнесся к тому, что отнял жизнь у другого человека. Изабелла не была невинным цветочком, и остановимся на этом.

Сейчас имелись проблемы посерьезней. Ксавьер лежал на асфальте, капли дождя барабанили по лицу, но сил не осталось даже на то, чтобы перевернуться на живот. Хотя какая в этом польза? Разве что захлебнуться в луже, чтобы больше не мучиться.

Кажется, он потерял сознание, потому что в следующий момент почувствовал тепло. Сквозь закрытые веки пробивался неверный пляшущий свет, вокруг слышалось тихое бормотание, в котором преобладали нецензурные слова.

— О, зырь, очухался красавчик. — Кто-то пихнул его в бок. — Не сдох еще?

— Нет, — ответил Ксавьер, с трудом открывая глаза. Голос напоминал скрежет несмазанного механизма.

Посреди небольшого подвала горел костер, вокруг него сгрудились штук двадцать бездомных. Никто не пихался, не толкался, только слышалось все то же тихое бормотание. Из рук в руки кочевала бутылка с каким-то пойлом.

— Садись.

Чьи-то руки подхватили Ксавьера и помогли сесть. Спина протестующе заныла — он слишком долго лежал на холодной земле. Еще стариковскую болезнь не хватало заработать, в двадцать четыре года!

— Держи. — В руки всунули консервную банку с аппетитно пахнущей жидкостью и ошметками мяса. — Выпей супа. Из кролика.

— Откуда здесь кролики? — спросил Ксавьер и сразу понял глупость вопроса. Конечно же, им тут неоткуда взяться. В банке плавали остатки вареной крысы.

С трудом подавив рвотный позыв, он обхватил банку руками в надежде немного согреться. Самое ужасное, что желудок заворочался от голода, учуяв запах съестного, и ему было совершенно наплевать, чем его накормят.

Ксавьер снова заглянул в банку. Желудок готов был выскочить из горла, но крыса... Может, если заткнуть нос...

«Ну уж нет, — подумал Ксавьер. — До такого я не опущусь».

Перед мысленным взором возникла Жаклин, какой он увидел ее впервые на злополучном приеме, когда решил во что бы то ни стало украсть драгоценный браслет. Изумрудное платье, рассыпанные по плечам медные волосы, заразительный смех... Богатая, довольная жизнью, она никогда не страдала от голода настолько, что готова была пообедать крысиным супом. И в силах Ксавьера заставить ее испытать то же, что и он сейчас. Но придется поступиться принципами, сделать то, чего в обычной ситуации никогда бы не сделал.

Чтобы выжить.

Он поднес банку с супом ко рту и несколькими глотками опустошил ее, стараясь думать о крепком, питательном говяжьем бульоне. Бездомный рядом расплылся в улыбке (во рту недоставало большинства зубов, а те, что остались, превратились в черные пеньки, еле различимые в неверном свете костра) и хлопнул его по плечу.

— Молоток! Глядишь, и выживешь. Я, когда тебя нашел, думал, что ты трупак. Ну, добро пожаловать в подземный мир.

Так Ксавьер стал жить среди бездомных. Один несомненный плюс в этом все же был — Жаклин с ее утонченным нюхом тут делать было нечего. Месяцами не мывшиеся оборванцы оказались идеальным прикрытием, и Ксавьер облачался в не имеющие определенного цвета

и воняющие помойкой шмотки и отправлялся воровать. Пришлось вспомнить былое ремесло, но пальцы ловкости до сих пор не потеряли. Правда, большая часть добытых денег уходила вовсе не на еду — подземные жители предпочитали «кроликов» любой другой пище. Все деньги уходили на выпивку и наркотики.

Поначалу Ксавьер сторонился подобных способов расслабления. Пару раз попробовав дешевый портвейн, он наутро просыпался с диким отравлением или ужасной головной болью и с тоской вспоминал дорогой виски, который привык пить у Жаклин. От наркотиков тоже старался держаться подальше. Здесь употребляли невесть что, он даже не слышал таких названий, когда работал с веществами. Никакого экстази, ни ЛСД, ни тем более кокаина — здесь правил бал какой-то отвратительного вида бурый порошок и черные шарики сырого опиума. Чертово средневековье, но оттого не менее кошмарное.

Наступила зима, выживать становилось все труднее — прохожие завернулись в теплую одежду, предпочитая прятать кошельки ближе к телу. По вечерам приходилось согреться отвратным пойлом либо жаться ближе к костру, но там было не протолкнуться. К этому времени бездомные сбивались тесными стайками, и шанс занять место был минимальным.

Однажды, когда Ксавьер устроился в углу, соорудив себе импровизированный шалаш из старого драного одеяла и дырявой куртки, к нему подсел тот самый бездомный, что вытащил его с улицы. Его звали Марвин, и оказался он здесь пятнадцать лет назад, когда приставы забрали дом за невыплаченный кредит.

— Слышь, — вместо приветствия сказал он. — Я тут добыл одну штуку, от холода спасает на раз. Хошь?

— Не думаю. — Ксавьер привычно отгородился от воняющей, которая сопровождает каждого бездомного — сам он старался хотя бы дважды в неделю обтираться мокрой тряпкой, что, впрочем, не особо спасало. Но как еще выжить среди отбросов и не стать одним из них?

— А зря. Расслабляет здорово. — Он протянул Ксавьеру пакетик с коричневым порошком. — Точно не хошь? Даже колоть не надо, просто нюхнуть.

— Как кокс? — лениво протянул Ксавьер.

— Да это лучше кокса! — обиделся Марвин. — Ты проверь! Кокс, он сразу по мозгам шибает и все, а это... это греет, — чуть ли не с благоговением закончил он.

Ксавьер сильно в этом сомневался. Впоследствии Марвин еще несколько раз подходил к нему, и наконец в один особенно морозный вечер Ксавьер принял предложение.

В одном Марвин оказался прав — эта штука ничем не напоминала кокаин. Ксавьер в свое время навидался кокаиновых торчков, и те постоянно были на движухе, словно в задницу им вогнали пяток-десяток иголок. Дрянь, которую приволок Марвин, расслабляла, успокаивала и, как он выразился, грела. Выносить тошнотворную жизнь бездомного стало легче. Через пару недель Ксавьер сам подошел к Марвину и попросил достать чего-нибудь получше, заплатив из той скудной записки, что удалось скопить за долгие зимние месяцы.

И вскоре Марвин принес ему героин.

* * *

Ксавьер услышал голос Рауля. Тот спровадил Хесуса и теперь пытался достучаться до него.

— Думал, вы заснули, — устало сказал он. — Вы хоть слышали, о чем мы тут говорили?

Ксавьер не стал кривить душой.

— Смутно. Задумался о своем.

— Волнуетесь за Амадео? Понимаю. Я тоже беспокоюсь. — Он кашлянул. —

Признаюсь, я к нему привязался, хоть и мало с ним знаком.

— Да. — Ксавьер поднялся и, стараясь не обращать внимания на разбросанные на столе сигареты, прошелся по кабинету. — Принц у многих вызывает такое чувство. Что, тем не менее, не мешает ему попадать в неприятности.

— Скорее, даже способствует. — Рауль вздохнул.

Ксавьер не мог не согласиться. Мягкие методы принца зачастую оправдывали себя, но вместе с тем ошибочно составляли о нем мнение как о слабом противнике, которого можно с легкостью подчинить.

И их дружба на пользу не идет. Ксавьер был на девяносто восемь процентов уверен, что Амадео попытаются использовать против него. Иначе какой резон оставлять принца в живых да еще везти через половину земного шара?

— Хесус соберет глав картелей через два дня, — тем временем говорил Рауль. — Может, вы наконец объясните, зачем это понадобилось? Хотите объявить им войну?

— Нет. — На губах вновь появилась странная улыбка, которая так озадачила Цзиня часом ранее. — Хочу найти принца.

До поздней ночи они с Раулем и Ребеккой обсуждали план действий. Двери охранял Йохан, под открытым окном дежурил Киан — никому из людей Гальярдо не дозволялось приближаться к кабинету. Даже Хесусу, который искренне возмутился такому положению вещей, но в конце концов смирился. Рауль отослал его в город с поручением, и теперь они могли не опасаться, что их подслушают.

Выслушав предложение Ксавьера, Ребекка покрутила пальцем у виска, и Рауль склонен был с ней согласиться. Цзинь угрюмо молчал, не вмешиваясь, но Ксавьер едва ли не физически чувствовал исходящую от него волну неодобрения. Перемену в его поведении Ребекка списала на тревогу за принца и перенесенное ранение, но этот хитрый лис чувствовал и видел все до мельчайших деталей. Не признайся Ксавьер сам, Цзинь наверняка бы уже догадался, чем вызвана вдруг появившаяся нервозность. Врач не давал ни малейших поблажек и в полночь безапелляционным тоном объявил собрание закрытым. Возражать никто не посмел.

Проснувшись, Ксавьер долго лежал, глядя в потолок. Кошмар отступил, но он все еще видел поблескивающую в темноте иглу шприца. Так остро. Так привлекательно. Один укол — и все проблемы рассеются, словно по волшебству...

Он тряхнул головой, отгоняя заманчивое видение. Не время сражаться со своими демонами, когда вокруг полно чужих.

Цзинь без конца пичкал его таблетками, и Ксавьер предпочитал не знать, чем именно. Единственное, от чего отказался — снотворное, поэтому пришлось терпеть кошмары. Но с такой ерундой он справится, не впервой.

Огромный особняк спал — на часах едва минуло четыре утра. Ксавьер оделся и спустился в патио. Даже в темноте дорогу он нашел безошибочно, несмотря на то, что не был здесь очень давно. Хранящий ночную прохладу ветерок приятно овеивал лицо. Недавно прошел дождь, вымощенные бульжниками дорожки поблескивали в свете фонарей. Не дело разгуливать одному даже на охраняемой территории, подумал Ксавьер, но быстро прогнал эту мысль. Здесь было тихо, свежий воздух основательно прочищал мозги, и никто не мешал

как следует поразмыслить.

Уже в который раз он возвращался к плану, который они обсуждали несколько часов назад. Рауль был шокирован, но, в отличие от Ребекки, удивлен меньше, чем Ксавьер рассчитывал. Оно и к лучшему, меньше лишних вопросов.

— Вы впервые ведете себя настолько необдуманно? — только и спросил Гальярдо.

Ксавьер не смог ответить. Он привык рисковать тем, что у него есть, но сейчас, чтобы найти друга, пришлось поставить на кон нечто большее, чем многомиллиардный бизнес.

Он делал ставку на свою жизнь.

— Тебе бы это понравилось, принц, — едва слышно произнес Ксавьер, шаря рукой по нагрудному карману.

— От вредных привычек не так-то просто избавиться, да?

Ксавьер обернулся. Рауль стоял у двери, прислонившись к косяку. Судя по встрепанному виду и кругам под глазами, он почти не спал.

— Вышел покурить, но не буду лишним раз вас соблазнять. Тоже не спится?

— Да. — Ксавьер уставился на блестящие от влаги булыжники.

— Вы неплохо ориентируетесь в доме. Бывали тут раньше?

— Да.

Ксавьер надеялся, что односложными ответами заставит Рауля прекратить расспросы, но не тут-то было.

— Когда? Не помню, чтобы вы приезжали.

— Давно. Больше десяти лет назад.

— Вот как, — протянул Рауль, водя ладонью по мокрым перилам. — Я наверное тогда учился в Штатах. Не думал, что вы так давно знакомы с моим братом.

— Я недолго тут пробыл. Пару месяцев. Потом уехал.

— Любопытно. Энрике никогда о вас не рассказывал. Точнее, я услышал о вас всего несколько месяцев назад, увидел имя в списке партнеров.

— Не о чем рассказывать. Ваш брат помог мне в трудный период жизни и в благодарность я собирался заключить с ним контракт. — Ксавьер ткнул пальцами в перила, гася невидимую сигарету. Чертова мышечная память, чтоб ее... — Мне жаль, что с ним все так вышло.

— Забудьте. — Рауль покачал головой. — Энрике знал, на что идет. Да я и не уверен, был ли у него выбор. Несмотря на то, что мы с ним были не очень близки, ни я, ни Катарина, он все же попытался нас защитить. Вы знаете... — он запнулся. — Его убили здесь, в библиотеке, когда он пытался бежать. Там есть выход в сад. Энрике так изрешетили пулями, что я еле его опознал. Я все еще боюсь туда заходить, хоть Хесус и говорит, что стены и книжные полки восстановили, ни следа не осталось... Но я до сих пор вижу во сне вместо брата кровавое месиво, лежащее на столе в морге.

— Звучит удручающе.

Оба ненадолго замолчали. В листве затренькала первая утренняя пташка, вскоре к ней присоединилась вторая. Где-то далеко раздался гудок автомобиля, залаяла собака. Город начал просыпаться.

— Вы точно решили? — Рауль поглаживал правое предплечье, задевая почти исчезнувший шрам. — Ведь не можете не знать, чем это чревато, и все равно...

— Точно. Разумеется, все зависит от вашего согласия.

— Я-то решения не изменю, — вздохнул Рауль. — Хочу поскорее избавиться от всего

этого, — добавил он тихо.

Ксавьер сделал вид, что не слышал.

* * *

В эту ночь Амадео не сомкнул глаз. Ворочался, постоянно тревожа раны, сидел на постели, согнувшись, вставал и мерил комнату шагами, иногда отдергивая штору. Смотреть было не на что — территория дома Мигеля была погружена в темноту, и он понятия не имел, есть ли где-то там охрана. Сбежать? Какой смысл? Его тут же поймают. Татуировка на шее жгла огнем. До сих пор этот знак имел определенную силу, даже если все вокруг знали, что хозяин мертв. Все также знали, кто его убил.

Он так и не решил, считать Мигеля другом или врагом. Тот вернул Тео домой, но держал Амадео здесь как пленника. По каким-то причинам скрыл его местоположение, не давал звонить, не выпускал из дома и ничего не объяснял. Внезапное преображение до сих пор выбивало из колеи. У Мигеля изменился даже взгляд, и Амадео всерьез размышлял, нет ли у Гарсиа брата-близнеца.

В конце концов, измучив себя вопросами без ответа, Амадео решил держаться настороже. В животе неприятно холодило, руки леденели, голова, устав от постоянного кручения одного и того же, отказывалась соображать. Он не мог уснуть и бродил всю ночь кругами. От снотворного, предложенного Корнелиусом, категорически отказался.

Утром, после завтрака, Тони отвел его в гараж и красноречивым жестом указал на заднее сиденье потрепанного «шевроле». Мигель примостился рядом, Тони сел за руль.

— Куда мы едем? — спросил Амадео.

— Туда, где вам, к сожалению, будет не так комфортно, как в моей резиденции, — со вздохом ответил Мигель.

Больше ничего Амадео от него не добился.

Тучи наконец рассеялись, солнце сияло вовсю, лужи моментально высохали под жаркими лучами. На обочинах играли ребятишки, с визгом гоняясь друг за другом, на лицах прохожих мелькали улыбки — сезон дождей редко балует жителей ясным небом, объяснил Мигель. Сам он по-прежнему не напоминал мальчишку, с которым Амадео познакомился несколько недель назад. Строгий костюм, аккуратная прическа — если бы Ксавьер увидел его таким, мигом избавился бы от всех сомнений касательно бизнеса.

Амадео прислонился лбом к стеклу. Ему так и не довелось увидеться с другом, он до сих пор ничего не знал о его состоянии. Жив — и что? Если он прикован к постели? Если не сможет больше встать на ноги? Если...

— Мигель. — Он повернулся к наркоторговцу. — Вы знаете, что с Ксавьером?

— Разумеется. — Тот поигрывал телефоном. На этот раз на крышке красовался страус Дорожный бегун. — Насколько мне известно, несколько часов назад его самолет приземлился в Мехико.

— Что?! — Амадео подпрыгнул и, приложившись головой о низкую крышу кабины, зашипел от боли. — Ксавьер здесь?!

Мигель кивнул.

— Не понимаю вашего удивления. Рано или поздно он должен был сюда заявиться, только полный идиот не догадался бы, что вас переправят в Мексику.

Амадео снова отвернулся к окну, сердце бешено колотилось. С Ксавьером все в порядке, но как он мог так рисковать?! Все картели ополчились против него, а он лезет в пасть ко льву!

— Мне нужно к нему.

— Нет, не нужно. У нас с вами другое дело.

— Какое же? — взорвался Амадео. — Вы приказали братьям Хендриксонам привезти меня сюда, с какой целью?! Я ваш пленник, но зачем...

— Мне больше нравится словосочетание «принудительный гость».

Амадео зарычал и ткнулся лбом в стекло. Ксавьер прав, этот тип совершенно невыносим!

Вскоре автомобиль затормозил у конторы с небольшой, но недвусмысленной вывеской: «Funeraria». Похоронный дом. Под пристальным взглядом Тони Амадео выбрался из автомобиля и зашагал следом за Мигелем.

— Зачем мы тут? — спросил он, чувствуя неодолимое желание вывести Мигеля из себя. — Хотите похоронить меня, чтобы никто не узнал?

— Прекратите подавать мне идеи, — последовал ответ.

Они прошли через небольшой зал, в котором рядами были выставлены гробы — дешевые и подороже, простые и изукрашенные, грубо обтесанные и лакированные, блестящие так сильно, что слезились глаза. Последнее пристанище на любой вкус. За небольшой конторкой, над которой висело потемневшее от времени деревянное распятие, никого не было. Мигель, не останавливаясь, втиснулся в подсобку и постучал в дверцу, еле заметную в пыльном полумраке.

— Свои, Пабло, — ответил он на грубый вопрос.

Дверца распахнулась, и Мигель жестом пригласил Амадео следовать за ним. У того, впрочем, выбора не оставалось — здоровяк Тони по-прежнему маячил за спиной. Миновав узкий коридор, они оказались в небольшой комнате.

Здесь пахло пылью, небольшие окна почти не пропускали свет. Впрочем, освещать тут было практически нечего: старый, но с виду крепкий диван, накрытый цветастым вязаным пледом, пара стульев, трехногий столик со стоящим на нем древним радиоприемником. Небольшой книжный шкаф, набитый под завязку потрепанными книгами. На стене висело еще одно распятие, в углу — икона с изображением, которое в Мексике встречалось повсеместно: Святой Хесус Мальверде. Деревянный пол покрывал выцветший от времени лоскутный ковер. В дальней стене имелись две двери, сейчас закрытые.

— Садитесь. — Мигель кивнул на диван и первым приземлился на него.

Амадео подчинился, стараясь дышать ровно. Комната была не настолько маленькой, чтобы вызвать приступ клаустрофобии, но чувствовал он себя неуютно. Впустивший их человек хмуро смотрел на него из-под кустистых бровей, затем повернулся и зашагал к одной из дверей. Условный стук — и на пороге появился мужчина.

На вид ему было лет сорок пять, но черные волосы уже подернулись сединой. Он поглаживал аккуратно подстриженные усы и задумчиво смотрел на Амадео. Тот едва подавил дрожь — так смотрит ученый, задумывающий убийственный эксперимент и прикидывающий, выживет подопытный или нет.

— Спасибо, Пабло, — сказал он, и тот скрылся.

Мужчина поправил безупречно отглаженную бледно-желтую рубашку и подошел ближе. Его лицо казалось Амадео знакомым, но где и когда он его видел? Не вспомнить.

— Так значит, это и есть тот самый раб, за обладание которым Марсело заплатил жизнью? — спросил он.

— За попытку, — поправил Мигель. — Я всегда говорил, что Марсело слишком рискует со своими игрушками.

Мужчина наклонился и вперил внимательный взгляд в Амадео.

— На первый взгляд просто хорошенькая куколка. Кто бы мог подумать, что ты окажешься настоящим Чаки. — Он усмехнулся собственной шутке, выпрямился и протянул Амадео руку. — Нас не представили друг другу, сеньор Солитарио, я Гильермо Эррера.

Тот помедлил, прежде чем пожать ее.

— Мое имя вам известно.

— Верно. — Эррера отступил на шаг и уселся на шаткий стул. — Мало кому оно теперь неизвестно. Правда, большинство все же знают вас под именем Арманд.

— И запомнили блондином?

Эррера расхохотался и откинулся назад так, что стул опасно накренился.

— Да! — воскликнул он, хлопнув в ладоши. — Вы задали ту еще задачку тем, кто жаждал отомстить за убитого босса! Все искали красавчика-блондина, не подозревая, что таким вас сделал Флавио. Впрочем, вашей красоты это нисколько не убавило, скорее, наоборот. С Флавио вам не повезло, как вы знаете, некоторые джентльмены предпочитают джентльменов.

— Искренне надеюсь, что вы не из таких, сеньор Эррера.

Тот расхохотался еще пуще и утер выступившие слезы. Тони, оставшийся стоять у двери, осклабился так широко, что откинь он голову назад, ее верхняя часть опрокинулась бы, как крышка мусорного бака. Мигель рассеянно улыбался, поглаживая потертую обивку подлокотника.

— Не знал, что вы такой юморист, сеньор Солитарио. На этот счет можете быть спокойны, я вас и пальцем не трону. Во всех смыслах. — Эррера резко посерьезнел, будто кто-то щелкнул выключателем и остановил смех. — У нас еще будет время поговорить об этом. Но прежде — дело. Ваш друг Ксавьер Санторо. Он собирает глав картелей. Зачем?

Амадео пожал плечами, стараясь скрыть удивление. Откуда у Ксавьера столько власти, чтобы диктовать влиятельнейшим людям Мексики, что делать?

— Впервые об этом слышу.

Эррера, прищурившись, смотрел на него.

— Не могу сказать, лжете вы или нет. Вы умело скрываете свои чувства, Амадео.

— Не люблю, когда незнакомые люди зовут меня по имени.

— А он крепкий орешек, — усмехнулся Гильермо Мигелю. — Неудивительно, что Марсело не смог с ним совладать.

— Марсело Флавио привык нападать на слабых, — ответил Мигель. — И сдулся при первом же отпоре. До сих пор удивляюсь, как ему удалось столько времени продержаться в его бизнесе.

Эррера не отвел глаз, хотя веселость мгновенно угасла.

— Рука руку моет. Основополагающий принцип...

— ...который вышел вам боком.

Гильермо не разозлился. Он безразлично пожал плечами и снова повернулся к Амадео.

— У нас есть еще два дня. Уверен, вы сможете что-то припомнить о планах вашего друга.

— Я же сказал, мне ничего неизвестно. Я даже не знал, что он в Мексике, пока не услышал от вас.

Эррера буравил его взглядом. Затем поднялся, оттолкнув стул ногой. Тот ударился о стену и опасно пошатнулся, но не упал.

— Ладно. Будем считать, что я вам поверил. Вы голодны? Эй, Пабло, сгоняй-ка за едой, только смотри осторожней, не наткнись на легавых. — Он приложил руку к груди и слегка поклонился. — А вам, сеньор Солитарио, придется немного погостить у меня. Места здесь немного, но Пабло ночует в похоронном зале и докучать не будет.

Амадео бросил обеспокоенный взгляд на Мигеля, но тот как ни в чем не бывало встал и направился к выходу. У двери он обернулся и, приложив руку к невидимой шляпе, улыбнулся.

— Вынужден с вами проститься, Амадео. Не беспокойтесь, это всего на несколько дней. Потом сможете вернуться домой.

— Мигель! — крикнул он, вскакивая, но тот уже скрылся за дверью вместе с Тони.

— Присядьте, сеньор Солитарио. — Гильермо Эррера положил руку ему на плечо, и Амадео отшатнулся. Внезапно комната показалась очень тесной, и он в панике метнулся к узкому окну.

Эррера не пытался его остановить, зная, что сквозь него Амадео не протиснуться. Даже помог открыть створку, как следует стукнув по ней кулаком и вышибив присохшую краску из щелей.

— Подышите немного, — тихо приговаривал он. — Клаустрофобия — вещь поганая, никогда не знаешь, где выстрелит.

— Вам... — Амадео зажмурился и жадно вдыхал влажный воздух. — Вам и это обо мне известно?

— Гарсиа рассказал. Вообще-то ваши апартаменты вон за той дверью, но вам они покажутся тесноватыми, так что придется обосноваться на диване. Не возражаете?

— А если бы возражал, какое это имело бы значение?

— Никакого, — в голосе Гильермо слышалась улыбка. — Послушайте, я не собираюсь вас убивать, калечить или что-то в этом роде. Бояться меня не стоит. Мне нужно уладить кое-какие дела, и для этого вам придется какое-то время побыть моим гостем.

— Я вас не боюсь. И не позволю навредить Ксавьеру, ни за что на свете.

Поняв, что ничего не добьется, Гильермо едва слышно вздохнул и ушел в комнату, притворив за собой дверь. Амадео стоял у открытого окна, вдыхая запах вновь начавшегося дождя. Голова закружилась, перед глазами заплясали черные точки, и он протянул руку, чтобы схватиться за створку окна, однако нащупал пустоту. Ноги подогнулись, и он провалился в темноту.

* * *

— А это — мое убежище, — сказал Энрике, включая свет.

Погруженная в темноту комната ярко осветилась — люстра под потолком отбрасывала разноцветные блики на битком набитые книгами высокие полки. Ксавьер в жизни своей не видел столько книг, ни дома, ни у Жаклин. У последней имелась библиотека, но все издания в ней выглядели так, словно их никогда не открывали и купили для красоты — кожаные

переплеты, выведенные золотом названия, сплошная шикарность и ни грамма смысла. Здешние книги имели потрепанный вид, их явно частенько читали и перечитывали.

— Убежище? — эхом повторил Ксавьер. Последнее, что сейчас его интересовало — это причуды местного наркобарыги, тем более книги. Распотрошить бы тут все да поглядеть, может, кто сделал закладку с волшебным зельем...

— Да. — Энрике подошел к ближайшей полке и любовно погладил корешки. — Когда дела идут плохо, я прихожу сюда. Беру любую книгу, прочитываю пару страниц... — Он поймал взгляд Ксавьера. — Что? Смешно звучит?

— Нет-нет. — Ксавьер с трудом спрятал улыбку. Очень странно было представлять главу могущественного картеля вон в том мягком кресле, с книгой в руках. Воображение, как назло, подкинуло еще и клетчатый плед с чашкой какао, и он едва не расхохотался, на мгновение забыв про вожденную дозу. — Нисколько не смешно.

— Я не обижаюсь, — улыбнулся Энрике. — Это действительно странный способ успокоения среди людей нашей профессии. Большинство обращается к наркотикам, чтобы снять напряжение, но я придерживаюсь правила: не употреблять то, чем торгуешь.

Ксавьер отвел взгляд. Уже вторую неделю он жил в асьенде Гальярдо и то и дело пытался достать где-нибудь хоть щепотку порошка. Но наркоторговец Энрике Гальярдо оказался человеком строгих правил — за малейшее подозрение в употреблении наркотиков среди своих людей следовало немедленное увольнение, а в особо запущенных случаях — перевод на дно Мексиканского залива кормить акул. Поэтому никто не рискнул помочь Ксавьеру и добыть дозу. За территорию асьенды его тоже не выпускали — приказ Энрике. Что этот тип вообще о себе мнит?

Ксавьер яростно почесал сгиб локтя, который не видел иглы уже несколько дней, но Гальярдо этого не заметил, бережно доставая книгу с полки.

— Это моя любимая...

* * *

— Что вы здесь делаете?

Ксавьер поставил книгу с оттиснутой на обложке черной шляпой и маской обратно на полку. Появление Хесуса его не удивило — этот тип ходил за ним по пятам с самого приезда. Чего боялся? Что Ксавьер наложит лапу на финансовые документы картеля? В таком случае не стоило беспокоиться — Ксавьер прочел их еще вчера с согласия Рауля. Парень сотрудничал без лишних вопросов — в управлении он смыслил не больше, чем балерина в футболе. С виноватой улыбкой оправдывался, что ему никогда не был интересен бизнес брата, и Ксавьер его не винил — у каждого свои таланты.

— Я думал, мне разрешено перемещаться по всей территории асьенды Гальярдо.

Хесус злобно зыркнул на него.

— Разрешено. Но в библиотеку не заходит даже Рауль.

— Потому что здесь убили его брата. — Ксавьер провел ладонью по полке. — Лак давно облупился. Ремонт бы не помешал.

— Это антикварная мебель. — Хесус вклинился между ним и стеллажом. — Не думал, что вы любитель чтения.

— Внешность обманчива, — парировал Ксавьер. — О вас такого тоже не скажешь, но

вы оберегаете эти старые книги, словно свое дитя. — Он усмехнулся. — Я думал, только принц от них без ума.

Выражение лица Хесуса немного смягчилось.

— Прежний хозяин любил читать. Собирал книги всю свою жизнь. Относился к ним, как вы сказали, будто к детям.

— И вам неприятно, когда их касается кто-то еще. Понимаю.

Ксавьер оглядел библиотеку. Сюда действительно давно никто не заходил — на полках лежал слой пыли, кресла были накрыты чехлами. Войдя, он включил свет — окна были задернуты плотными шторами. Зажегся только торшер, лампочки в люстре под потолком вероятней всего перегорели.

— Вы видели, как это произошло? — спросил Ксавьер. — Как погиб Энрике?

— Лично не видел, — снова насторожился Хесус. — Его расстреляли в упор из автоматов, представьте сами, что от него осталось. Когда я подрос, убийцы уже скрылись.

— Как они миновали охрану?

— Видите? — Хесус ткнул пальцем за спину Ксавьера. — Вон там, за той полкой — дверь. Она ведет в сад. Рауль о ней знает — в детстве они с сестрой часто убегали через нее, поэтому охрана никак не могла их изловить.

— То есть, охрана понятия не имела о черном ходе, а неизвестные убийцы знали?

Хесус пожал плечами.

— Может, как-то раздобыли план дома. Этот особняк построили еще до того, как Энрике на свет-то родился. И я не в курсе, кто был предыдущим владельцем, — добавил он, упреждая следующий вопрос.

На пороге молчаливой тенью возник Киан — должно быть, услышал перепалку. На лице как обычно ничего не отразилось, но Ксавьер знал, что Хесусу тот не доверяет. Зачастую Киан не мог объяснить, почему тот или иной человек вызывает у него подозрение или наоборот симпатию, но интуиция бывшего наемника настолько часто себя оправдывала, что оставалось только довериться ей.

Именно поэтому Ксавьер настоял на том, чтобы не посвящать Хесуса в детали разработанного им плана. Под различными предложениями Рауль отсылал помощника прочь. Естественно, Хесус был не в восторге, но его мнения никто не спрашивал, ему оставалось только корчить злобные рожи и выполнять приказы. Йохан не спускал с него глаз, колесил за ним по всему Мехико, но ничего подозрительного не обнаружил — Хесус прилежно исполнял свои обязанности.

— Что-то не так, господин Санторо? — тихо спросил Киан, не сводя взгляда с Хесуса.

— Нет, все в порядке. — Ксавьер отряхнул ладонь от пыли. — Мы беседовали о литературе.

Юноша никак не отреагировал на шутку, молча поклонился и исчез так же тихо, как появился. Ксавьер последовал за ним, но у двери обернулся.

— Скажите, Хесус, после смерти Энрике именно вы временно взяли бразды правления в свои руки?

Тот упрямо выдвинул вперед челюсть.

— Да, и что? Хотите обвинить меня в покушении на вашу жизнь? Я защищал картель, а вы — прямая и явная угроза! Были, — поправился он поспешно, сообразив, что зашел слишком далеко.

— Даже в мыслях не было вас в чем-либо обвинять. Благодарю за честный ответ. —

Ксавьер вышел, оставив Хесуса в библиотеке посылать безмолвные проклятья в адрес нежеланных гостей.

— Слышал? — негромко спросил он, шагая вслед за Кианом по коридору в сторону патио. — Антикварная мебель, двое с автоматами. И ни единого следа от пуль, должно быть, реставраторы хорошо поработали. Одного только не пойму. — Он усмехнулся. — Неужели Хесусу так дорог этот облупленный лак, что он не захотел его восстанавливать?

Уголки губ Киана слегка приподнялись.

* * *

— Madre de dios, как вы меня напугали! — разорвался Эррера, меряя комнатку шагами из угла в угол. — Я подумал, вы сердечный приступ схватили! Хорошо, что Пабло учился на медицинском. Правда, так и не закончил...

Амадео лежал на диване и устало наблюдал за мельтешащим туда-сюда Гильермо.

— Со мной такое случается. Не понимаю, почему вы так разволновались.

— Он не понимает! — Эррера всплеснул руками. — А если вы умрете, как я объясню это Гарсии? Как? Нет, хватит с меня несчастных случаев. — Он наклонился и ткнул пальцем в нос Амадео. — Говорите, чем вы еще больны.

— Чтобы вы знали, как меня угробить? — Амадео усмехнулся. — Нашли дурака.

— Вы невыносимы, — резюмировал Эррера и выпрямился. — Ладно. За вашу жизнь и ответственности больше не несу. Убивайте себя так, как считаете нужным.

— В таком случае дайте мне уйти.

Гильермо резко остановился, едва не потеряв равновесие.

— Вы абсолютный безумец. Откуда в вас такой фатализм? Убеждены, что ничего с вами не случится, или наоборот, стремитесь умереть?

— Я не собираюсь умирать, но не хочу, чтобы меня использовали как приманку для Ксавьера. Зачем он вам?

— Это вас не касается.

— Касается. Он мой друг. Мой брат. Мой самый близкий человек. И если вы посмеете хоть пальцем его тронуть, я не успокоюсь, пока не уничтожу вас. Это вы приказали убить его?

Эррера удивленно заморгал. Тирада Амадео сбила его с толку, а вопрос застал врасплох.

— Что?.. Нет. Я бы никогда... Нет, я не отдавал такого приказа.

— Тогда что вы приказали? — Амадео откинул одеяло и сел, старательно игнорируя головокружение. — Похитить меня ради шантажа? Кого вы собирались шантажировать?

— Прекратите! — оборвал его Гильермо. — Вы были бы уже мертвы, если бы я не приказал доставить вас сюда. Удивительно, что те бандиты не убили вас сразу, должно быть, вы очень везучий человек!

— Везучие люди не попадают в такие ситуации.

— Вы еще и шутите. — Эррера сполз на стул, заботливо подставленный Пабло, и закрыл лицо руками.

Амадео улегся обратно и натянул одеяло до подбородка. Несколькими минутами ранее он упал в обморок, перепугав Гильермо до полусмерти. Организм наконец решил, что с него хватит, и отключился. Удивительно, что он вообще так долго продержался. Ксавьер точно

запер бы его в больнице...

Амадео стиснул зубы, не позволяя себе расслабиться. Снова терять сознание? Нет уж, увольте. Но с чего Гильермо так беспокоиться о его здоровье? Боится, что Амадео не доживет до сделки с Ксавьером? Что ему вообще от него нужно?

— Гильермо, — мягко сказал он. — Я не смогу вам помочь, не зная, чего вы хотите.

Тот поднял голову и уставился на него покрасневшими глазами.

— Не понял?

— Вы твердите, чтобы я был внимательней к своему здоровью. Мы видимся впервые в жизни, и я, честно говоря, не совсем понимаю, чем вызвана такая забота. — Амадео коснулся плеча, испещренного линиями шрамов. — Вы видели, что со мной сделали Бернардо и компания, а ведь они тоже не собирались меня убивать. По крайней мере, сразу.

Эррера махнул рукой, и Пабло исчез без вопросов, как хорошо вышколенный пес.

— Я не соврал, когда сказал, что не убью вас и не покалечу, — ответил он.

— И я вам верю, — сказал Амадео. — Но из-за меня могут пострадать другие. Может быть, вы этого не хотите, но тогда вам придется меня отпустить.

Тот глубоко задумался, затем громко рассмеялся.

— Надо же! А я не верил рассказам о том, какой вы великолепный дипломат! Вы действительно меня едва не уговорили! — Он погрозил Амадео пальцем. — Мне нужно быть с вами осторожней, сеньор Солитарио, вы и мертвого из могилы подымете! Пабло! — крикнул он. — Сообрази что-нибудь перекусить. Наверняка наш друг упал в обморок от голода.

— Нет, я... — запротестовал Амадео.

Гильермо нахмурился.

— Тогда почему?

— Нервы. И проблемы с сосудами, — сдался Амадео. — Сказал же, иногда такое случается, здесь не о чем волноваться.

— Кроме того, что, падая, вы разобьете себе голову, — насмешливо фыркнул Эррера. — Если не думаете о себе, хотя бы подумайте о других. О вашем друге. О сыне. Вряд ли их обрадует ваша такая глупая кончина.

Он отвернулся к окну, за которым шелестел дождь, и надолго замолчал. Амадео смотрел ему в спину, гадая о мотивах этого странного человека, который обращался с ним совсем не как с пленником, а как с тем, кого нужно защищать. Почему? Кто он такой?

Амадео осторожно сел, чтобы не вызвать приступ головокружения. Гильермо постукивал по оконной раме в такт едва слышной музыке, льющейся из радиоприемника. Заметив движение, чуть повернул голову в его сторону, но ничего не сказал.

— Кошки.

Гильермо повернулся и непонимающе сдвинул брови.

— Что?

— Кошки, — повторил Амадео и улыбнулся. — Вы спрашивали, чем я еще болен. У меня сильнейшая аллергия на кошек. Если захотите убить, просто заприте здесь с парой котят.

Недоумение на лице Гильермо сменилось улыбкой.

— Буду иметь в виду. Теперь понимаю, почему вы сразу не сказали. Это опасная информация, сеньор Солитарио.

— И еще, — добавил Амадео. — Можете называть меня по имени.

Оправданный риск

Рауль беспокойно ерзал на заднем сиденье, пытаясь найти удобное положение. И не найдешь, думал он, в такой ситуации самым удобным положением будет взять билет на самолет и улететь куда-нибудь, например, в Россию. Или даже в Китай. Только подальше отсюда, подальше от Мексики, от этой богом проклятой страны! Ведь клялся же себе и божился, что больше ни ногой, и снова на те же грабли...

Рауль закусил костяшки пальцев и уставился на мокрые улицы горной деревушки неподалеку от Морелии, проплывающие мимо в туманной мороси. Если бы не Амадео, он бы так и сделал. Улетел отсюда к чертям. Но не сейчас, нет, он еще не вернул прекрасному принцу долг.

Он искоса глянул на сидящего рядом Ксавьера Санторо. Вот кто спокоен, как удав, хоть сейчас мышей подкидывай — сожрет всех и без остатка. Откуда такая уверенность в успехе? Откуда ему знать, что их всех не покромсают в капусту, не превратят в решето или не скормят бродячим собакам, коих в окрестностях видимо-невидимо?

Рауль снова уткнулся в окно, стараясь скрыть, насколько трусит. К чертям картели, к чертям мафиозные разборки, к чертям кокаин, ему больше не нужны деньги. Катарина мертва, а он ввязался в это только из-за нее. Теперь его ничто не держит, так почему он все еще здесь?

«Скоро все закончится, — уговаривал он себя. — Подожди немного и будешь свободен».

Получалось плохо: ладони потели, поджилки тряслись, в желудке ворочался ком льда. Вот будет смеху, если в самый ответственный момент он грохнется в обморок!

Автомобиль битый час колесил по горной тропе, пробираясь к месту назначения. За рулем сидел один из людей приглашенного картеля — убедиться, что о точке сбора никому не сообщат. Энрике хорошенько подмочил репутацию, но с этим ничего нельзя было поделать — большие боссы согласились на встречу исключительно на своих условиях, и их можно понять. Впереди сидел Киан и не сводил взгляда с водителя. Следом ехал еще один автомобиль — в нем устроились Ребекка, Йохан и двое соглядатаев. Как мог Санторо согласиться на фактическое самоубийство? Если их везут в засаду, а на девяносто процентов так и есть, живыми оттуда не выбраться. Им даже мешки на головы не надели — верный признак того, что обратно их везти не собираются.

Дорогу преградила натянутая цепь. За ней стояли четверо молодчиков в камуфляже, у каждого на спине болтался автомат, а арсеналом на поясах можно было вооружить небольшую армию.

Рауля затошнило. Черт, ну ты и трус, обругал он себя. Возьми себя в руки, хватит разводить нюни! Ты как-никак глава картеля!

Водитель махнул солдатам, и те опустили цепь, пропуская обе машины. Несколько поворотов по, казалось, нескончаемой пыльной дороге — и за холмом вырос двухэтажный дом, принадлежащий кому-то из наркобаронов. Временная резиденция — кто в здравом уме пригласит возможного предателя к себе домой? Но это неважно. Важно то, что их пока еще не убили.

Рауль вышел из машины вслед за Санторо и задрал голову к затянутому тучами небу.

Дождя не было, но серое одеяло готово было прорваться ливнем. Через несколько минут так и случится, и лучше им в этот момент находиться под крышей. Рауль едва сдержал истерический смешок: вот-вот получит пулю, а беспокоится о мокрой одежде! С ума сходит, не иначе.

Небольшая территория кишела солдатами — каждый из важных гостей привел с собой по пять вооруженных до зубов человек. Подошедшие телохранители обыскали новоприбывших с ног до головы. Искать было нечего — по требованию участников собрания оружие Киан Рейт и Йохан Торн оставили в резиденции Гальярдо. Еще одно глупейшее упущение со стороны Санторо, этот псих совсем голову потерял! Явиться невооруженным в такое место означало никогда его не покинуть.

И все же Рауль не мог им не восхищаться. Он еще не знал ни одного человека подобной смелости, это пугало, сильно пугало, но и производило определенное впечатление. Даже солдаты, которые обычно в грош не ставили пришлых, и те с опаской кружили вокруг Санторо, опустив стволы в землю.

Телефоны им оставили, но Рауль, взглянув на экран, понял, по какой причине — вместо обычных черточек светился знак «Связи нет». Пройдя через скромно обставленную гостиную, они оказались в большом патио, над которым был натянут тент. За длинным столом собрались все, кого Санторо счел нужным пригласить: восемь человек, у каждого за спиной — *sicario*. Два стула пустовали.

Рауль уселся первым. Среди собравшихся прошелестел удивленный шепот — место во главе стола осталось свободным, но разве не Рауль официально настоял на встрече? Разве не он должен там сидеть? Кто будет вести разговор?

Ксавьер отодвинул стул, но садиться не стал. Йохан замер за ним столбом, но глаза так и бегали. Он брал на примету каждого солдата, просчитывал пути отхода на случай заварушки, но опыт подсказывал: если встреча не удастся, им отсюда не выбраться. Киан охранял Рауля — Хесусу приказали остаться в резиденции Гальярдо, чем последний остался очень недоволен. Ребекка старалась слиться со стеной дома, но готовилась ловить каждое произнесенное слово.

— Для начала, — заговорил Ксавьер, — хочу поблагодарить вас за то, что приняли мое приглашение. Меня зовут Ксавьер Санторо. Многие обо мне слышали: с кем-то мы ведем конкурентную борьбу, с кем-то сотрудничаем, напрямую либо через посредников, но я собрал вас здесь не только для того, чтобы обсуждать вопросы бизнеса.

Рауль с трудом сдерживался, чтобы не дергать ногой — нервное напряжение давало о себе знать. Правая рука ныла, предчувствуя грозу, левое плечо тоже начало подавать болевые сигналы. Пытаясь отвлечься, он принялся разглядывать присутствующих и с удивлением увидел в дальнем конце стола Мигеля Гарсиа. Зачем Санторо пригласил его сюда? Разве они не друзья? Мигель вел себя так, будто впервые их видит, и оделся соответственно мероприятию — в летний элегантный костюм, а не в футболку с мультяшками, как обычно. За его спиной безмолвной скалой застыл светловолосый телохранитель со шрамом, тянущимся через глаз.

— Ну и зачем тогда? — лениво протянул какой-то юнец в цветастой рубашке, расстегнутой почти до пуза. На шее болталась золотая цепь, в руке он держал помятую шляпу, которой непрестанно обмахивался — перед дождем стояла ужасная духота. Он не удостоил Ксавьера даже взглядом, на лице застыло выражение высокомерного презрения. Рауль узнал почти всех, но его видел впервые. — Если речь не о бабле, то это пустая трата

времени.

— Моралес, — произнес Ксавьер таким тоном, что у парня кровь застыла в жилах. И не только у него — даже бывалые бандиты невольно поежились и сели прямо. Sicarios за их спинами переминались с ноги на ногу. — Ваш отец, насколько мне известно, высокообразованный и интеллигентный человек. Представления не имею, как у него родилось такое недоразумение, но если вы еще раз перебьете меня, я раскрою вашу грудную клетку так же, как вашу рубашку.

Парень побледнел и стиснул скатерть. Рауль узнал его по фамилии — его отец, Габриэль Моралес, уже давно никуда не выезжал из-за серьезных проблем со здоровьем, перепоручив управление бизнесом единственному сыну Эмилио.

— На повестке дня два вопроса, — продолжил Ксавьер. — И первый из них — картель Гальярдо.

— Картель предателей, — проворчал Хайме Домингес, но никто его не поддержал.

— Мне известно, в какое положение вас поставил его бывший глава, я сам едва не угодил в ловушку, — не обратив внимания на реплику, продолжил Ксавьер. — Теперь каждый стремится урвать часть тех богатств, что остались без должного присмотра. Но с сегодняшнего дня картель перешел под мое управление, и подобного отношения я не потерплю.

Конец фразы потонул в гвалте, и Рауль едва подавил желание заткнуть уши. Даже старики не гнушались крепких словечек, один, сухонький лысый дон с пышными усами, треснул кулаком по столу так, что подпрыгнула посуда. Моралес раскрыл было рот, но счел за лучшее промолчать и уткнулся в бокал с водой.

Сидящий рядом с Мигелем дородный мужчина с тщательно уложенными седыми волосами поднял руку, призывая к молчанию. Это был хозяин виллы Альваро Гонсалес, за его спиной возвышались два телохранителя, когда как остальным было позволено привести в патио лишь одного.

— Что это значит, сеньор Санторо? Вы приезжаете в нашу страну, топчете наши правила, захватываете нашу собственность и утверждаете, что не потерпите, если мы попробуем взять свое? — Он усмехнулся в усы и погладил объемистый живот. — Вы либо очень смелый, либо совсем безрассудный.

— Я не захватывал ничью собственность, дон Альваро, — ответил Ксавьер. — Действующий глава картеля лично передал мне его в управление. Не верите — спросите его самого. — Он чуть наклонил голову в сторону Рауля.

Вот оно. Сейчас или никогда. Рауль прочистил горло и гордо вскинул подбородок, надеясь, что не даст петуха.

— Да, это так. — Слава Богу, голос звучал спокойно и ровно. — Я передал все полномочия сеньору Санторо. Теперь он управляет картелем.

— Тебя что, запугали, мышь? — фыркнул жилистый человек в просторной белой рубашке. В пальцах он мусолил незажженную самокрутку. — Твой братец, хоть и гнилушкой оказался, яйца все же имел, а у тебя кто их отгрыз?

Внезапно Рауля захлестнула злость. Как смеет этот старый наркоман так отзываться об Энрике? И о нем? Какого черта он должен это терпеть?!

Он вскочил, опрокинув стул, и со всей силы треснул кулаками по столу. Правую руку пронзила боль, в глазах на мгновение потемнело, но это только больше разозлило его.

— Вы бы поостереглись со словами, Нуньес, — прошипел он. — Когда вас припекло

УБН, кто помог потушить пламя? Вам всего лишь подпалили pelo de culo, а орали вы на всю Мексику, да так, что приняли помощь даже от меня, брата предателя! А сейчас строите из себя переборчивого гурмана? Что ж, я подам вам отличное блюдо, называется «viejo pimienta relleno de cojones»!

Нуньес стиснул сигарету так, что тонкая бумага прорвалась, и марихуана просыпалась на колени. Кто-то издал довольный смешок, его подхватили другие, и атмосфера за столом разрядилась.

— Pelo de culo! — хихикал Альваро Гонсалес, хлопая Мигеля по плечу. — Нет, ты слышал? Перец с яйцами! А паренек-то не промах!

Ксавьер терпеливо ждал, пока веселье уляжется. Рауль, красный, как рак, плюхнулся на заботливо подставленный Кианом стул. Он готов был сквозь землю провалиться, но, кажется, на этот раз все сделал правильно. Рука тупо ныла, но он едва замечал боль.

— Ладно, сеньор Санторо, — отсмеявшись, сказал Гонсалес. — Вы собрали нас здесь, чтобы сообщить эту прекрасную новость? Я впечатлен, презентация удалась на ура! — он зааплодировал, следом послышалось несколько хлопков. — Но все же...

— Вы правы, это не все. — Ксавьер сел и закинул ногу на ногу. Рука едва не потянулась к нагрудному карману, но он вовремя спохватился и сцепил пальцы перед собой. — Я хотел бы обговорить с каждым из вас вопросы сотрудничества и разделения территорий, но времени нет. Моего близкого человека похитили и привезли сюда. Я прошу вас помочь мне в этом деле.

Нуньес фыркнул и насыпал немного травы на листок папиросной бумаги.

— Такие старания и риски ради одного человека? Друзей можно заменить.

— Не предлагаете ли вы свою кандидатуру на его место? — в голосе Ксавьера зазвенел металл, и Нуньес едва не просыпал марихуану на стол. — Я не спрашивал вашего мнения, я попросил вас о помощи. Но если вы не желаете ее оказать, я зря веду этот разговор. — Он поднялся, и Йохан шагнул к нему, по привычке держа руку у пустой кобуры.

— Погодите, сеньор Санторо! — впервые подал голос Мигель. Ксавьеру с трудом удавалось убеждать себя, что это знакомый ему человек. — Не вижу оснований отказывать вам в помощи, но благотворительность здесь не в чести.

— Верно! — подхватил Тициано Перрота. Ему едва стукнуло сорок, но он уже успел полностью облысеть. — Какая нам выгода? Деньги? У нас их полно. Товар? Вы в Мексике, приятель, мы сами поставим вам что угодно: кокаин, героин, метамфетамин, марихуана...

— Ваши каналы хорошо обкатаны и бесперебойно обменивают товар на деньги, дон Тициано, — перебил Ксавьер. — Но я могу организовать поставки туда, куда вы прежде не могли пробиться из-за щитов Наркоконтроля. Сбыт я также беру на себя. Вам не придется рисковать ни единым песо.

Гонсалес задумчиво погладил усы и что-то прошептал сидящему рядом сухощавому, подтянутому мужчине лет пятидесяти. Лицо было гладко выбрито, только по скулам тянулись пышные бакенбарды. Его звали Гилберто Перес, и недавно они с Гонсалесом заключили временное перемирие.

— Мы обсудим это подробнее, когда вы согласитесь, — продолжал Ксавьер. — Пока же предлагаю небольшой аванс в знак моей честности. Кое-кто считает, что друзей можно заменить. — Он бросил ледяной взгляд в сторону Нуньеса. — Почему бы не обменять моего друга на того, кого все вы жаждете заполучить?

— И кто же это? — решился подать голос Эмилио Моралес, оставив в покое бокал.

Ксавьер с мрачной торжественностью оглядел собравшихся и оперся руками о стол. На губах мелькнула холодная усмешка.

— Предатель. Стукач Наркоконтроля. — Взгляд на мгновение задержался на Рауле и снова устремился вперед. — Я отдам вам Энрике Гальярдо.

После заявления Ксавьера за столом воцарилась тишина. Даже sicarios не издавали ни звука.

— Кажется, вам кое о чем неизвестно, сеньор Санторо, — наконец сказал Гонсалес. — За океаном вы, должно быть, не слышали новость о том, что несколько недель назад Энрике Гальярдо был убит.

— Я прекрасно об этом осведомлен, — ответил Ксавьер. — Я не из тех, кто бросает слова на ветер или будет оперировать неточными данными. Энрике Гальярдо не погиб, и я предоставлю его в ваше распоряжение сразу, как найду своего человека.

Над столом пронесся удивленный гул. Рауль раскрыл рот, но не знал, что сказать. Энрике жив? Полный бред, он лично видел тело! Но если это правда, зачем Ксавьер собирается отдать его на растерзание? В голове все смешалось, Рауль не знал, что делать. К такому повороту он совершенно не был готов.

— Хотите сказать, он нас надул? — выкрикнул Перес. — Сымитировал смерть, чтобы ускользнуть от правосудия?

— Мотивы мне неизвестны.

— А вам не кажется, что это как-то... маловато для того, чтобы мы мобилизовали силы для поисков вашего друга? — Нуньес уже овладел собой и закурил. Над столом поплыл сладковатый запах. — Предатели встречаются повсеместно, а на поиски мы затратим...

— Я компенсирую все расходы, — сказал Ксавьер.

— Насколько же ценен этот человек, что ради него вы решили прыгнуть прямиком в залив, кишасший акулами? — Нуньес затянулся. — Не бойтесь, что заинтересуете им и нас?

Лицо Ксавьера закаменело.

— Хочу, чтобы вы поняли. Я пришел сюда не для того, чтобы показать мягкое брюшко, в которое можно вонзить нож или выпустить пулю. Все, кто здесь сегодня присутствует — опытные бизнесмены. О бесплатной помощи речи не идет — я уже озвучил свою цену. Если она вас не устраивает, обговорим ваши условия и найдем компромисс.

Гонсалес согласно кивнул, за ним подтянулись и другие. Только Моралес злобно пыхтел под нос, уткнувшись в бокал, да Нуньес хмуро оглядывал присутствующих.

Один из sicarios что-то тихо проговорил в рацию, затем наклонился к Гонсалесу. Тот сдвинул брови и отрывисто скомандовал что-то в ответ. Затем поднялся, оттолкнув стул.

— Прощу всех пройти в дом. Возникла небольшая проблема.

Йохан и Киан переглянулись, остро ощутив нехватку оружия. В следующее мгновение по тенту застучали первые капли дождя.

И воздух прорезали первые автоматные очереди.

* * *

— Скажите, зачем Мигель привез меня сюда? — спросил Амадео.

Он и Гильермо сидели в огороженном внутреннем дворике. Вокруг высились стены, но благодаря открытому небу клаустрофобии Амадео не чувствовал. Гильермо пил текилу,

Амадео ограничился водой. В кувшине плавали кубики льда, что было очень кстати — ливень снова сменился солнцем, и жара стояла влажная и удушающая.

Гильермо спустил солнцезащитные очки на нос и окинул Амадео испытующим взглядом.

— Вы и правда не в курсе?

Амадео покачал головой.

— Меня схватили бандиты из шайки Флавио, несколько дней продержали в плену. Потом меня вытащил Рауль Гальярдо и отвез к своему другу... — Он нахмурился и похлопал поперхнувшегося Гильермо по спине. — Воды?

— No, gracias, — просипел тот. — Нет ничего хуже, когда текила идет не в то горло. И что было дальше?

— Уже там меня нашли братья Хендриксоны и привезли в Мексику. На аэродроме меня встретил Мигель и, ничего не объяснив, притащил сюда. — Амадео пожал плечами. — Вот и все, что я знаю. Надеюсь, может, вы просветите меня, что к чему.

— На самом деле вас заказали другие люди. — Гильермо налил еще текилы и залпом выпил, довольно причмокнув. — Мигель просто перехватил вас раньше них. А здесь вы исключительно ради безопасности, пока Ксавьер Санторо не завершит свои дела.

Амадео потерял терпение и раздраженно ударил кулаком по подлокотнику обшарпанного кресла.

— Вы оба твердите о каких-то делах! Какие, к черту, дела могут быть у Ксавьера в этой стране? Насколько мне известно, он ни с кем не заключал контрактов!

— Пока не заключал, — поправил Гильермо. — Но он собрал глав картелей. Не всех, только тех, кто более-менее ладит друг с другом. Думаю, чтобы заручиться их поддержкой, ему придется заключить пару-тройку соглашений. Только есть одно «но». — Он наклонился к Амадео. — Среди тех, кого он пригласил, есть предатель.

— Кто? Вы знаете?

— Нет. И Мигель не знает, иначе быстро бы с ним разобрался. Этот парень бывает очень упорным.

— Как давно вы его знаете?

— Мигеля? — Гильермо посмотрел на снова потемневшее небо. — Лет пять, пожалуй. Поначалу он не производит впечатления серьезного бизнесмена, не так ли? — он рассмеялся, и Амадео машинально улыбнулся в ответ.

— Да, вы правы.

— А вы как давно знакомы с Ксавьером Санторо?

— Восемь лет. — Амадео налил воды из кувшина, кубики льда негромко звякнули о стекло. — Он мне как брат. Надежный, верный. Никогда не предаст, и я отвечаю ему тем же.

— Вот как? — Гильермо задумчиво водил пальцем по ободку стопки. — А что бы вы сказали, узнав, что за дозу он продал бы и родную мать?

Амадео рассмеялся.

— Да что вы, это же полная чу... — он осекся, увидев выражение глаз Гильермо — тот не отрываясь буравил его взглядом. — Погодите, о чем вы вообще?

— Что если я скажу вам, что Ксавьер Санторо — наркоман? Героиновый. Что когда-то он колосился под колено, в бедро — потому что на руках уже не оставалось места? Что он жил в сыром подвале вместе с бомжами и готов был на коленях вымалывать дозу у дилера, если ему не хватало на заветный пакетик?

— Прекратите, — голос предательски задрожал.

— Он едва не умер от передоза, ужасно повезло, что выжил. Но даже это его не остановило...

— Я сказал, прекратите! — Амадео швырнул стакан в стену, и тот разлетелся, оставив мокрое пятно. — Даже если вы не лжете, и Ксавьер был наркоманом, какая теперь разница? Я ни разу не видел его с иглой, ни разу не видел его обдолбанным, и я знаю, что он ничего не употребляет, кроме сигарет, в которых есть только табак! Поэтому прекратите утверждать, будто знаете его вдоль и поперек!

— Бывших наркоманов не бывает. — Гильермо со вздохом отставил стопку. — Срыв может произойти в любой момент. Он перестанет ценить то, что ценит сейчас. На передний план выйдет только порошок, больше ничего. Даже вы станете неважны, и он с радостью продаст вас за грамм удовольствия. Что вы в таком случае будете делать? Неужели верить ему по-прежнему? Считать надежным и преданным человеком?

— Я останусь рядом с ним. — Амадео смотрел на Гильермо сверху вниз — тот даже не поднялся с кресла. — Всеми силами буду вытаскивать его из этого болота, я не дам ему утонуть.

— А если все окажется бесполезным?

— Тогда просто буду с ним до самого конца, — отрезал Амадео. — До последнего буду верить в него, что бы ни случилось.

Гильермо смотрел на него с легкой усмешкой, но во взгляде сквозило странное выражение — сожаление, грусть и даже легкий оттенок зависти.

— Всем бы таких друзей, как вы, прекрасный принц.

Амадео хотел ответить, но земля вдруг заходила ходуном. Раздался низкий гул, будто взлетал самолет. Гильермо вскочил, уронив бутылку, Амадео схватился за спинку, но легкое плетеное кресло опрокинулось, и он повалился назад. В голове вспыхнул фейерверк, и все погрузилось в темноту.

* * *

Окна и двери забаррикадировали мебелью. Sicarios охраняли каждый выход, снаружи трещала стрельба. Охраны у Гонсалеса было немало, и каждый глава картеля взял с собой пятерых охранников, как было условлено, четверо из которых охраняли периметр. Тот, кто решился на атаку, был прекрасно осведомлен о количестве людей, иначе не решился бы на такое безумство.

Ксавьер окинул комнату быстрым взглядом. После внезапной атаки из присутствующих в патио двадцати двух человек в живых осталось тринадцать. Большинство телохранителей, а также двое боссов погибли в первые секунды. Одному разнесло голову, второго прошило пулями сквозь собственного sicario. Дон Тициано Перрота сейчас лежал на диване, судорожно пытался запихнуть собственные кишки в живот и громко ругался. Киан, успевший осмотреть бедолагу, в ответ на вопросительный взгляд Ксавьера только покачал головой.

— Это все вы! — взвыл Моралес, бросаясь к Ксавьеру.

Киан схватил его руку и заломил за спину, развернув лицом к sicario, который уже бросился на помощь боссу.

— Еще шаг, и я его убью, — тихо произнес юноша.

— Поверьте, он может сделать это быстрее, чем вы выстрелите. — Рауль пожал плечами, стараясь не смотреть на Ксавьера. — Давайте не будем ссориться, мы все сейчас в одной лодке.

— В одной лодке?! — взревел Нуньес. Он держался за плечо, между пальцами струилась кровь — его зацепило рикошетом. — Это вы подстроили ловушку, в точности, как ваш братец! Да нас всех поубивают здесь! Вы ведь это планировали?!

— Успокойтесь, — ледяным тоном приказал Ксавьер. — Рауль не знал о месте встречи, равно как я и мои подчиненные. Вы сами настояли на полной конфиденциальности. Если нас выследили, значит, ваши люди плохо сработали. Отпусти его, — сказал он Киану.

Тот выпустил стонущего от боли Моралеса и отступил на полшага за спину Ксавьера.

— Разрешите оказать раненому первую помощь, господин Санторо, — едва слышно попросил он.

— Разрешаю. Если он тебя подпустит к своему драгоценному телу.

И правда, стоило Киану приблизиться, как Нуньес рывкнул:

— Не подходи ко мне, *hijo de puta!* Грохнуть меня хочешь?! А? А?!

— Да не вопите вы уже, — Ребекка сдула прядь волос со лба и устало опустилась на единственный свободный стул. — Ваш телохранитель валяется во дворе с простреленной башкой. Если бы кто-то из нас захотел вас сейчас прикончить, это не составило бы никакого труда. — Она порылась в сумочке и достала портсигар. — Дьявол. Ни одной не осталось. Что, ни у кого здесь нет сигарет?

Телохранитель Моралеса достал пачку из нагрудного кармана и несмело протянул ей.

— Держите, сеньора.

Та состроила улыбочку.

— А ты славный. Но реакция так себе. Следи получше за своим боссом, иначе не довезешь его домой живым.

— Да, сеньора.

— Ну и что это было? — Гонсалес погладил выпирающий над ремнем живот и отвесил одному из телохранителей смачный подзатыльник. — Кто мог вас выследить, дуболомы хреновы? Копы?

— Они бы не смогли так быстро организовать операцию, — сказал Рауль. При звуках выстрелов, которые теперь раздавались реже, он едва заметно вздрагивал и безотчетно потирал то правую руку, то левое плечо. — Для начала им пришлось бы получить ордер, а это значит, что им было заранее известно о собрании. Либо среди ваших людей крот, либо они не из полиции.

— Второй вариант первого не исключает. — Перес любовно поглаживал «кольт» сорок пятого калибра, который, казалось, был старше его самого. — Соглашусь с Гальярдо, так быстро копы бы не приехали. Да заткнись ты! — рывкнул он на Нуньеса. — Не будь бабой и дай пареньку тебя осмотреть!

— Что, стоило мне лишиться *sicario*, как ты тут же начал разевать на меня рот, Гилберто?!

— Боялся я твоего *sicario*! Если сдохнешь от потери крови, никто тут о тебе горевать не будет! Так что сделай милость, заткнись и назло нам всем дай себя осмотреть.

Нуньес хотел было еще что-то сказать, но передумал. Сев на диван, он позволил Киану разорвать рукав рубашки.

Гонсалес подошел к Ксавьеру и испытующе уставился на него.

— Я искренне надеюсь, что не ошибся в вас, сеньор Санторо. Вы известны своей осторожностью и не стали бы приводить за собой кого-то, рискуя попасть под перекрестный огонь.

— Не стал бы. — Ксавьер мельком глянул на пускающую клубы дыма Ребекку, которая увлеченно копалась в смартфоне. — Здесь есть связь?

— Ни черта, — хмыкнул Гонсалес. — Почему, думаете, именно мою виллу выбрали для встречи? Из-за гор сигнал пробивается очень слабо, мои люди используют только рации и на небольшом расстоянии. Про интернет молчу, полный глушняк.

— Да, загнали мы себя в яму. — Перес обрезал кончик сигары и не спеша прикурил. — Я бывал раньше на этой твоей вилле, Альваро, и насколько помню, горы окружают ее с трех сторон. Путь отхода нет.

— Обычно я сваливал на вертолете. — Гонсалес хрипло захохотал и щелкнул пальцами в сторону телохранителя. — Роберто, налей-ка гостям чего-нибудь выпить. Похоже, мы тут застряли. И выдай людям Санторо оружие, а то я чувствую себя живодером. — Он повернулся к замолкшему Перроте и перекрестился. — Упокой Господь его душу, он только что отправился на Небеса.

— Сколько людей у каждого из вас? — спросил Ксавьер.

— Благодаря тебе уже ни одного. Там, — Нуньес кивнул на забаррикадированную дверь, — сущий ад. Сомневаюсь, что хоть один выжил. Эта баба права, теперь нас грохнуть ничего не стоит.

— Не нас, а вас, — поправила Ребекка, не отрываясь от телефона. — Еще раз назовете меня бабой, никакая охрана вас не спасет. По каким критериям вы их отбирали, если не уверены в своих же людях? — Она затушила сигарету о подошву туфли и поднялась. — Черт. Может, на втором этаже ловит лучше.

— Ты. — Ксавьер ткнул пальцем в телохранителя Моралеса. — Иди с ней. Отвечаешь головой.

Тот нимало не возражал.

— Какого черта вы командуете моими людьми?! — рявкнул Моралес, но, поймав взгляд Киана, замолк.

— Отсюда можно уйти только по воздуху. — Гонсалес взял у Ребекки телефон и что-то быстро отстучал на экране. — Это координаты. Если вам удастся вызвать «птичек», считайте, вы завоевали мое доверие.

— Льстит, — криво усмехнулась та и поцокала к лестнице на второй этаж.

Нуньес нервно теребил свежую повязку, Гонсалес и Перес негромко переговаривались. Киан упаковывал аптечку, Йохан неотрывно следил за дверьми и окнами вместе с остальными телохранителями. Включая уже умершего дону Перроту и ушедшую наверх Ребекку с sicario, по-прежнему было тринадцать человек.

Мигеля Гарсиа и его зверского подручного в гостиной не оказалось.

Ксавьер нахмурился. Он пересчитал всех, как только они оказались внутри, и количество не изменилось. Выходит, Мигель остался снаружи?

— Гарсиа не видел? — подойдя к Йохану, тихо спросил он.

Тот мотнул головой.

— Среди убитых — нет. Но у меня далеко не идеальный угол обзора.

— Глянь сверху. Пока там еще безопасно.

Йохан кивком передал Киану эстафету и ушел. Ксавьер уселся на свободный стул и сцепил пальцы перед собой.

Жутко хотелось курить.

* * *

Первое, что он почувствовал, был холод. Затылок заледенел, будто Амадео сунули головой в ледник. Он слегка двинул головой и тихо застонал — тупая боль прорвалась сквозь онемение и отдалась во всей черепной коробке.

— Наконец-то очнулись, — пробился откуда-то голос Гильермо. — Со всего маху головой о плитку — это вам не шутки...

Амадео с трудом сел, морщась от боли — голова едва не взрывалась. Кажется, он упал, но почему?

— Землетрясение, — кратко пояснил Гильермо и отдал Пабло завернутый в полотенце пакет со льдом. — Частенько случается, правда, в большинстве случаев даже картины со стен не падают. Но на этот раз тряхнуло основательно, баллов пять, не меньше. Черт, вам повезло, что отделались шишкой и не разбили голову...

Амадео безуспешно пытался отключиться от болтовни Гильермо. Боль пульсировала в затылке, но голова не кружилась, значит, обошлось без сотрясения.

На столике рядом завибрировал телефон, и Амадео вздрогнул. Машинально перевел взгляд на дисплей, и тут же Гильермо схватил трубку и поднес к уху.

— Слушаю, — сказал он, искоса взглянув на Амадео. Затем отошел к окну и понизил голос. — Все нормально. Небольшая встряска, только и всего. Нет, приезжать не нужно, сиди и не высывайся.

Амадео смотрел на него, перед глазами плясало имя, высветившееся на дисплее. Гильермо стоял к нему боком, цедил что-то сквозь зубы, а картинка, мелькнувшая в голове Амадео, постепенно обретала четкость. Мучительный, зудящий вопрос наконец обрел ответ. Амадео понял, где раньше мог видеть этого человека, почему он казался таким знакомым.

Он поднял голову и встретился взглядом с Гильермо Эррерой, прячущим телефон в карман джинсов. Нет, его зовут иначе. И как только Амадео раньше этого не понял, это же очевидно, черт возьми!

— Вы, — прошептал он, не пытаясь сдержать ярость. — Вы — Энрике Гальярдо!

Тот едва успел скрыть изумление, но у Амадео больше не осталось сомнений. Боже, каким же он был идиотом!

— Откуда вы знаете? — Гильермо уже взял себя в руки и счел, что отпираться бессмысленно. — Мы с вами раньше не встречались.

— Я и не знаю, — ответил Амадео. Голос предательски дрожал. — Как же я не заметил раньше... Вы с Раулем очень похожи, разве что он не носит усов.

При упоминании имени брата Энрике поморщился.

— Глупый мальчишка. Как его угораздило связаться с вами, Амадео?

— Не пойму, вы этому рады или нет?

Энрике усмехнулся.

— Даже в такой ситуации готовы сыпать остротами. Похвальное качество.

— Вы мне солгали.

— Разумеется. Мое имя слишком известно.

— Рауль знает, что вы живы?

— Нет. — Энрике повернулся к окну и отколупнул старую краску ногтем. — Ему и незачем.

— И о том, как вы убили Лучиано Винченце, тоже незачем знать?

Энрике застыл, как статуя. В глазах полыхнул холодный огонь, но он быстро взял себя в руки и выдавил кривую улыбку.

— Разумеется.

— Вы даже не отрицаете. — Амадео опустил голову, волосы скользнули на лицо. — Какая же вы сволочь, Гильермо... Нет, Энрике. Вы солгали мне, солгали брату, солгали всем вокруг о вашей смерти. Да вы просто трус!

— Вы ничего не знаете! — осадил его Энрике. — Абсолютно ничего обо мне не знаете, чтобы так говорить!

— Так скажите мне. — Амадео поднял голову, глаза горели ненавистью. — Расскажите, почему убили Лучиано Винченце, который ничего плохого не сделал. Почему заставили его отца пройти через такой кошмар!

— Рассказать? — на губах Энрике мелькнула короткая усмешка. — Почему бы и нет. Времени у нас навалом.

Он скрылся в комнате и спустя мгновение вернулся, неся в одной руке бутылку текилы, в другой — две стопки. Он поставил выпивку на столик, где минутой ранее лежал телефон.

— Не пытайтесь бежать — за дверью сторожит Пабло.

Энрике Гальярдо развернул стул и уселся на него верхом, уместив подбородок на спинке. Амадео не мигая смотрел на него, пытаясь уловить признаки нервозности и лжи, но, к его чести, Энрике отпираться не стал.

— С чего такие выводы насчет Лучиано? — только спросил он.

— Чистое похищение, — ответил Амадео. Голова раскалывалась, но злость гнала слова вперед. — Слишком маленький выкуп. И ваша готовность помочь в поисках. Вам не нравился Лучиано, он подбивал вашего брата на глупости, и Рауль с радостью шел у него на поводу вместо того, чтобы корпеть над учебниками. Вряд ли вы проявили бы достаточное рвение в таком деле, напротив, порадовались бы, что помеха устранена.

— А вы хорошо разбираетесь в людях, — протянул Энрике. — Заочно составили мой психологический портрет. В награду не стану вам врать: да, похищение Лучиано — моих рук дело, разве что в причине вы ошиблись.

— Ошибся? — Амадео был вне себя от ярости. — Ошибся?! Вы лишили отца сына из-за глупой прихоти, лишили брата руки! Какая, к черту, может быть причина сотворить такое?!

— Выпьете?

Вопрос выбил Амадео из колеи, и он озадаченно умолк. Энрике поднялся, разлил текилу по стопкам и поставил одну из них на подлокотник дивана. Вторую осушил одним махом и налил еще.

Амадео не притронулся к своей порции.

— К чему это все?

— Вы сами спросили меня о причинах. — Энрике пожал плечами. — Разговор будет долгим, а у вас раскалывается голова. Обезболивающего у меня нет, поэтому пейте. Хоть немного полегчает.

Амадео помедлил, затем опрокинул стопку в рот.

— Вы не оставляете мне выбора? — в который раз спросил Энрике Гальярдо у сидящего напротив мужчины в тщательно отутюженной рубашке с коротким рукавом. Соломенную шляпу он уместил на подлокотнике кресла, но та то и дело норовила соскользнуть вниз.

— Никакого, — отрезал собеседник. — Вы не в первый раз задаете этот вопрос, хотите соскочить? Не выйдет, Гальярдо, вы уже прочно сидите на игле. Если не желаете сотрудничать — пойдете под суд, и весь разговор.

— Нет-нет, — забубнил Энрике, хватая документы и складывая их листочек к листочку. — Я вовсе не отказываюсь, Марсело, кто в здравом уме предпочтет тюрьму... Но хоть немного свободы...

— Вы и так получаете привилегии. Ваши грузовики проверяют реже остальных, вас заранее предупреждают об облаве, ваши поля никогда не сжигают. УБН борется с заразой путем таких небольших уступок. Радуйтесь, что вы в их белом списке, Гальярдо. Не представляете, каких трудов мне стоило этого добиться.

— Конечно, не сжигают, — ядовито отозвался Энрике. — Они же почти все конфисковали!

— Они Национальный институт по борьбе с наркотиками. — Марсело Флавио криво усмехнулся. — И не могут позволить бесчинство. Только неусыпный контроль поможет избрать верный путь.

— Да вы шутите! — взорвался Энрике. — Я и так уже ступил на кривую дорожку! Вы вообще в курсе, что картели делают с предателями и просто неугодными? Напомнить вам про Кики Камарену?! Он даже не был стукачом, он был агентом, которого трогать куда опасней! А я, черт побери, самый настоящий стукач! Будь проклят тот день, когда я согласился вам помогать!

— Ну так откажитесь. — Устав бороться со шляпой, Флавио нахлобучил ее на голову. — В тюрьме свободы еще меньше.

Он поднялся и вышел из кабинета, оставив Энрике беспомощно скрипеть зубами. Проглотив длинное ругательство, Гальярдо подошел к открытому окну и собирался захлопнуть его, как вдруг уловил внизу какое-то движение.

Какой-то человек явно не желал, чтобы его заметили, поэтому передвигался вдоль стены дома, сливаясь с вечерними тенями. Энрике едва не свистнул охрану — и как только на территорию пробрался посторонний? — как вдруг понял, что знает шпиона.

Лучиано Винченце, друг его брата. Угораздило же Рауля с ним подружиться. Еще и с такой разницей в возрасте... Мальчишка забил Раулю голову глупостями вроде нескончаемых приключений и любви к искусству, и теперь брат и слышать ничего не желал о том, чтобы возглавить картель. А Катарина без памяти влюбилась в этого олуха, но что взять с женщины? Еще и дурацким прозвищем наградила. Прекрасный принц, надо же...

Энрике фыркнул и потянулся закрыть окно, как вдруг Лучиано поднял голову и посмотрел прямо на него.

Энрике словно молнией ударило — он внезапно понял, что, прячась в тени под окном, Лучиано слышал каждое слово, произнесенное в кабинете в последние пятнадцать минут. Весь разговор. А если он расскажет Раулю? Даже собственная охрана, самые приближенные люди не знали, зачем приходил Флавио, а этот мальчишка теперь способен уничтожить его,

Энрике, поставить под угрозу весь картель, если хоть словом обмолвится об этой встрече лучшему другу!

Энрике натянул улыбку и помахал Лучиано, гадая, что теперь делать. Парень поднял руку и точно так же напряженно улыбнулся в ответ.

Он совершенно точно все слышал.

* * *

Весь следующий день Энрике места себе не находил. Он не боялся, что Лучиано побежит докладывать обо всем кому-то из картелей — он не хуже самого Энрике понимал, что таким образом подставит под удар всю семью. Впервые Энрике порадовался, что пацан закрутил роман с его сестрой — лучшего гаранта и придумать нельзя, но тем не менее, Лучиано совершенно точно что-нибудь предпримет. Попытается предупредить Рауля, шепнет словечко отцу, и тогда слухов не избежать. Как убедить его держать язык за зубами?

Самый простой способ — заставить его замолчать навсегда, но, поразмыслив, Энрике отказался от этого плана. Парнишка далеко не так крут, как о себе мнит, и пары хороших угроз в адрес его семьи вполне хватит. Может быть, даже удастся вынудить его уехать. Папаша его — мелкий законопослушный бизнесмен, без проблем начнет свое дело где-нибудь еще.

Воодушевившись, Энрике почти решился спросить у Рауля, как связаться с его другом, но вовремя сообразил, что это вызовет ненужные подозрения. Он собирался обстряпать дело чисто и без пыли, поэтому придется встретиться с Лучиано наедине.

Отобрав из своей охраны трех надежных людей, которые отличались молчаливостью и даже угрюмостью, он отправил их следить за Лучиано на случай, если тому взбредет в голову какая-нибудь глупость. И не прогадал: на третий день парень выполз из норы и встретился с Раулем в кафе. Ничего важного он сообщить не успел: Энрике моментально дал отмашку, и свидетеля под грохот автоматной очереди запихнули в машину. Неприятным сюрпризом оказалось ранение Рауля, но Энрике старательно глушил чувство вины тем, что спасает семью. Он всю изображал любящего брата, готового прийти на выручку в любой момент, но, естественно, и не думал отдавать приказ о поисках Лучиано. Рауль, доверившись брату, сидел и ждал у моря погоды, Катарина не отходила от него.

Лучиано никто не искал.

Парень сидел в подвале неподалеку от злополучного кафе. Энрике пришел к нему поздно вечером, когда убедился, что Рауль застрял в больнице на всю ночь. Похищение не слишком удачно пришлось на праздник Пятого мая, поэтому больницы оказались перегружены. Энрике пришлось дать денег врачу, чтобы тот не отправил Рауля домой, а Хесус остался с ним на случай, если братцу моча в голову ударит.

Улицы были запружены гуляками, отовсюду слышался смех и пьяные песни. Толпа двигалась по Пасео де ла Реформа к Ангелу независимости, и Энрике, без труда влившись в нее, дошел до нужного поворота, где тоже было не протолкнуться. На некотором расстоянии следовал верный охранник, но если бы кто-то решил организовать покушение на главу картеля, ему это не составило бы особого труда — в толпе добавкой к грохочущим в небе салютам то и дело трещали выстрелы.

Вскоре толпа поредела, навстречу попадались небольшие группки от трех до пяти

человек. Все до одного были пьяны и не обращали внимания на идущего против движения Энрике. Телохранитель держался рядом. Свернув в очередной раз, Энрике жестом приказал ему оставаться на углу, а сам толкнул дверь одного из домов.

Из темноты пахло затхлым влажным воздухом.

— Так и знал, что это вы, — услышал Энрике, когда спустился по скользким от плесени ступенькам.

В глазах привязанного к стулу Лучиано он не увидел страха и списал это на ощущение безнаказанности. В самом деле, кто станет убивать лучшего друга брата, да еще и парня сестры? Он ведь ничего плохого не сделал, никого не предал, ничего не рассказал... Энрике умилился его бесстрашию. Несмотря на присутствие двоих вооруженных людей, которые подпирали стену совсем близко, Лучиано выглядел так, будто его вот-вот развяжут, извинятся за причиненные неудобства и отпустят домой. Так или иначе, иллюзию придется развеять, чтобы не считал себя неприкосновенным.

— Твоему отцу отправят письмо с требованием выкупа, — сказал Энрике, подходя ближе. — Чтобы как-то оправдать твое отсутствие.

Глаза Лучиано блеснули, отразив свет тусклой лампочки, болтающейся под потолком на коротком шнуре. Свет не заметят снаружи — высоко расположенные окна были до такой степени замазаны грязью, что вряд ли кто решился бы прижаться к ним носом. Всего в нескольких метрах отсюда по мостовой грохотали гуляющие, может быть, поэтому наглый пацан ничего не боится? Что ж, его ждет разочарование.

— Вы же не ради выкупа все это затеяли, — говорил тем временем Лучиано. — У вас денег куры не клюют. Это из-за того, что я услышал?

Какой молодец, восхитился Энрике. Даже не думает отпираться, неужели правда не боится?

Он отослал охрану наверх, затем подошел ближе, чтобы никакое случайное слово не достигло их ушей.

— Да. Это из-за разговора, что ты подслушал. Можешь, не врать, я по твоему лицу вижу, что ты слышал все.

— И не собирался, — огрызнулся Лучиано. — Как давно вы на прицеле у Института по борьбе с наркотиками?

— С чего бы мне откровенничать? Тебя это никаким боком не касается.

— Но касается вашей семьи! — упорно гнул свое Лучиано. — Сестры и брата! О них вы подумали?

— Их тоже не касается. — Энрике вздохнул. — Вот что, мальчик. У меня к тебе деловое предложение. Конечно, можешь отказаться.

Лучиано моментально насторожился. Лицо закаменело, он упрямо выдвинул вперед подбородок.

— Что за предложение?

— Ты немедленно забываешь обо всем, берешь отца и брата и уезжаешь из Мехико. И я никогда о тебе больше не слышу.

— А что будет, если я откажусь?

Энрике снова восхитился мужеством Лучиано. Или то была лишь глупость? Неужели в самом деле не понимает, что случится, если он решит упрячиться?

— Не думаю, что ты действительно хочешь знать.

Лучиано опустил голову. Наконец-то до мальчика дошло, с кем он имеет дело. Осталось

слегка надавить, и он сделает все, что потребуется.

— Оставьте мою семью в покое, если я уеду? — переспросил Лучиано, поднимая голову.

Энрике насторожило выражение его лица.

— Да, — осторожно ответил он.

— Хорошо. — Уголки губ Лучиано чуть приподнялись. — Я так и сделаю.

Ох не нравилось Энрике все это! Парень говорил одно, а глаза — совсем другое. Неужели он настолько глуп, чтобы рисковать собственной семьей?

Нет, наверняка замыслил что-то еще. Что ж, раз он выбрал явные угрозы, так тому и быть.

— Кажется, ты не понял. — Энрике снисходительно улыбнулся. — Если попытаешься меня обмануть, то заплатишься за это не ты. Я заставлю тебя выбирать: Грегорио Винченце или малыш Паоло.

Даже в тусклом свете стало заметно, как побледнел Лучиано.

— Не смейте мне угрожать, — севшим голосом произнес он. — Или я...

— Кажется, это ты пытаешься мне угрожать, мальчик. — Энрике улыбнулся, но в улыбке не было ни грамма теплоты. — Я предоставляю тебе разумный выбор, но ты строишь из себя героя. Только в фильмах герои могут спасти всех. В жизни это не работает. Понимаешь?

Лучиано надолго замолчал. Когда он заговорил снова, Энрике понял, что победил.

— А как же Катарина? — спросил он. — Как же Рауль? Я ведь не могу уехать, все им не объяснив...

— Я сам с ними поговорю, на этот счет можешь не волноваться. — Энрике с трудом удержался, чтобы отечески не похлопать Лучиано по плечу. Внутри все пело от радости — не придется разбираться с этим зарвавшимся мальчишкой. — Если волнуешься насчет денег, я оплачу вам переезд в любую точку мира, куда пожелаете. От тебя требуется только держать язык за зубами.

— Я понял, — выдавил Лучиано.

— Вот и славно. — Энрике полной грудью вдохнул затхлый воздух, и тут грязное окно разлетелось всплеском осколков.

Энрике отскочил и грязно выругался, а на улице продолжалась пальба, которая уже удалялась дальше по переулку.

— Сеньор! — прогрохотал из дыры охранник. — Вас не задело? Эти придурки палят куда ни попадя...

— Нет. — Энрике отряхнул с пиджака осколки и поморщился, заметив, что один из них прорезал ткань. — Я в порядке. Твоя работа — следить, чтобы никто не смел приближаться ко мне с оружием, какого черта ты считаешь ворон?!

— Простите, сеньор, — оправдывался охранник. — Но в такой толпе за всеми не уследишь, тем более, сегодня праздник...

— Знаю. — Энрике раздраженно фыркнул. На любом народном гулянии не обходится без стрельбы, в Мексике это непреложный факт. Как будто этим кретинам фейерверков мало, нужно палить в воздух кто во что горазд! Повезло, что его не задело, а то мог бы остаться инвалидом, как бедняга Рауль.

Энрике задумался, как объяснить внезапное исчезновение Лучиано Катарине. Впрочем, она поймет, не ее первую бросает ветреный ухажер. Поплачет с недельку и забудет. С Раулем

будет сложнее, но и ему в конце концов придется смириться.

— Ладно. — Энрике повернулся к пленнику. — На чем мы остановились... Да, завтра ни тебя, ни твоей семьи здесь быть не должно.

Поскольку Лучиано молчал, Энрике повысил голос.

— Я думал, мы обо всем договорились. Или ты решил дать обратный ход? Эй! Я с тобой говорю!

Он тряхнул Лучиано. Голова качнулась вперед и безвольно повисла. Мгновение Энрике в ошолоблении смотрел на него, затем выругался так громко, что в окно снова сунулся охранник.

— Что случилось, сеньор?

— Ничего! — рявкнул на него Энрике. — Ничего хорошего! Совсем, черт побери, ничего хорошего!

* * *

— Та пуля прошила бедняге голову, — закончил Гальярдо, задумчиво поглаживая пустую бутылку. — Случайность, ничего более. Сами видите, я не собирался его убивать, так вышло. Но с того момента пути назад уже не было. Мне пришлось выставить все так, будто Лучиано Винченце убила заезжая банда.

— И отрезать ему голову, — зло сказал Амадео, сжимая в пальцах пустую стопку. Он выпил всего две порции, остальное прикончил Энрике. — Зачем? Вы хоть представляете себе, что чувствовал его отец, когда обнаружил на заднем крыльце такой страшный подарок?

— У меня не было выбора, — повторил Энрике. — Я хотел представить все так, будто Лучиано пал жертвой неудачного похищения. Кто же мог знать...

— Кто же мог знать, что жертвой станет и ваша сестра. — Амадео зажмурился. — Вот ваше наказание за это преступление.

— Вы правы. — Энрике вздохнул. — Я понятия не имел, что Катарина больна. Черт, даже Рауль не был в курсе, бьюсь об заклад, она и сама не знала. Тем не менее, это и есть кара за то, что я совершил. Бедная девочка...

— Не думайте, что эта трагическая случайность снимает с вас вину. Вы отвратительный человек. Утверждаете, что делали это ради семьи, ради безопасности Рауля и Катарины, но тот, кому по-настоящему дорога его семья, никогда не сможет разрушить чужую. А с Винченце вы сделали именно это.

— Я не хотел, — отозвался Энрике. — Хотя сейчас это не имеет никакого значения. Если бы Лучиано не согласился на мои условия, мне так или иначе пришлось бы его убрать, и никаких сожалений я бы по этому поводу не испытывал. Я не положительный герой, сеньор Солитарио, и оправдываться ни перед кем не намерен.

— Вы правы, — прошипел Амадео. — Значения это не имеет. Любому монстру нужны оправдания, чтобы творить злодеяния. Вы прикрываетесь вашей семьей, но на самом деле ничем не лучше обычного убийцы. Сами сказали, что откажись Лучиано уехать, без колебаний избавились бы от него.

— Верно. Поэтому не пытайтесь меня оправдывать, Амадео.

— Не смейте произносить мое имя.

Стопка лопнула, порезав ладонь, но он даже не попытался разжать руку. Энрике схватил

было его за запястье, но тут же спохватился.

— Я принесу аптечку, — официальным тоном произнес он, вставая.

Оставшись один, Амадео согнулся пополам, жадно хватая ртом воздух. Желудок решил станцевать брейк, и не столько от выпитой натошак текилы, сколько от ужаса и отвращения. Рауль говорил, что никогда не был близок с братом, и теперь Амадео понимал, почему. Как можно быть таким беспощадным? Он не пожалел ни в чем не повинного Лучиано, принял ранение Рауля как неизбежное, а о Катарине вообще упомянул вскользь. Словно они для него — не более чем дальние родственники, которых видишь только на свадьбах или похоронах. Чудовищно.

Взгляд натолкнулся на пустую бутылку, которую Энрике оставил на подлокотнике.

Он протянул раненую руку, не замечая режущую боль. Осколки отлепились от кожи и звякнули о пол. Ладонь сомкнулась на горлышке, измазав его кровью.

Таким чудовищам, как Энрике Гальярдо, не место в этом мире. Избавься от него, шептал чей-то голос. Убей. Мир станет лучше без него, скольких людей ты спасешь! Отомстишь за Лучиано Винченце. Дон Грегорио наконец сможет спокойно спать, зная, что убийца сына наказан. Убей его, как только он вернется. Убей!

На запястье сомкнулась чья-то ладонь, и Амадео вскрикнул от боли.

— Простите, — виновато сказал Энрике Гальярдо. — Зачем вам бутылка? Там пусто. Если хотите выпить, я принесу еще.

Поскольку Амадео никак не отреагировал, он наклонился ближе и негромко продолжил увещевать:

— Отпустите. Вы причиняете себе боль, Амадео. У вас кровь идет, уберите руку, я помогу ее перевязать.

Амадео заморгал и разжал пальцы. На горлышке остался кровавый отпечаток. Что он только что собирался сделать? Уж не размозжить ли голову Гальярдо?

Его снова затошнило, и он с трудом удержался, чтобы не расстаться с выпитым. Энрике тем временем занялся обработкой порезов. Аптечку положил на диван рядом с Амадео, но сам садиться не стал. Разумеется, он понял, для чего Амадео собирался использовать бутылку, и теперь осторожно убрал ее из пределов досягаемости.

— С Флавио было так же? — спросил он.

Амадео вздрогнул всем телом.

— Что?..

— С Флавио. Почему вы расправились с ним? Не подумайте, я вас не осуждаю, — торопливо добавил он. — Хоть Марсело и был моим партнером, человеком он был преотвратнейшим. В нашем бизнесе далеко не всегда приходится иметь дело с приятными людьми. Чем он вам насолил настолько, что вы решили избавиться от него?

Амадео посмотрел Энрике в глаза.

— Похитил моего сына. Остриг ему волосы. Переломал пальцы. И это далеко не все, за что он заслужил вечно гореть в Аду.

Тот отвел взгляд и принялся заматывать бинт.

— Понятно. Со мной следует поступить так же, верно? Или даже хуже. Я ведь тоже похитил сына дона Винченце. Еще и убил.

— Прекратите говорить об этом с такой легкостью.

— Почему? К убийству привыкаешь. Самый простой способ свыкнуться — заниматься этим снова и снова. — Энрике завязал бинт. — Но вы не такой, Амадео. У вас не взгляд

убийцы. Вы никогда не станете таким чудовищем, как я.

Цена предательства

Ксавьер стоял на вертолетной площадке на крыше виллы и напряженно всматривался в подернутое серыми тучами небо. Треск автоматных очередей и грохот pistolетных выстрелов мешали расслышать стрекот, на который он так надеялся. Ребекка сказала, что ей удалось передать координаты, но когда и с какой стороны прибудет помощь — неизвестно.

— Черт, если они прилетят до того, как нас убьют, это будет большая удача, — проворчал Гонсалес, оглядываясь на дверь, ведущую на второй этаж, откуда доносились звуки борьбы и громкие вскрики. Оставшаяся охрана не сводила с нее дул pistolетов, но долго они не продержатся. — Говорят, что вы заговорены, сеньор Санторо, но ваше недавнее ранение рассыпало поверья в прах.

— Разве? — рассеянно отозвался Ксавьер. — Тогда почему я еще жив?

— И то верно, — хмыкнул Гонсалес.

Две черные точки появились над горами, и Ксавьер едва не вскрикнул от радости. Наконец-то! Каким только чудом Ребекке удалось пробиться сквозь мощный заслон многовековых камней — неизвестно, но она определенно заслуживает премии.

— Назад! — крикнул он, отступая к стене. Sicarios последовали его примеру, освобождая вертолетную площадку.

Большой черный вертолет, вращая лопастями, опустился точно в ее центр. Ксавьер заметил на фюзеляже Багза Банни и раздраженно фыркнул. Впрочем, он еще никогда не был так рад видеть Мигеля Гарсиа, который высунулся из кабины и помахал рукой. На голове у него красовались огромные наушники.

— Pronto, pronto! — крикнул он.

Медлить никто и не собирался.

Оба вертолета (на втором красовался кот Сильвестр, а за штурвалом сидел приземистый начальник охраны Шон) поднялись в воздух, забрав всех выживших. В кабине с Ксавьером оказались Гонсалес, Киан и Моралес. Нуньес взобрался последним и, тяжело дыша, повалился на пол. Мигель кивнул Тони, и тот, шагнув к барону, ногой спихнул его обратно на крышу. Тот брякнулся с высоты трех метров и закорчился от боли, не в силах даже вскрикнуть — удар вышиб весь воздух из легких.

— Что вы... — раскрыл рот Гонсалес, бросаясь к двери, но Мигель жестом остановил его.

— Я вам все объясню! — прокричал он. — Только поднимемся выше!

Он сказал что-то пилоту, и вертолет двинулся в сторону гор.

Через полчаса обе птички приземлились, и Киан первым выскочил из вертолета с pistolетом наизготовку. Но к ним спешили только двое: тоненький рыжеволосый парнишка и высокий блондин в белом халате.

— Как все прошло? — крикнул второй.

— Отлично!

Винт остановился, и Мигель выбрался из кабины, на ходу снимая наушники. Гонсалес не без опаски ступил на землю, следом плюхнулся Моралес, которого от души пнул Тони. Никто не сделал попытки помочь ему.

— А здесь неплохо. — Перес закурил сигару и сдвинул шляпу на затылок. — Надеюсь,

мы не попали из огня да в полымя.

— Обижаете, сеньор Гилберто. — Мигель распахнул двери дома, и посетителей окатил холодный кондиционированный воздух. — Если бы я хотел от всех вас избавиться, попросту оставил бы там. Корнелиус, будь добр, принеси чего-нибудь освежающего.

Гости расположились в просторной гостиной. Еще в прошлый раз Ксавьера поразил контраст между хозяином и его натурой избалованного ребенка: здесь не было никаких мультяшек: ни «Звездных войн», ни чебурашек, ни так любимого Мигелем Тазза. Гостиная во вполне сдержанных тонах, везде чисто.

— Теперь вы объясните, что это такое? — спросил Гонсалес, принимая из рук Корнелиуса высокий бокал с чем-то зеленым.

— Тархун. — Мигель закинул ногу на ногу.

Гонсалес захлопал глазами.

— Что?

— Ваш напиток. Называется тархун.

— Да я не о том! — рассмеялся Гонсалес. — Почему вы столкнули Диего? Он не убился, конечно, но его наверняка грохнули.

— Сомневаюсь, что солдаты будут убивать своего же нанимателя.

В гостиной повисла тишина, даже непрерывно хнычущий Моралес замолк.

— Что вы сказали? — Перес сухо кашлянул. — Хотите сказать, их подослал Нуньес?

— Именно.

— Но какого...

— Все просто — борьба за власть. — Мигель щелкнул пальцами и указал на Ксавьера. — Вам стоило быть внимательней, когда выбирали возможных союзников.

Тот скрипнул зубами, но промолчал.

— Здесь мы можем договорить спокойно. — Мигель выудил из кармана пачку «M&M's». — На чем мы остановились, когда нас так бесцеремонно прервали?

— Мы обговаривали условия, — напомнил Гонсалес. — Не могу говорить за других, но я согласен.

— Как и я. — Перес пожал плечами. — Не вижу причин отказываться от выгодного контракта. А так как мы с доном Альваро теперь союзники, можем выступать как одна сторона договора.

Тот кивнул.

— Отлично. — Мигель закинул в рот горсть драже. — Все разногласия улажены. Ах да. — Он повернулся к вжавшемуся в кресло Моралесу. — Полагаю, ваш отец также примет участие. Мы позже ему позвоним, чтобы он лично подтвердил согласие. Передавайте ему пламенный привет. Свободны.

Моралес несмело поднялся и, опасаясь поворачиваться к участникам собрания спиной, попятился вслед за Корнелиусом прочь из гостиной.

Альваро Гонсалес поднялся и протянул Ксавьеру руку. Тот крепко ее пожал, скрепляя договор.

— Доставьте ваш товар в порт Веракрус послезавтра, — сказал он. — Дальше — моя забота. Взамен буду ждать сведения об Амадео Солитарии.

— Вы впервые произнесли имя вашего друга, — вставил Перес, закуривая. — Несмотря на то, что нам и так оно известно. Осторожничаете?

— Учусь на горьком опыте, — криво усмехнулся Ксавьер. — Но находящимся в этой

комнате я могу доверять. Не так ли?

— Разумеется. — Перес ответил рукопожатием и вместе с Гонсалесом и двумя оставшимися в живых sicario покинул дом Мигеля.

— Что, черт побери, это значит? — тихо спросил Рауль.

Ксавьер едва не вздрогнул — парень стоял за спиной, а он даже не слышал, как тот подошел.

— О чем вы?

— Вы сказали, что отдадите им Энрике. Но не можете же вы отдать труп, значит, он жив?

Ксавьер молчал.

— Mierda. — Рауль нервно рассмеялся и прижал ладонь ко лбу, будто у него внезапно разболелась голова. — Нет, вы серьезно? Мой брат жив? И когда вы об этом узнали?

— Пару дней назад.

— Пару дней назад, — повторил Рауль. — И молчали. Почему? Что вам нужно от него?

— Ничего. — Ксавьер поднялся и привычным жестом хлопнул себя по нагрудному карману. — Мне нужно найти Амадео. Средства роли не играют.

— Вы... — голос Рауля дрогнул. — Вы... Что же вы творите? Средство? Он мой брат, а не какое-то там средство!

— Амадео тоже мой брат. И я предпочту спасти его, нежели того, к кому никакого отношения не имею.

Короткая вспышка на мгновение ослепила его. Ксавьер отступил на шаг, удивленно моргая, и коснулся разбитой губы.

Он поднял руку, останавливая шагнувшего к ним Киана. Ребекка с Йоханом замолкли и с интересом наблюдали за разыгравшейся сценой.

— Попридержите язык, — прошипел Рауль, потирая предплечье — удар хорошенько отдался в травмированной руке. — Если Энрике жив, я не дам вам убить его снова!

Ксавьер растер капли крови между пальцами.

— Насколько хорошо вы знаете вашего брата, Рауль?

— А вы как думаете?

— А все-таки?

Рауль раскрыл рот, чтобы высказать все, что думает о так бессовестно использовавшем его наркодельце, но, подумав, закрыл. С Энрике они никогда не были особенно близки, как обычно близки братья, но разве это повод...

— Вы и предположить не могли, что Энрике — стукач Наркоконтроля, ведь так? — спросил Ксавьер, снова усаживаясь.

— Да, — признал Рауль, не понимая, к чему ведет Санторо. — Он был жестким, требовательным, но никогда не жаловался. Ни на что. И уж точно не мог бы сдать...

— Тем не менее, он проделал этот фокус не впервые. Я имею в виду предательство. — Ксавьер достал из кармана белоснежный платок и промокнул разбитую губу. — Поэтому и спрашиваю: вы хорошо знаете вашего брата?

— Я... не уверен... — пролепетал Рауль. Вся его бравада и злость куда-то улетучились. — Но...

— Наше знакомство было коротким, но хорошим. Я даже на мгновение посчитал его своим другом, а он ударил меня ножом в спину. С тех пор я не доверяю ему, но несколько недель назад, как раз перед его гибелью — мнимой гибелью — мне пришлось связаться с

ним, чтобы найти Амадео. Вас тогда здесь не было, поэтому вы не в курсе. Энрике согласился меня принять, мне даже показалось, что он этому рад. В то, что он чувствовал вину, я не верю. — Ксавьер усмехнулся и облизнул вновь закровоточившую губу. — Хотел сдать меня Наркоконтролю, чему помешал Мигель. Так скажите, кто из них мне дороже: Амадео или ваш брат?

Рауль молчал, не в силах заговорить. Язык присох к небу, он не мог вымолвить ни слова. На глазах выступили злые слезы, он совершенно не знал, что делать. Ксавьер подставил себя под удар, схлестнулся с картелями, рискуя жизнью, созвал собрание, с которого уйти живым мог лишь очень везучий человек. Он пожертвует чем и кем угодно ради Амадео! Черт, даже сам Рауль проникся этим печальным принцем, с удивительной стойкостью сносящим жестокие удары судьбы! Даже он сам пошел спасать его от банды Флавио, хотя видел его лишь раз, и достопамятная встреча закончилась не слишком приятно!

Но Энрике все еще оставался его братом. Далеким, высокомерным, никогда не снисходящим до похвалы, но братом. И желание спасти обоих разрывало Рауля на части.

— Вернусь на асьенду Гальярдо, — наконец прохрипел он и, отмахнувшись от Корнелиуса, выбежал на улицу.

* * *

— У тебя что, крыша поехала?! — разорвался Хесус, меряя шагами комнатушку. Амадео вжался в диван — и без того небольшое пространство стало еще меньше, и он с трудом подавлял приступы клаустрофобии. — Как ты мог отдать картель Санторо?! Это же твое детище! Нет, наше детище, мы столько лет им управляли, строили кирпичик за кирпичиком, а ты взял его и просто подарил!

— Во-первых, не я, а Рауль. — Энрике устало провел рукой по лицу. — А во-вторых, с каких пор ты приравниваешь себя ко мне? Ты — мой помощник, но не глава картеля, не равноправный партнер, чтобы так переживать.

Хесус побагровел, на лбу вздулась вена. Он собирался что-то сказать, но лишь сильнее сжал кулаки и промолчал.

— Не оспаривай мои решения, это единственное правило, которого я прошу тебя придерживаться. Ты об этом прекрасно знаешь. — Энрике потянулся за едва початой бутылкой мескаля. — И не кричи, у меня от тебя голова раскалывается.

— Я считаю, что это было крайне необдуманное решение, — прошипел Хесус. — Почему не оставил все Раулю? Он все же член семьи.

— Кровь роли не играет, а Рауль не хочет заниматься наркобизнесом. Мне давно надо было это понять. Если бы я так долго не тянул, возможно, все было бы совсем иначе. Ты знаешь, что Катарина мертва?

— Конечно, я же был в больнице, когда Рауля привезли туда с огнестрелом. — В голосе Хесуса послышалась издевка. — Но какое это имеет значение...

— Только ее смерть помогла мне осознать, как я ошибался. — Энрике отхлебнул мескаль прямо из горла. — И как она и Рауль были мне дороги. Я больше не могу заставлять его делать то, что ему не по душе. Тем более он может пострадать или даже погибнуть.

— Тогда назначил бы кого-нибудь другого! У тебя в клане полно людей, которые...

— Которые — что? Лучше знают бизнес, чем Санторо? Брось, Хесус, ты прекрасен

знаешь, что лучшего кандидата не найти. Я уверен, что под его началом картель будет процветать, зачем мне искать кого-то еще?

— А почему сам не хочешь вернуться?

— Во-первых, за мной охотится УБН. Пусть они думают, что я мертв, стоит мне только вылезти — и меня тут же арестуют. И второе: картели тоже точат на меня зуб. Если я покажусь, результат ты знаешь.

— Не будь трусом!

— Я не трус! — Энрике треснул кулаком по подлокотнику. — Но я не хочу. Я устал. Я больше не могу. Я столько людей потерял, в том числе и самого себя. Если Санторо угодно, может отдать картель на растерзание другим, мне этот бизнес больше не нужен.

Хесус готов был лопнуть от злости. На пол закапала кровь — он так сильно стиснул кулаки, что ногти впились в ладони.

— Ты совершаешь ошибку, Энрике, — прошипел он. — Большую ошибку.

— Ну так останови меня. — Гальярдо отрешенно уставился в окно. — Только теперь уже бесполезно. Жив я или мертв — не имеет никакого значения.

Хесус вылетел из комнатухи, хлопнув дверью так, что с потолка посыпалась побелка. Амадео осторожно выпрямился и тихо спросил:

— Что это значит? Ваш картель теперь принадлежит Ксавьеру?

Энрике кивнул.

— Но почему? Зачем вы это сделали?

— Вы слышали ответ. Я считаю, что только Ксавьер справится с ним. Если ему не нужна лишняя головная боль, пусть делает с ним что хочет.

— Вы только сегодня узнали о смерти Катарины, так?

Энрике снова кивнул.

— Пабло рассказал. Понятия не имею, почему Хесус не сообщил мне раньше. От чего пытался меня оградить? Он прекрасно знал о наших отношениях, даже когда она впала в кому, я не сильно огорчился. — Он усмехнулся. — Лишь эгоистично порадовался, что не придется ничего объяснять. Но теперь... Я и сам не понимаю, почему мне так грустно.

— Потому что она ваша сестра. — Амадео наклонился вперед, пытаясь поймать взгляд Энрике. — Вы видели, как она растет, как влюбляется, как смеется и грустит. Пусть вы и отстранялись, но не могли все это игнорировать. — Он помолчал. — Я большую часть жизни рос со старшим братом, но так и не смог его полюбить, как ни старался. Вдобавок он сделал ужасную вещь, за которую я до сих пор не могу его простить. У вас все по-другому, Энрике.

— Вовсе не по-другому. Если бы Катарина узнала, какую ужасную вещь сделал я, она бы никогда меня не простила.

— Возможно. Но ваших чувств к ней это не меняет.

Энрике потер налитые кровью глаза и отхлебнул из бутылки. Пил он слишком много.

— А вы смогли бы простить меня? Вы едва не размозжили мне голову, когда я рассказал вам правду. Смогли бы?

— Я бы с удовольствием заставил вас страдать так, как страдал дон Грегорио. Но простить? — Амадео покачал головой. — Я не вправе этого делать. Вам нужно не мое прощение.

Энрике задумчиво кивнул.

— Да. Наверное, вы правы. — Он поднялся и, прихватив бутылку, направился к

выходу. — Ложитесь спать, уже поздно.

— Но...

Дверь захлопнулась, и Амадео остался один. С тяжелым вздохом улегся и уставился в потолок. Ксавьер забрал себе картель Гальярдо, он совсем сошел с ума? Еще недавно клялся и божился, что ни за что не свяжется с Мексикой, а теперь сам встал во главе одного из картелей! Неужели это все из-за него, из-за Амадео? К чему такие риски?

И почему Мигель не сообщит, что с ним все в порядке? Ксавьер не стал бы так рисковать понапрасну, значит, не знает, что Амадео ничего не грозит. Почему Мигель молчит?

Амадео застонал и прижал ладони к глазам. Господи, он уже ничего не понимал! Он потерял нить игры после того, как Мигель встретил его на аэродроме, и с тех пор никак не мог схватить ее, чтобы распутать клубок. Скорей бы встретиться с Ксавьером, он должен объяснить, зачем ему понадобилось лезть в этот серпентарий!

В патио Энрике прихлебывал мескаль, глядя на подернутое смогом небо. Где-то пробивались немногочисленные звезды, но по большей части он видел перед собой темную муть.

— Прощение, — прошептал он и сделал большой глоток из почти пустой бутылки. — Я не имею на него права.

* * *

Ксавьера разбудил гудок автомобиля. Непрерывный, будто кто-то упал грудью на клаксон, он разрывал остатки сна, как тонкую материю, пронзал ранее утро требовательной визгливой трелью.

— Какого черта? — прошептал Ксавьер, с трудом отрывая голову от подушки.

Он полночи не мог заснуть, бродил туда-сюда по вилле Мигеля, то и дело натыкаясь на несущего стражу Тони. И когда наконец удалось задремать, раздался этот навязчивый пронзительный гудок.

Ксавьер оделся и вышел из дома.

Солнце только-только встало, заливая золотистым светом посыпанную гравием площадку перед домом. Шон уже открыл ворота, впуская автомобиль, луч сверкнул на лобовом стекле, и Ксавьер прищурился.

— Доброе утро, сеньор Ксавьер! — приветствовал Гонсалес, выходя из машины. — Прошу прощения за ранний визит, но кое-кто хотел вас увидеть, прежде чем стать подпиткой для кактусов и пищей для стервятников.

Ксавьер озадаченно нахмурился.

— Не пойму, о чем вы, сеньор Гонсалес. Не слишком ли рано для ребусов?

— Вовсе нет. — Гонсалес распахнул дверцу, и из автомобиля выбрался мужчина.

Черные зачесанные назад волосы. Усы. Темные, почти черные глаза, в которых сквозило виноватое выражение. Ксавьер моментально узнал его, несмотря на то, что не видел уже почти десять лет.

— Ну здравствуй, Энрике, — хмыкнул он. Голос внезапно сел, и он откашлялся.

— Здравствуй. — Энрике старательно избегал его взгляда и не протянул руку.

Ксавьер ожидал, что ненависть затопит его, как тогда, много лет назад, но ему,

напротив, вдруг стало жаль этого мужчину, который был вынужден скрываться и от своих, и от чужих, зная, что с ним сделают, если найдут.

— Ты хотел меня видеть.

— Да, — собравшись с духом, Энрике Гальярдо поднял голову и уставился Ксавьеру в переносицу.

— Я бы мог сам передать сведения, но он настоял, что должен сделать это лично. — Гонсалес пожал плечами. — Имейте в виду, как только он это сделает, я заберу его, как и договаривались.

— Разумеется. — Ксавьер сверлил Энрике взглядом. — Что ты хотел мне сообщить?

— Я...

Их прервал визг тормозов. У ворот остановилась машина, и оттуда выскочил встрепанный Рауль.

— Энрике!

Услышав голос брата, Гальярдо застыл, как статуя. И не шелохнулся, даже когда Рауль подскочил к нему и начал орать.

— Зачем?! — кричал Рауль так, что начавшие утреннюю песню птицы озадаченно примолкли. — Зачем весь этот спектакль? Я, *chinga tu madre*, думал, что ты мертв! Что тебя убили, а ты... — Он нервно рассмеялся. — Ты все это время скрывался?!

— Я тоже рад тебя видеть, Рауль, — тихо вставил Энрике, и брат наконец замолчал, тяжело дыша. — И тебя, Ксавьер.

— Спасибо за любезность. — Ксавьер отодвинул Рауля в сторону. — Так что ты хотел мне сказать? У меня нет времени на пустой треп.

— Я знаю, где Амадео.

Ксавьер на мгновение перестал дышать, глаза застлала красная пелена. Он с трудом остановил себя, чтобы не схватить Энрике за грудки и не тряхнуть как следует.

— Полагаю, ты не скажешь этого просто так, по старой дружбе, — выдавил он, заставив себя разжать кулаки.

Энрике вздохнул.

— Я готов сколько угодно раз извиниться перед тобой за то, что между нами произошло, но сомневаюсь, что тебе это нужно. Ты все равно больше никогда не станешь мне доверять.

— Если ты мне соврал, я...

— Я не соврал, — оборвал его Энрике. — Я знаю, где Амадео, и никаких дополнительных условий мне не нужно.

— Тогда скажи! — Ксавьер схватил его за рубашку. — Сколько будешь парить мне мозги?!

— Похоронная контора на улице Седрос, — прохрипел Энрике — воротник рубашки сдавил горло. — Если не веришь — спроси Альваро. Его человек отыскал это место.

— Верно, сеньор Ксавьер. — Гонсалес прислонился к дверце автомобиля и курил, выпуская аккуратные колечки дыма. — Мой человек держит небольшой магазинчик на улице Седрос, а напротив него — похоронная контора. Соседство так себе, но он утверждает, что видел там вашего парня. Такой, говорит, длинноволосый красавец, взгляд, как у загнанного мангуста. — Гонсалес рассмеялся. — Того и гляди голову отгрызет!

Ксавьер перевел дух. Амадео жив и здоров, а с Энрике он разберется после.

— Едешь со мной, — он запихнул Гальярдо на заднее сиденье «шевроле» Мигеля. —

Сеньор Альваро, я верну вам его, даю слово.

Тот отсалютовал почти докуренной до фильтра сигаретой.

Рауль плюхнулся рядом с братом и пристегнулся ремнем безопасности на случай, если здоровяку Тони вздумается выбросить его из машины. Энрике молча таращился на него, затем едва заметно улыбнулся.

— Я правда рад видеть тебя живым и здоровым, Рауль, — шепнул он.

— А я тебя убью, если не заткнешься, — голос дрожал так, что Рауль спотыкался на каждом слове.

За руль сел Йохан, Рауль вцепился в спинку переднего сиденья так, будто готов был вырвать ее с корнем. Ксавьер пристегнулся и скомандовал:

— Поехали.

Йохан вырулил на улицу и включил навигатор.

— Это недалеко отсюда, — сообщил он, поворачивая налево. Голос дрожал от волнения. — Всего десять минут.

Так близко! Ксавьер нетерпеливо стиснул ручку двери. Через десять минут он затащит принца в машину, даст по газам и увезет в большую, просторную тюрьму с решетками на окнах.

— Какого черта Амадео там делает? — процедил он, почти не разжимая губ. — И откуда ты об этом узнал?

— Амадео мой гость, — ответил Энрике. — Уже несколько дней как.

Ксавьер задохнулся от возмущения.

— Какого черта, зачем ты вообще его похитил?!

— Ты затеял опасные игры с картелями, ему лучше было находиться в стороне, чтобы его не смогли использовать против тебя. Достаточно весомая причина?

— Не верю ни единому слову.

— Справедливо.

Несмотря на ранний час, дорога была запружена автомобилями, и Йохан то и дело был вынужден жать на тормоз. Он яростно сигналил и ругался под нос, не пытаясь скрыть нетерпение.

Ксавьер барабанил пальцами по ручке двери.

— Ты ведь знаешь, что потом я верну тебя Гонсалесу, так?

Рауль округлил глаза.

— Что? Нет! Это не...

— Знаю, — спокойно ответил Энрике. — Как думаешь, зачем я сам ему сдался? Чтобы не заставлять делать лишнюю работу. После того, как заберем Амадео, я уеду вместе с Альваро.

— Да как ты смеешь?!

— Спокойно, Рауль. — Энрике с улыбкой взъерошил ему волосы. — Я ведь уже мертв. Не забыл?

Брат не нашелся, что ответить. Горло перехватило, в глазах предательски защипало. Он хотел наорать на Энрике, дать как следует по морде, но не мог ни вздохнуть, ни пошевелиться. Да как этот засранец смеет так шутить?!

Повернув на улицу Седрос, Йохан затормозил и зашарил взглядом по сторонам в попытке найти похоронное бюро. Навигатор упрямо сигналил, что место назначения достигнуто, но ничего похожего на дом ритуальных услуг видно не было.

— Вон там. — Энрике протянул руку вперед. — Проедьте еще немного, третье здание справа. Можете припарковаться здесь. — Он указал Йохану на свободное парковочное место.

Тот нетерпеливо кивнул.

— Идемте за мной. — Энрике первым выбрался из машины.

Ксавьер без малейшего колебания последовал за Гальярдо в полумрак конторы, вскоре его догнал Йохан. Здесь было прохладно, окна закрыты жалюзи, свет в зал почти не проникал. Вдоль стен молчаливыми стражами выстроились гробы на любой вкус. Рауль поежился и вперил взгляд в спину Энрике. И налетел на Хесуса, который неожиданно выступил из тени.

— Твою ж... Подкрадываешься, как чертов призрак! — выругался он, невольно отступив на шаг. — погоди... Ты что тут делаешь? Ты что, знал...

Хесус промолчал и окинул мрачным взглядом Ксавьера, тот ответил ему тем же.

— Я не могу больше ждать. Где Амадео?

— Хесус, я же велел тебе привести его, — вместо ответа сказал Энрике. — Где Солитарио?

— Я и привел, — осклабился тот. — Он здесь. Как ты и приказывал.

Ксавьер вопросительно взглянул на Энрике, начиная закипать. Если его опять обдурили, он разнесет эту контору до последнего камушка.

— Я не настроен шутить, Гальярдо. — стальным голосом произнес он. — Где Амадео?

— Шутки шутить удумал? — прошипел Энрике, хватая Хесуса за руку. — А ну живо...

Его прервал какой-то звук. Энрике замер, прислушиваясь, Ксавьер тоже насторожился. Будто мышь скреблась под полом, только гораздо громче.

— Что это? — Энрике схватил Хесуса за грудки. — Что, черт побери, ты...

Тот схватил Энрике за запястья и грубо оттолкнул от себя. Гальярдо запнулся о попавшийся на пути гроб и едва удержался на ногах.

— Я же сказал. — Хесус осклабился. — Он здесь. В одном из этих чудесных гробов. Поищите?

Йохан поперхнулся. Ксавьер на мгновение застыл, осмысливая услышанное. Затем окинул взглядом похоронный зал: гробов тут было не меньше двадцати. И в одном из них — принц, который может задохнуться не от нехватки воздуха, а просто от ужаса.

— Ты! — Он попытался схватить Хесуса, но тот ловко увернулся и выхватил пистолет. С небольшим запозданием то же самое сделал и Йохан.

— Давайте, сеньор Санторо, начинайте искать. — Хесус лениво повел стволом, приказывая Йохану бросить оружие. — Только все они либо заколочены, либо закрыты на замки, придется повозиться, чтобы освободить вашего друга. Ах да, вы еще не знаете, где именно он лежит... Вскоре он потеряет сознание от ужаса, и тогда даже по звуку не сориентироваться. — Он погрозил пистолетом Энрике. — А ты — сущий идиот. Радовался бы, но снова чем-то недоволен. Итак, сеньор Санторо. Нет-нет, стойте на месте, мы еще не закончили разговор.

— Мы и не начинали. — Ксавьер тщательно прислушивался, стараясь уловить малейший звук, но, как назло, Хесус не затыкался, и расслышать хоть что-то не удавалось.

— Вы увели картель прямо из-под носа моего начальника. — Хесус поигрывал пистолетом, но дуло ни на секунду не уходило в сторону. — А я столько сил приложил, чтобы заполучить его! Вы всегда такая заноза в заднице?

— Меньше слов, — оборвал его Ксавьер. — Тебе нужен картель? Забери.

— Как мило. — Хесус улыбнулся, обнажив мелкие зубы. — Только вот потом вы придете и снова заявите на него права. Нет, этого мало.

— Чего ты хочешь?

— Хесус, ты... — Энрике шагнул к нему, но тот помахал пистолетом и заставил его встать рядом с Ксавьером. — Тебе все это время нужен был картель? Я считал, ты не настолько амбициозен!

— А вы думаете, я зря танцевал вокруг тебя и вашего младшего братца? Сколько раз я подавал хорошие идеи, сколько раз заключал выгодные сделки, но ты этого не замечал. Ты заиклился на своем брате, а потом, что еще хуже, сбросил меня с моего законного места, взяв под крыло эту падаль! — Он ткнул стволом в Ксавьера.

— Так я и думал. Это ты подбросил тогда наркотики мне в комнату. — Ксавьер осторожно шагнул вперед, напряженно вслушиваясь. Ну же, принц, издай хоть звук!

— Конечно. А Энрике так много видел сорвавшихся наркоманов, что даже не засомневался. А потом из Штатов вернулся этот сопляк Рауль. Почему ты, черт побери, не показал себя хорошим братом и не дал ему заниматься своими картинами? Всем было бы легче.

— Он мой брат, — выдавил Энрике, отводя взгляд от Ксавьера. — Я хотел, чтобы он...

— Какой заботливый. Ты даже убил его друга, чтобы рыбка не сорвалась с крючка. Бедняга Лучиано даже не понял, за что с ним так обошлись.

— О ч-чем он? — заикаясь, спросил Рауль. — О чем ты говоришь?!

— Это была случайность, — перебил Энрике. — Хватит болтать, где Амадео?

— Я же сказал, ищите сами. — Хесус попятился, не опуская оружия, и выскользнул в открытую дверь.

— За ним, — скомандовал Ксавьер Йохану. Тот, не споря, подобрал пистолет и выбежал следом.

Ксавьер бросился к одному гробу, Энрике — ко второму. Крышки, как и говорил Хесус, были заколочены.

— Гвоздодер. — Ксавьер протянул руку, и Энрике, осмотревшись, бросил ему нужный инструмент.

В четырех гробах оказались только плотно утрамбованные пакеты с марихуаной, в пятом — кокаин.

— Если сейчас нагрянет УБН, мы пропали, — скороговоркой пробормотал Энрике, помогая Ксавьеру отодрать очередную крышку.

— Плевать. — Ксавьер пнул забитый наркотиками гроб и осмотрелся. Где же, черт побери, принц?

Стоящий у стены гроб с лакированной крышкой вдруг едва заметно дернулся. Раздался тихий стук, за ним последовал едва слышный стон.

— Здесь. — Ксавьер бросился к гробу.

* * *

Амадео проснулся в темноте.

Ему было жарко, воздух казался спертым и затхлым, а вокруг не было ничего, кроме

черноты.

Нет... Было еще что-то. Поверхность, в которую упирались руки, когда он попытался нащупать путь с непроглядной тьме. Он даже не мог выпрямить их до конца! На ощупь она была мягкой, но дальше пальцы упирались во что-то твердое.

Он в гробу.

Паника мгновенно явилась на огонек и приняла его в свои липкие душные объятия. Амадео хватал воздух ртом, но наполнить легкие никак не удавалось. Он толкал и толкал обитую шелком поверхность перед собой в надежде выбраться, но она даже не шелохнулась. Кричать он тоже не мог — горло сдавило так, что даже воздух с трудом проталкивался. И именно поэтому он услышал тихий вскрик.

Амадео замер, не веря ушам. У него уже начались галлюцинации от ужаса?

Через несколько секунд послышался второй, и по телу будто пропустили электрический разряд. Амадео перестал бить руками по крышке, медленно опустил их и уставился в темноту.

Снова вскрик. Следом еще один.

Он знал этот голос, он любил его больше всего на свете.

И ненавидел мразь, заставившую его сына кричать.

Крики стали громче, послышался тихий смех человека, который должен был быть мертв.

Паника ушла, уступив место холоду. Амадео не чувствовал и не слышал ничего, кроме непрекращающихся выкриков. Один. Следом второй. Тихий смех Флавио. Вскрик. Еще один. Смех. Вскрик. Вскрик. Смех.

Амадео зажал уши руками, но это не помогло. Голоса звучали в голове, сводя с ума, заставляя забыть обо всем. Он замолотил кулаками вокруг себя, цеплялся за шелковую обивку в надежде заглушить этот кошмар, но ничего не помогало.

И тут пальцы наткнулись на что-то гладкое и металлическое.

* * *

С помощью Энрике Ксавьер снял крышку и едва не оглох — над самым ухом бахнул выстрел.

Амадео вытянул вперед руку с пистолетом. Белое лицо застыло пустой маской, стеклянные глаза смотрели прямо на Ксавьера, но не видели.

Выйдя из ступора, Ксавьер почувствовал, что по шее течет что-то горячее и липкое — кажется, пуля оцарапала ухо, но боли он не чувствовал. Он осторожно взял принца за запястье и попытался разжать пальцы, но те по-прежнему сильно сжимали рукоять пистолета.

— Принц, — заговорил он, не слыша себя — ухо заложило от грохота выстрела. — Принц, отдай мне оружие.

Энрике осторожно присел рядом. Рауль так и порывался броситься на помощь, но дуло смотрело в его сторону, и он не знал, как отреагирует Амадео. Чудом никто из них не пострадал.

— Принц, — продолжал увещевать Ксавьер. — Пистолет. Отдай мне. Все хорошо, я здесь. Тебе он больше не нужен.

— Он тебя не слышит, — сказал Энрике.

«Я тебя тоже», — хотел съехидничать Ксавьер, прочитавший его слова по губам, но сдержался.

Амадео смотрел на него пустым взглядом, затем вдруг размахнулся свободной рукой. Ксавьер едва успел подставить запястье.

— Сошел с ума, — констатировал он, и тут Амадео бросился на него.

Пистолет брякнулся на пол, Энрике от неожиданности отскочил, а Ксавьер схватил принца в охапку и прижал к себе.

— Хватит, — сказал он, с трудом удерживая Амадео — несмотря на изможденный вид, силы в принце оказалось достаточно. — Прекрати. Прекрати!

Он высвободил руку и, коротко размахнувшись, залепил Амадео пощечину.

Что-то маленькое звякнуло о пол и откатилось к ногам Рауля. Тот наклонился и подобрал предмет.

— Что это?

Энрике забрал у брата наушник и приложил его к уху.

— Там крики ребенка. — Он поморщился. — Это его сын?

— Наверняка. — Ксавьеру наконец удалось совладать с непокорным принцем — без кричащего ему в ухо Тео тот мгновенно обмяк. Глаза закатились, голова поникла. Амадео потерял сознание.

— Черт, принц, только попробуй умереть, я сам тебя убью, — прошипел Ксавьер. — Воскрешу и убью! Слышишь меня?!

Амадео никак не отреагировал.

— Послушай, Ксавьер, — голос Энрике дрожал от испуга и злости на Хесуса. Ксавьер слышал его будто через слой поролона. — Это не мой приказ. Я не собирался запикивать его в гроб!

— Потом, — оборвал Ксавьер. Собственный голос глухо отдавался в голове. — Его нужно на воздух.

Он подхватил Амадео на руки, и тут земля ушла из-под ног.

* * *

Пыль была повсюду.

Забивала дыхательные пути, застилала глаза, скрипела на коже. Не давала пошевелиться. Ксавьер пытался разглядеть хоть что-то, но вокруг была только темнота, под веки и в горло набилась вездесущая пыль.

Закашлявшись, он уткнулся лицом во что-то мягкое. Волосы, длинные волосы. Принц?

Да, это был он. Когда на них рухнул похоронный дом, Ксавьер не выпустил Амадео, а крепче прижал к себе. Но что, черт побери, произошло?

Он толкнул руками завал над собой, и тот неожиданно легко поддался. Выбравшись наружу, Ксавьер протер глаза и осмотрелся.

Улица Седрос превратилась в ад.

Там, где раньше стояли одно- и двухэтажные дома, магазины, конторы, теперь остались только развалины, по которым бродили серые от пыли люди. Их глаза ничем не отличались от глаз принца несколько минут назад.

Пустота.

Скоро она заполнится ужасом и болью.

Ксавьер отбросил в сторону обломки и вытащил принца наружу. Тело плохо слушалось, мимоходом он отметил рваную рану на левой ноге, но боли не чувствовал. Шок, скоро пройдет, а пока нужно позаботиться об Амадео.

Он подхватил принца на руки и, с трудом пробираясь между завалами, вытащил его на открытое пространство. Звуки постепенно возвращались, он слышал крики боли, плач детей и знакомый голос.

— Энрике! Энрике!!

Ксавьер опустил Амадео на землю и увидел Рауля, распластавшегося на краю гигантской трещины — того, что осталось от половины похоронного дома. Он тянул руку вниз и громко звал брата.

На дне расселины распластался Энрике.

Ксавьер с первого взгляда понял, что тот мертв. Вокруг головы расплзлось кровавое пятно, уже впитавшееся в серую землю, и что-то розовое. Высота была не такой большой, но, падая, он расколот голову о каменистый выступ.

— Энрике! — вопил Рауль, бессильно сжимая правую, покалеченную руку. В скрюченных пальцах был зажат обрывок рукава.

Энрике Гальярдо погиб, потому что брат не смог его удержать. Той самой рукой, которая пострадала по его вине.

* * *

Это землетрясение назвали самым сильным после катастрофы 1985 года. Оно оценивалось в восемь баллов по шкале Рихтера и повлекло за собой кошмарные разрушения и гибель семи тысяч человек. Ксавьеру повезло — крыша похоронного дома давно нуждалась в ремонте, балки были изъедены термитами и весили не настолько много, чтобы убить. Он отделался раной на ноге, на которую наложили семь швов, ссадиной на лбу и небольшим сотрясением. Принц — удивительное дело! — практически не пострадал, по крайней мере, физически. Йохан, гнавшийся за Хесусом, оказался на узкой улице, и его едва не завалило обломками рухнувших по обеим сторонам зданий, и Цзинь, ругаясь по-китайски, два часа вытаскивал из его спины многочисленные щепки и осколки бетона. Йохан матерился в подушку, но, вспоминая кошмарные шрамы на спине Амадео, терпеливо сносил мучения и даже не просил обезболивающего, хотя дергало ужасно.

Правая рука Рауля покоилась на перевязи. Пытаясь вытащить брата, он еще больше повредил ее, и теперь не мог вообще ничего ей делать.

Похороны Энрике на общем фоне трагедии прошли незаметно.

На следующий день после них все собрались на вилле Мигеля. Рауль принял соболезнования от Гонсалеса и Переса, но старался держаться в стороне. За обедом Ксавьер коротко обрисовал ситуацию, сказав, что настоящим стукачом оказался Хесус Гальярдо. Заведомая ложь, Амадео точно это знал — Энрике сам признался, когда рассказывал историю Лучиано, но от правды никому пользы не было.

Амадео пришлось рассказать Раулю, что случилось с Лучиано на самом деле. Скрывать не имело смысла — Хесус достаточно наболтал об этом там, в похоронном доме. Оба они

решили ничего не говорить дону Грегорио — ни к чему ворошить прошлое и пробуждать боль, с которой пожилой дон только-только начал справляться.

Хесус бесследно исчез. Возможно, погиб под завалами, но Ксавьер склонялся к тому, что он скрылся, как крыса, в трущобах Мехико. В любом случае, в одиночку он ничего не мог сделать и опасности никакой не представлял. Однако Ксавьер настоял на том, чтобы продолжить поиски — не хотел оставлять ни малейшего риска того, что принца снова похитят и попытаются убить.

— Рад наконец познакомиться с вами, сеньор Солитарио. — Гонсалес пожал Амадео руку. — Наслышан. И рад, что вам удалось выбраться из этой передрыги живым.

— Я тоже. — Амадео бледно улыбнулся, отвечая на рукопожатие. Выглядел он смертельно уставшим: в ушах постоянно звучал крик Тео и смех Флавио — в наушник Хесус включил звук с того самого видео, где мальчику ломали пальцы, записав его на повтор. Амадео не мог спокойно спать, а проснувшись, хватался за телефон, чтобы позвонить сыну, и только услышав его голос, ненадолго успокаивался.

До вылета оставалось три дня. Цзинь настоял, чтобы Амадео как следует отдохнул, прежде чем показываться дома в таком виде, и пичкал его успокоительным. Худо-бедно помогало.

— С бандой Флавио покончено, как и договаривались, — сообщил Перес, закуривая сигару. — Из тех пятерых остался только Бернардо, он под стражей. — Он искоса глянул на Амадео. — Не понимаю, почему вы попросили оставить его в живых.

— Свои причины, — коротко улыбнулся он. — Вы допросили его?

— Разумеется. Признался, что работал на Хесуса Гальярдо, который и бросил клич по картелям. На самом деле я впервые о нем слышу, мне предложения принести вашу прекрасную голову не поступало. — Перес широко улыбнулся. — Полагаю, это была осознанная провокация для Рауля, чтобы под шумок устранить и его.

— А Хесус?

— Хесуса Гальярдо ищет вся Мексика, — хохотнул Гонсалес. — Стоило только заикнуться о том, что он — осведомитель УБН, и все встали на уши. Скоро вашего парня привяжут к мотоциклам и развезут на все четыре стороны.

Рауль поежился, но промолчал. Столько лет этот человек был рядом с Энрике, потом — рядом с ним. Его советы всегда были дельными и, несмотря на грубое поведение, ему доверяли. Но этот подонок убил Катарину! Ради того, чтобы заставить Рауля сложить с себя полномочия главы, чтобы вернуть власть Энрике и в конце концов забрать картель себе, он убил его сестру, черт возьми!

После похорон Рауль наконец открыл папку с медицинскими документами Катарины, стремясь чем-то занять себя. И среди прочего нашел лист с согласием на отключение от аппарата, подписанный Хесусом Гальярдо. Как родственник он имел на это право. И сделал это в тот день, когда Рауль валялся в той же больнице без сознания.

Чертов *pendejo*!

С таким уровнем доверия Рауль совсем не годился для наркобизнеса и был счастлив, что передал картель Санторо. Что, впрочем, не отменяло того факта, что тот собирался сдать Энрике картелям.

— Знай я, во что это выльется, никогда бы не позволил тебе сунуться в Мексику, — сказал Амадео. — Из-за меня ты чуть не остался без уха.

Он, Ксавьер и Рауль сидели в патио виллы Мигеля. Ксавьер пил виски, Амадео

ограничился лимонадом — Цзинь пообещал убить его, если увидит со спиртным во время лечения. Рауль пить отказался. Он сидел, сгорбившись, правая рука лежала на перевязи, пальцами левой он нервно барабанил по колену.

— И что бы ты делал? — насмешливо спросил Ксавьер, нарочито теребя пластырь — пуля оставила царапину, хотя крови было много. — Выбирался бы сам? Тогда, боюсь, я бы никогда не увидел тебя живым.

— Ты меня недооцениваешь, — с деланной обидой произнес Амадео. — Отец любил повторять, что деньги — еще не все. Главное — связи. — Он с улыбкой отсалютовал Лоренцо, который неподалеку болтал о чем-то с Йоханом и Кианом.

Именно Лоренцо был одним из тех пилотов, что забрали Ксавьера и компанию с осажденной виллы Альваро Гонсалеса. Мигель связался с ним вскоре после того, как он привез Амадео, и нанял для «опасной, но интересной работы», спросив только, умеет ли тот пилотировать вертолет. Лоренцо ответил согласием, тем более ему посулили щедрую оплату. Но знай он, кого на самом деле придется спасать, денег не взял бы вообще, как он горячо уверял Амадео.

— Не могу не согласиться с господином Солитаро, — хмыкнул Ксавьер. — Мудрый человек.

— Что произошло между вами и Энрике? — спросил Рауль. В красной рубашке, нахохлившись, он походил на обиженного попугая. — Почему вы так его возненавидели, что готовы были сдать картелям?

— Это не ненависть, — ответил Ксавьер, аккуратно взбалтывая виски. — Глаз за глаз. Предательство за предательство. По крайней мере, я именно так оправдал бы себя в молодости. Но сейчас мне было необходимо вернуть Амадео.

— Я не о том спросил! — Рауль стиснул пальцы левой руки в кулак.

— Я знаю. — Ксавьер задумчиво смотрел вдаль. — Знаю.

* * *

Уже два месяца Ксавьер жил на асьенде Гальярдо. Он практически избавился от наркотической зависимости, не без помощи Энрике — у того был большой опыт в подобных делах. Как он объяснял, многие из людей, имеющих дело с наркотиками, срываются, но это не повод разбрасываться ценными кадрами. В наркобизнесе и так слишком мало тех, кому ты можешь доверять, а если убивать каждого второго за употребление, можно вылететь в трубу. Поэтому за каждого работника он бился до последнего. Если тот ни в какую не хотел покончить с пагубной привычкой, то Энрике разбирался с ним весьма жестко, тем самым устрашая молодняк, чтобы даже не думали прикасаться к наркоте. По крайней мере, пока работают на него.

— Даже самый верный человек может за дозу сдать тебя властям, — говорил Энрике. — Это не психология. Это физическая зависимость, против которой голосу разума трудно устоять. Если человек не хочет спасти себя сам, тут бессилён даже я.

Ксавьер хотел. Он быстро понял, что едва не погиб, и если бы не Энрике Гальярдо, который подобрал его на улице, то безымянные братские могилы получили бы еще одно гниющее тело. Он с детства не любил, когда усилия пропадали зря, поэтому всеми силами старался избавиться от демона, крепко севшего на плечи.

И зловредного беса удалось прогнать. Ксавьер больше не вздрагивал, когда видел упакованный в брикеты для отправки наркотик, не чесал локти, не кусал губы до крови. Начал нормально питаться и заниматься спортом, вытесняя мысли о дозе далеко на периферию сознания. Окончательно избавиться от них пока не удавалось, но все впереди. Он смог преодолеть физическую зависимость, сможет и психологическую.

И ему во многом помогал Энрике. Он применял те же методы, что и со своими людьми, он был жесток, но справедлив. Поощрял за успехи и лишал привилегий за промахи. Ксавьеру нравилось, как с ним обращаются — он терпеть не мог, когда его жалели и давали «конфетки» просто так. И Энрике, зная это, даже не пытался действовать подобным образом.

Пока Ксавьера не назначали официальным помощником, но без работы он все равно не остался. У него обнаружился талант к прокладыванию безопасных маршрутов, и он мог целыми днями сидеть над картами Мексики и чертить изломанные линии. Он придумал прятать товар в грузовиках так, что его невозможно было найти, а также пропитывать пакеты специальным раствором, чтобы закупорить запах травы внутри. Ни одна полицейская собака не унюхала бы ее. Энрике поражался его идеям, не зная, кем Ксавьер был до того, как скатился на самое дно, и частенько хвалил, давая более сложные и интересные задания.

Однажды Ксавьер услышал, как Энрике на кого-то кричит. Заинтересовавшись, он прокрался к библиотеке и прислушался.

— Какое, к черту, изобразительное искусство, Рауль?! — вопил тот. — Как ты мог перевестись?! Я специально устроил тебя на факультет бизнеса и торговых отношений, чтобы ты имел хоть какое-то понятие о том, чем я занимаюсь! Будешь выкладывать из травы икебаны или, *chinga tu madre*, все же научишься продавать ее?! Ах ты не хочешь? Тут ничем помочь не могу. Придется. Немедленно переведись обратно и не имей мне мозги!

Он швырнул трубку на круглый столик и устало растянулся в кресле.

— Чертов сопляк, — бормотал он. — Можно подумать, я делаю это для себя. Посмотрю я, как ты запоешь, когда у тебя кончатся деньги!

— Что-то случилось? — Ксавьер осторожно подошел и поднял сброшенную с полки в горячке разговора книгу. Это оказался «Зорро» Исабель Альенде. Смешно было подумать, что это любимая книга хозяина могущественного картеля, но тем не менее так и было. Энрике не был лишен некоторой романтической составляющей.

— Младший брат, — ответил Энрике, даже не взглянув на книгу в руках Ксавьера. — Вдалбливаю в его пустую голову, что нужно избрать профессию полезней, чем какой-то там вшивый художник — не слушает.

— А у него есть талант?

— Не особо. — Энрике фыркнул. — Я это не со зла говорю, он действительно рисует так себе, но мечты своей не оставляет. Заявил, что хочет открыть картинную галерею, представляешь?

— Художник и владелец галереи — разные профессии. — Ксавьер пожал плечами. — Тем более галереей тоже надо управлять, навыки не повредят ему и в вашем бизнесе.

Энрике кивнул и улыбнулся.

— А ты прав. Всегда поднимаешь мне настроение. Как смотришь на то, чтобы проехаться до бара и выпить пива?

— Я только за. — Ксавьер поставил книжку на полку, еле втиснув ее между двумя

другими.

Они крепко подружились. Два месяца — слишком малый срок, чтобы довериться кому-то на сто процентов, но Энрике рискнул и сделал Ксавьера своей правой рукой. Хесус ворчал, что негоже давать такое важное место уличному наркоману, пусть и бывшему, но глава картеля был непреклонен. Он видел, на что способен Ксавьер, и какие выгоды это сулит им обоим.

Но в один прекрасный день все переменялось.

* * *

Ксавьер взлетел по ступенькам на второй этаж и радостно ворвался в кабинет Энрике. Только ему позволялась такая вольность — на всех остальных, даже на своего родственника Хесуса Энрике обычно рявкал, чтобы убирались к чертям.

— У меня получилось! — крикнул он. — Контракт на...

В кабинете было пусто, но Ксавьер не удивился. Скорей всего, Энрике в библиотеке — все свободное время он торчал там, утверждая, что книги успокаивают мысли. Кубарем скатившись вниз, Ксавьер распахнул двери.

— Дон Энрике!

Тот сидел в любимом кресле, вертел в руке бокал с коньяком и даже не повернул головы в его сторону.

— Дон Энрике. — Ксавьер подошел ближе. — Мне удалось заключить контракт, теперь мы увеличим наше влияние и в соседнем штате...

Он замолк. На столике рядом с Энрике лежал набор юного наркомана: ложка, пакет с белым порошком, два одноразовых шприца в упаковке, резиновая трубка и зажигалка.

— Дон Энри...

— Это твое?

— Нет. — Ксавьер даже не пытался скрыть недоумения. — Не мое.

— Тогда что это делало в твоей комнате?

Ксавьер опешил.

— В моей комнате?

— Прекрати повторять, как попугай! — Энрике грохнул бокал на столик и поднялся. — Это было найдено в твоей комнате, очень хорошо припрятанное. Ты опять взялся за старое, Ксавьер? Знаешь, чем это чревато, и все равно начал колотиться снова?

Ксавьер вскипел от возмущения.

— Вот! — крикнул он, вытягивая руки вперед. — Посмотрите сами, они чистые! Я не прикасался к этой дряни два месяца, с того самого момента, как вы привезли меня сюда!

— Это ничего не меняет, — отмахнулся Энрике. — Будто не знаешь, что колотиться можно не только сюда. Куда ты делаешь уколы? — Он обошел кругом. — В бедро? Под колено? Снимай штаны!

— Не буду! — рявкнул Ксавьер. — Я считал, вы мне доверяете...

— Ладно. — Энрике снова уселся. — От кого не ожидал, так это от тебя. А ты казался мне сильным парнем. В любом случае, не убью я тебя только потому, что за тобой приехали. Богатенькие мальчики всегда делают, что хотят, не так ли? А ты богатенький мальчик из хорошей влиятельной семьи.

— Приехали? Богатенькая семья? — Ксавьер потер лоб. — О чем вы, черт возьми...

— А я думал, почему ты ничего не рассказываешь ни о себе, ни о своей родне. Я бы незамедлительно вернул тебя, если бы знал.

— Кому вернули, дон Энрике?

— Хесус! — позвал тот.

Помощник немедленно возник на пороге.

— Гости прибыли?

— Так точно, сеньор.

— Приведи их.

Ксавьер весь сжался, не зная, чего ожидать. Родители нашли его? Но они не вспоминали о нем уже почти десять лет, с чего вдруг сейчас...

— Ксавьер! — услышал он до боли знакомый голос.

Сердце ухнуло в пятки, желудок сжался от ужаса. Тело отказывалось повиноваться, но Ксавьер заставил себя повернуться.

Жаклин стояла в дверном проеме и протягивала руки в любящем жесте матушки, давно не видевшей сына.

— Ксавьер, милый...

— *Chinga tu madre*, — выругался Ксавьер, отступая. Ноги не слушались, он зацепил столик, и все с него посыпалось на пол. Машинально он схватил резиновую трубку и, сжимая ее в руке, продолжал отступать.

— Кажется, ты не рад меня видеть, — грустно вздохнула Жаклин. — Ну что за непослушный ребенок. Спасибо вам, дон Энрике, что приютили моего племянника. Он такой бедовый... Всегда доставлял много проблем.

— Не за что, — буркнул Энрике, даже не повернувшись.

Ксавьер пятился между книжных полок, но Жаклин не торопилась. Она знала, что ему некуда бежать, и растягивала удовольствие охоты.

И тут Ксавьер вспомнил. Где-то здесь была потайная дверь, он сам ее случайно нашел, когда от скуки проводил долгие часы в библиотеке. Кажется, вон за той полкой...

— Куда ты, милый мой? — продолжала измываться Жаклин. — Я так долго тебя искала, не думала, что тебя занесет в Мексику...

— Поищи еще, — огрызнулся Ксавьер и, нащупав нужную полку, толкнул ее и вылетел в длинный узкий коридор.

— Охрана! — взвизгнула Жаклин, но Ксавьер уже задвигал за собой дверь.

На мгновение он замер, пытаясь отдышаться. Коридор приведет его в сад, а там можно перелезть через стену — в кладке как раз есть подходящие уступы, не слишком заметные, но выдолбленные как раз для этого. Энрике говорил о своем младшем брате и сестре, которые сейчас жили в Штатах, наверняка это их рук дело. Больше не раздумывая, Ксавьер бросился вперед.

Вылетев в сад, он на мгновение зажмурился от яркого солнца и не заметил громаду, в которую с размаху врезался. Не думая, что делает, Ксавьер вскинул резиновую трубку и обхватил ей шею охранника.

— Молчать, — прошипел он. — Один звук — и придушу.

— Ксавьер, — прохрипел кто-то.

Он всмотрелся в пленника и с удивлением узнал в нем Джейкоба.

— Ух ты. Еще живой? Жаклин тебя не кастрировала за мой побег?

— Да убери ты... Эту хрень... — вырвавшись из объятий Ксавьера, Джейкоб, морщась потер шею. — Резвый ты парень, я всегда это знал. Как тебя снова угораздило попасться?

— Не знаю. Джейкоб, ты ведь не собираешься меня...

— Хозяйка приказала, что мне остается? — Джейкоб пожал массивными плечами. — Я не могу облажаться второй раз.

— Джейкоб! — умоляюще простонал Ксавьер. — Ты знаешь, что она со мной сделает! Можешь просто меня не догнать? Я сейчас сигану через стену, а ты скажешь, что слишком тяжелый и не смог на нее влезть!

Джейкоб хмурился и шевелил губами, перебирая варианты.

— Пожалуй, могу. Но за тобой уже два должка.

— Спасибо, Джейкоб, я этого не забуду! — скороговоркой выпалил Ксавьер и бросился к спасительной стене.

Вечером он уже был на пути в Веракрус. Еще одна страна не приняла беглеца, но есть море других. Не будет же Жаклин обыскивать ради него весь земной шар?

* * *

— Ранним утром я отплыл вместе с контрабандным судном. Фактически повторил твой путь, принц. — Ксавьер усмехнулся. — С тем лишь отличием, что меня не морили голодом и не связывали. Рассчитываться пришлось контрактом — по договоренности я реализовал весь товар, прибывший с кораблем — пятьсот килограммов марихуаны. Я был в этой стране впервые в жизни, не знал ни ее порядков, ни единого барыги. В общем, было непросто. — Он затушил невидимую сигарету о подлокотник плетеного кресла.

Рауль потрясенно молчал.

— Ваш брат безоговорочно поверил в то, что я снова сел на иглу, хотя наркотики мне подбросили. В общем-то, он прав — наркоману, даже бывшему, нет никакой веры. С его стороны было большим одолжением наделить меня теми полномочиями, что он мне дал. И я из-за зависти Хесуса его ожиданий не оправдал.

— Но можно было его убедить...

— Вам за столько лет удалось его убедить, что вы не созданы для наркобизнеса?

Рауль покачал головой.

— А я должен был сделать это за те несколько секунд, пока он не позвал Жаклин. Знаете, Рауль, — Ксавьер прикрыл глаза, — я мог бы простить недоверие — между партнерами по бизнесу оно практически никогда не достигает ста процентов, и я склоняюсь к тому же: полностью доверять нельзя никому. Но. Он сдал меня Жаклин. Этого я простить не смог. Вы не знаете нашу с ней историю, но поверьте — это действительно был удар ниже пояса. Мой новообретенный друг меня предал. А предателям прощения нет.

— Может, у него были причины...

— Какие? Если ему заплатили, это ставит его в еще менее выгодное положение.

— Но ты простил меня, — тихо сказал Амадео. — Выйдя из тюрьмы, я сдал тебя с потрохами, и все же ты простил меня. Почему?

Ксавьер едва заметно улыбнулся.

— Я сам виноват в том, что ты так поступил. Ты был раздавлен, потерял все: семью, отца, лучшего друга. Это даже не месть, а глупая выходка обиженного мальчишки. —

Ксавьер ненадолго замолчал. — А на Энрике по-мальчишески злился я. Наверное поэтому и пообещал отдать его картелям в обмен на тебя.

Рауль беспомощно сжимал кулаки, с трудом сдерживая злые слезы.

— Если бы он остался жив... — Он сглотнул вставший в горле ком. — Если бы он остался жив, вы бы отдали его Альваро Гонсалесу? Как приз на ярмарке?

— Если вы знаете ответ, зачем спрашиваете?

— Какая разница, что я знаю! — выкрикнул Рауль. — Я хочу услышать от вас!

Ксавьер вздохнул.

— В связях с УБН обвинили сбежавшего Хесуса. Это все.

Рауль поднялся и, не попрощавшись, покинул патио.

— С дипломатией у тебя не очень. — резюмировал Амадео.

— Никогда не была моей сильной стороной, в отличие от тебя. — огрызнулся Ксавьер. — Прости. Должно быть, я еще не до конца пришел в себя. — Он помолчал. — Ты ничего не сказал о том, что я когда-то принимал наркотики. Для тебя это не новость?

— Мне рассказал Энрике. Но не вижу никаких причин тебя за это ненавидеть. — Амадео пожал плечами. — Какая разница, что было в прошлом? Это не имеет никакого значения. Я уже говорил Энрике, скажу и тебе — я буду верить в тебя до самого конца, что бы ни случилось.

Ксавьер долго смотрел на него. И повторил ровно то же, что сказал Энрике:

— Всем бы таких друзей, как ты, принц.

Амадео рассмеялся.

— Нарвался на комплимент, — проворчал Ксавьер. — И не надо меня упрекать, что я поверг себя опасности, связавшись с картелями. Предупреждаю заранее — ты на такое горазд. Если бы не Гонсалес, я так и не узнал бы, что тебя прячет Энрике... — Поскольку Амадео вдруг отставил бокал и внимательно уставился на него, Ксавьер переспросил: — Что?

— Альваро Гонсалес? Но Ксавьер... К Энрике меня привез Мигель. Он знал, где я.

Ксавьер, прищурившись, изучал его растерянное лицо. Затем вдруг расхохотался.

* * *

По случаю Дня Мертвых Мигель украсил дом гирляндами с черепами и яркими цветами. Четверо его верных подручных вырядились скелетами, что в случае здоровяка Тони и приземистого коренастого Шона смотрелось странно. На вечер был запланирован просмотр мультфильма «Тайна Коко» на проекторе, поэтому Рори и Корнелиус сновали между кухней и патио, таская туда-сюда тарелки с угощениями и бутылки с газировкой. Тео и Паоло помогали им, попутно успевая съесть вкусняшку-другую, Диего шутливо пытался поймать их, грозно жужжа моторчиком нового кресла. Дон Грегорио рассказывал какую-то забавную историю, Альваро Гонсалес и Гилберто Перес раскатисто хохотали. Рикардо смешивал безалкогольные коктейли под чутким надзором Амадео.

Киан притащил огромное блюдо сладостей, пожирая их голодным взглядом, Мануэла, посмеиваясь, шлепала его полотенцем.

— Погоди еще чуть-чуть, не делай такой жалобный взгляд, или мне придется кормить тебя с ложечки! Йохан! Где ты, вечно отлынивающий от работы шалопай?!

Тот торопливо затушил сигарету и, хлопнув Рамиреса по плечу, потрусил к ней.

— Слушаю вас, сеньора!

— Принеси сангриту, там два огромных кувшина. И поживее, бездельник! Пора садиться за стол!

— Я тоже постоянно ругаю этого лентяя, Мануэла, — проскрипела Роза, довольно посмеиваясь. — Но его уже не исправить.

— Женщины, — проворчал Дэвид. — Все бы вам ругаться!

— И вовсе нет. — Чилли сунула в руку начальнику охраны высокий стакан с фруктовым коктейлем. — Как можно ругаться на такого мужчину, как вы?

— Ладно, ладно, — отозвался тот, явно польщенный. — Ох, рыжая хитрованка...

Ксавьер вздрогнул, когда рядом материализовалось страшное черно-белое лицо.

— С Днем Мертвых! — загробным голосом продекламировал Мигель, тряся заплетенными в тонкие косички волосами. — У-у-у! Сегодня мертвые посещают мир живых, и полагается должным образом их встретить!

— Спасибо, обойдусь. — Ксавьер поморщился и отодвинул Мигеля подальше от себя. — С меня хватит и праздника.

— Ну что вы как неживой! — топнул ногой Мигель и вручил Ксавьеру сахарный череп на палочке. — Если уж отказались наряжаться, возьмите хотя бы это. Он вкусный!

Ксавьер со вздохом уступил. Он уже начал привыкать к чудачествам странного наркобарона. К слову сказать, поставки шли бесперебойно, и только поэтому он терпел этого шута.

Альваро Гонсалес отсалютовал ему бокалом. Они с Пересом выполнили свою часть договоренности — нашли Амадео и уничтожили остатки банды Флавио, теперь Ксавьер выполнял свою, распространяя их товар по своим маршрутам, но проблемой это не было. Наоборот, после того как он стал главой картеля Гальярдо, все стало гораздо легче.

У ворот просигналил автомобиль, и Амадео поднял голову от соковыжималки. В глазах сверкнула надежда. Ксавьер чуть было не сказал ему, чтобы расслабился — вряд ли после случившегося этот человек захочет посетить сборище, но лицо принца осветилось радостью.

— Рауль!

Младший Гальярдо сбежал по ступенькам в патио, и Амадео заключил его в объятия.

«И как тебе только удается пробуждать в людях такую преданность, принц? — подумал Ксавьер. — Этот парень готов был разорвать меня на части из-за своего брата, но теперь даже протягивает руку для приветствия».

Ксавьер осторожно стиснул пальцы Рауля, но тот даже не поморщился — повязку сняли месяц назад, и теперь он мог худо-бедно действовать рукой.

— Рад вас видеть, — сказал он, и Ксавьер предпочел думать, что тот говорит искренне.

— Взаимно, — ответил он. — Выпьете чего-нибудь?

— У вас тут сегодня коктейль-бар! — Рауль довольно пошлепал к барной стойке, которую соорудили из двух толстых бочек и лежащей на них доски. — Как я могу отказаться?

— Конечно, не откажешься. — Ребекка довольно потягивала красно-желтый коктейль. — Наш принц — отменный бармен.

— Ой! Совсем забыл! Сейчас принесу маски! — крикнул Мигель, бросаясь в дом.

Пробежав несколько комнат, он отпер ключом свою спальню. В отличие от остального дома, здесь царила атмосфера обитания четырнадцатилетнего подростка — стены были

заклеены плакатами с мультяшками и «Звездными войнами», всюду громоздились фигурки персонажей и сборные модели космических кораблей, а с двери с обратной стороны скалил зубы Тазз.

Мигель подошел к шкафу и распахнул дверцы.

— Где же они... — ворчал он, роясь в сваленных в кучу вещах. — Я точно помню, что...

А, нашел!

Он выудил несколько черно-белых масок, расписанных в полном соответствии с праздником и своим лицом, затем, задумавшись, вытащил еще три с черепами в цветочках.

— Отлично! На всех хватит! — он радостно подпрыгнул на месте и тут заметил лежащую на полу фотографию.

Наклонившись, он подобрал ее и раздвинул вешалки с висящими на них костюмами.

Вся задняя стена шкафа была разрисована схемой, там и тут были пришпилены фотографии и разноцветные стикеры. Альваро Гонсалес, картель Морелия. Гилберто Перес, картель Санта Мария. Диего Нуньес, картель Пласидо. Еще пара десятков имен, но более мелким шрифтом, над каждым — фото. Некоторые зачеркнуты черным маркером, красные и зеленые стрелки тянутся в разные стороны.

Мигель усмехнулся и прицепил фотографию Ксавьера Санторо над «картелем Гальярдо». Затем, аккуратно сдвинув вешалки, запер шкаф.

— Мертвые идут! — возопил он и, подхватив маски, бросился обратно в патио.

Больше книг на сайте - Knigoed.net